ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

РЫЦАРЬ МЕЧТЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этой книге собраны легенды стран средневековой Европы, повествующие о подвигах, совершенных во имя любви. Эти легенды рассказывают как о вымышленных героях, так и о реальных исторических лицах, объясняют происхождение праздников и географических названий. По их сюжетам написаны поэмы, пьесы и оперы. Некоторые изложения легенд публикуются впервые. В них вставлены фрагменты произведений средневековых поэтов.

Легенды пересказаны известной писательницей и переводчицей Софьей Леонидовной Прокофьевой, сумевшей сохранить стиль и колорит средневековых оригиналов.

Книга снабжена комментариями.

Для среднего школьного возраста.

- Пересказ С. Прокофьевой
  -
  - От редакции
  - Рыцарь мечты
    - Винета – затонувший город[3]
    - Флор и Бланшефлор
    - Лорелея
    - Тангейзер
    - Рыцарь мечты
    - Свеча от Гроба Господня
  - Комментарии
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51

Пересказ С. Прокофьевой Рыцарь мечты. Легенды средневековой Европы в пересказе для детей

© Прокофьева С. Л., пересказ, 2014
© Ионайтис О. Р., иллюстрации, 2014
© Составление, вступительная статья, комментарии, оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2014

От редакции

Книга, которую вы открыли, – сборник легенд о влюбленных. Легенды эти родом из Средних веков. И первое, что возникает в воображении при словах «Средние века», – это величественные соборы европейских городов, неприступные замки, благородные рыцари и прекрасные дамы. Но современные представления, основанные на легендах и преданиях, далеки от реальности. Для нас герои тех далеких эпох подобны персонажам «Сказок», любимой книги пионерки Оли, героини книги В. Губарева «Королевство кривых зеркал». Там «короли, разные принцы и придворные дамы так добры, справедливы, прекрасны и вообще так приторно-сладки, будто вымазаны медом». Это происходит оттого, что в легендах создаются картины идеального мира, к которому реальным людям, жившим тогда, следовало стремиться. На самом же деле в те далекие и жестокие времена, когда на картах еще не было современных государств, а отношения и быт регламентировались строгими правилами сословий, люди и воспринимали такие понятия, как *жизнь, смерть, любовь,* по-иному, чем мы сейчас.

Для средневекового человека существовало два вида любви: низкая (любовь в повседневной жизни, любовь супругов) и высокая, куртуазная, любовь к идеальной прекрасной даме. Куртуазную любовь можно назвать «любовью-служением», так как рыцарь служил женщине, которую выбрал своей дамой, так же

как служил своему господину и Богу. Возникновение такой любви было подлинным переворотом в сознании средневекового человека. Суть служения для него была в преклонении сильнейшего перед слабейшим. И вдруг этим сильнейшим становится женщина, которая до этого считалась недостойным существом, причиной грехопадения. Сосуд греха превращается в Даму (или Донну), то есть Госпожу. До этого ни в одной мировой культуре женщин так не возвеличивали.

По сути, куртуазная любовь представляла собой не проявление чувств, а некий ритуал, действо, в котором оба участника разыгрывают предписанные роли. Трувер[1] Андрей Капеллан в помощь влюбленным рыцарям и дамам написал своеобразное руководство – «Трактат о любви». Согласно этому трактату, рыцарь, чтобы заслужить благосклонность своей избранницы, должен пройти четыре стадии любви-служения: рыцарь «вздыхающий», «замеченный», «признанный» и «возлюбленный». А дама, чтобы стать объектом такой любви, должна быть воплощением душевной и телесной красоты. Причем она необязательно должна быть незамужней. А если дама была замужем, то мужу категорически запрещалось проявлять свою ревность.

Воспевали куртуазную любовь поэты-трубадуры[2]. Поэзия трубадуров опиралась на различные источники: фольклор, народные песни (обрядовые, «майские», свадебные); восточную лирику (особенно арабо-мусульманской Испании, достигшей высочайшего расцвета в XI–XII вв.); античную любовную лирику (прежде всего произведения Овидия – признанного наставника в искусстве любви).

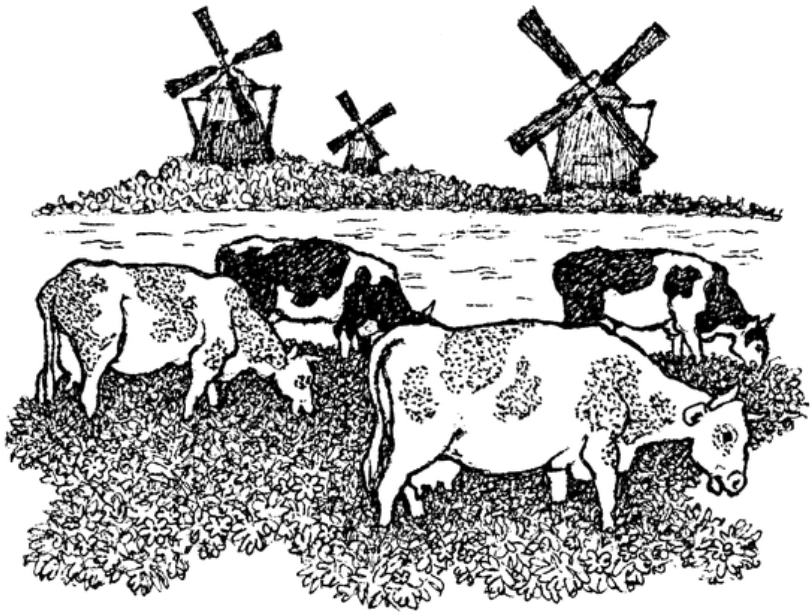
Куртуазное учение выступало в роли своеобразной рыцарской идеологии, необходимой западноевропейскому обществу, пребывавшему в состоянии беспрерывной войны, преподносимой как война за веру, то есть за духовные ценности. Однако рыцари разных стран хотя и принимали правила куртуазной любви, но понимали ее смысл различно. На юге Франции, в Провансе, считали, что совершенная дама должна быть недоступной, а служение ей уже само по себе награда. Такие отношения южане называли «истинной», или «совершенной», любовью. Если же эти отношения имеют телесное завершение, то тогда они – «пошлая, низменная» любовь. Но северяне, германцы, именно эту «низкую» любовь смешивали с собственно куртуазной любовью. В литературоведении для обозначения двух этих моделей поведения утвердились термины «высокая куртуазия» и «низкая куртуазия». В литературе высокая куртуазия получила выражение в рыцарской лирике, а низкая – в рыцарском романе.

Различие этого понимания куртуазной любви вы можете увидеть в собранных в данной книге легендах. Север представлен в ней легендами из Германии, а юг – легендами из Франции и Италии.

Легенды, вошедшие в сборник, не подлинные произведения средневековых авторов, а пересказы. Тем не менее пересказчику этих историй, Софье Прокофьевой, удалось сохранить их стиль и своеобразие, передать характеры героев и колорит эпохи.

Рыцарь мечты

Винета – затонувший город [3]



Случилось это в стародавние времена, теперь уже никто толком не помнит, когда это было.

Однажды ясным весенним утром молодой пастух Питер выгнал стадо на зеленую луговину возле реки. Было тихо. Крылья ветряных мельниц темнели вдали неподвижными крестами. Мимо берега лениво и медленно проплыл старый деревянный башмак, а то никто и не заметил бы, что вода движется.

Еще дальше, позади гряды крутых обветренных скал, шумело море. Казалось, великан вздыхает во сне.

Пастух был родом из этих мест. Каждый день он видел одно и то же: эти поля и луга и неторопливую, сонно-текущую реку. Ему захотелось подняться на вершину утеса и поглядеть на море. Коровы щипали сочную высокую траву, а собачонка зорко стерегла стадо.

Молодой пастух пошел к далеким скалам, напевая по дороге песню:

Волна тиха, волна светла,
Как из прозрачного стекла.

На дне звонят колокола:
Дин-дон, дин-дон, дин-дон!

У подножия зеленого холма притулился домик старого рыбака. Старик отдыхал на скамейке, покуривая трубку. Он ласково кивнул Питеру. Лицо у старика было цвета темной меди, а глаза словно выгорели от солнца.

– Славная песня! – сказал он. – Я и сам певал ее в молодости. Говорят, все в ней правда, каждое слово, да кто знает?

Пастух махнул рукой старому рыбаку и начал карабкаться вверх по скалистым уступам. Кривые ветки кустов цеплялись за полы куртки. Но вот он и на вершине. Пастух посмотрел кругом.

Стояло безветрие, но по морю все время катились широкие пологие волны.

Вот одна разбилась внизу, зашипела, затихла. За ней вторая… И вдруг в тишине послышался дальний приглушенный звон колоколов. Звон этот шел откуда-то снизу, будто поднимаясь по невидимой лестнице. Все громче и громче звучали колокола, и шум прибоя уже не мог заглушить их.

«Значит, и вправду на дне моря звонят колокола! – изумился Питер. – Словно радуются праздничному утру».

Бом-м! – глухо гудел могучий колокол, и ему на разные голоса торопливо и звонко вторили другие.

В этот миг в отдалении, за полосой прибоя, что-то ярко-ярко

сверкнуло в волнах. Солнце скрылось за облаком, и стало видно: это появился из волн золотой петух. Вот диво! Стоит петух на золотом шаре, а золотой шар укреплен на острие золотого шпиля. Растет и тянется к небу золотой шпиль, и бежит от него по воде светлая дорожка.

Вот появились из моря еще два золотых петуха, а вот уже видна над волнами крыша высокого дома, так богато украшенная, будто на дом надета драгоценная корона.

Питер взглянул вправо, взглянул влево… Там, где всего минуту назад катились пустынные волны, теперь виднелся густой лес стрельчатых шпилей, колоколен и башенок. Столько, что и не сосчитать!

Бом-м! – гремел большой колокол, и звонкие серебряные голоса малых колоколов подпевали ему: «Мы рады солнцу, рады свету! Мы вышли из моря, вышли из моря…»

Стаи стрижей взлетели с башен и закружились в небе, словно не могли нарадоваться голубому простору.

Смотрит Питер – глазам своим не верит. Выплывают из волн одна за другой островерхие крыши.

Еще несколько мгновений – и поднялся из морской пучины круглый остров. А на нем сияет украшенный золотыми статуями прекрасный город.

«Уж не сон ли я вижу? – подумал Питер. – Или, может быть, это радуга встала над морем и ослепила меня? О, если бы моя любимая Магдалена была здесь, рядышком, и видела это чудо!»

Пастух протер глаза и больно ущипнул себя, чтобы увериться, не спит ли он? Но нет, город не исчез, как сонное видение.

Вот улицы, вот дома, десятки, сотни домов! Они стоят тесными рядами и похожи на золотые ульи. Вот высокий собор.

Три сторожевые башни охраняли вход в город: одна, самая большая, посередине и по обе стороны две другие, поменьше. В главной башне тяжелые медные ворота, а над ними щит с гербом: ларец, полный золота, и лев с разинутой пастью.

Шум прибоя затих. Море словно обмелело, и от самого берега поднялась со дна и протянулась к воротам песчаная коса, длиной шагов в триста.

«Будто подъемный мост», – подивился пастух. Он торопливо спустился с утеса, в кровь исцарапав ладони, и пошел к городу, увязая ногами в мокром песке.

Теперь колокола звонили так громко, что дрожал и сотрясался весь воздух кругом.

Питер подошел к высоким медным воротам и остановился.

«Только искусным мастерам под силу сделать такие ворота, – подумал он. – Ничего не скажешь – отменная работа! Их не

сокрушить и полчищам врагов… А что, если вдруг откроются ворота? Войти мне в этот город или нет? Боязно как-то, однако и взглянуть на город охота. Э-э, да что думать попусту! Ворота все равно крепко-накрепко заперты…»

Вдруг Питер вздрогнул и невольно сделал шаг назад.

Померещилось ему: стоит в тени ворот прозрачная девушка, закрыв лицо руками. Длинные волосы ее, словно утренняя золотистая дымка, окутали плечи. А сама вся сжалась, дрожит, будто озябла.

Тут девушка опустила руки, и пастух увидел, что это его невеста Магдалена. Слезы текли по ее бледному лицу, и смотрела она на него с несказанной мольбой и тревогой.

«Храни тебя Господь, моя Магдалена! – с волнением произнес про себя Питер. – Это, верно, твоя душа явилась, чтоб вовремя остеречь меня, чтоб я поскорей удалился от этого недоброго места. Так я и сделаю. Поспешу-ка я назад…»

Только он это подумал, послышались натужные хриплые крики:

– Эй, налегай, налегай сильнее! Петли заржавели. Все вместе, разом!

С лязгом и скрежетом растворились тяжелые ворота. Появился человек, одетый в пунцовый бархатный кафтан, украшенный гербом города. Человек вскинул золотую трубу и громко затрубил. Она звучала торжественно и призывно.

Питер глянул в открытые ворота да так и замер на месте.

С высоких башен струйками сбегала вода. Легкий пар поднимался над кровлями. Дорога, мощенная разноцветными камнями, была мокрой, как после сильного дождя.

На маленькой площади толпились люди в нарядных богатых одеждах. Они взволнованно переговаривались, вытягивали шеи, чтобы получше разглядеть Питера.

– Вон он, смотрите! – послышались голоса. – К нам пожаловал гость. Какая радость! Он – бедный, он, похоже, беднейший из бедных… Он нищий. У него заплаты на коленях, прорехи на локтях! Какая удача!

«Странный народ! Чему тут радоваться?» – удивился Питер.

Ему вдруг стало как-то не по себе, словно пахну́ло на него холодным сырым ветром. Он хотел было уже повернуть назад, однако не тут-то было! Его со всех сторон окружила толпа пышно разодетых слуг. Они низко и почтительно кланялись ему, приглашая войти, и подобострастно улыбались. Но двое дюжих молодцов крепко подхватили его под локти.

– Спятили вы, что ли! Пустите меня! – крикнул Питер.

Но слуги насильно повели его через площадь, вверх по улице.

Все дома тут, как видно, были построены в глубокую старину, но ничуть не обветшали. Было на что поглядеть: столбы из мрамора и лазурита[4], статуи людей, так искусно высеченные из камня, что казались живыми. Двери украшены золотом. В каждом окне узор из цветных стекол: вот роза, вот звезда, вот прекрасная девушка.

Двери лавок были широко открыты, а в них – чего только нет! У Питера просто глаза разбежались. Купцы, стоя на пороге лавок, приветствовали его низкими поклонами, ласково кивали ему. И все же душу Питера томили неясный страх и тревога.

Посередине улицы били хвостами и разевали рты морские рыбы. Во все стороны испуганно разбегались крабы. Какая-то женщина выжимала подол намокшего платья, украшенного кружевом. Девушки расчесывали золотыми гребнями влажные волосы, чтобы они поскорей просохли под лучами солнца.

Но всего удивительнее было вот что! На крыше одного из домов стоял, накренившись, трехмачтовый корабль. В боку чернела глубокая пробоина, канаты перепутались, на грот-мачте[5] – выцветший флаг с черепом и скрещенными костями.

Еще заприметил пастух старую рыбацкую лодку. Крепко зацепилась она за острую башенку. Праздно свесились с бортов весла, на ветру трепетал видавший виды залатанный парус. Странным показалось все это Питеру.

«Кто же приплыл на этой лодке?» – с внезапной тоской подумал он.

Питера провели еще по нескольким улицам, и вот перед ним открылась широкая площадь. Со всех сторон ее окружали прекрасные здания: собор, ратуша[6] и торговые ряды. А немного поодаль возвышался дом, украшенный золотыми петушками.

Возле ратуши и на ступенях собора стояли люди. На мужчинах были длинные мантии, отороченные куньим и собольим мехом. На женщинах сверкало множество украшений: ожерелья и пряжки, серьги и перстни. А одеты они были все только в парчу и атлас.

Так гордо, так высокомерно глядели эти люди, словно им принадлежали все сокровища земли. На мостовой лежала золотая подкова, и кто-то небрежным пинком отшвырнул ее прочь.

Слуги остановились и отпустили руки Питера.

Из толпы вышел человек с тяжелой золотой цепью на груди и сказал медленно и важно:

– Здравствуй, гость наш, добро пожаловать! Все мы, именитые купцы нашего города, вышли тебе навстречу. Оцени оказанную тебе честь. А теперь твоя очередь говорить. Скажи нам, кто ты? Как тебя зовут? Богат ты или беден?

– Мой почтенный господин! Я – пастух, служу по найму. Зовут меня Питер. Выгнал я нынче утром хозяйских коров пастись на лужок и вот, волей или неволей, попал в ваш город.

– Мы все рады тебе, Питер! Значит, ты беден? Что ж, прекрасно! Или, вернее сказать, горе невелико. Но скажи мне: ты женат или еще одинок?

– Я один на свете, нет у меня ни кола ни двора. Вот прикоплю немного денег, куплю корову, тогда и женюсь. Может, и домик построю, я мастак работать топором. Вот и всё. Если подумать, так бедному человеку о себе и рассказать-то нечего.

– Э, да ты в счастливый час родился, милый сынок мой Питер! Это говорю тебе я, старшина купцов – господин Ангесхольм! Принесите сюда ключ, да поживее!

Тотчас принесли подушку из красного бархата, а на ней – большой тяжелый ключ с тремя зубцами.

– Вот тебе ключ от самого лучшего, самого красивого дома в нашем городе. Видишь, как горят на его крыше золотые петухи? Подними голову кверху и посмотри, Питер! Этот дом мы дарим тебе. Он полон несметных богатств от чердака до подвала. Останься с нами и живи в нашем городе.

Старшина купцов подошел к пастуху, по-отечески положил руку ему на плечо.

– Слушай, Питер, да смекай хорошенько. Не случайно, не сгоряча назвал я тебя своим милым сынком. Решил я с тобой породниться – хочу, чтоб ты стал моим зятем. Бог даровал мне двух дочерей-красавиц: Элинетту и Лионетту. Дружны и неразлучны были мои дочурки. Думалось мне, ничто не может омрачить их счастья, но судьба решила иначе…

Тут, не договорив, умолк господин Ангесхольм. Прикусил губу, нахмурил седые брови. Затуманился его взор. Видно было, что он с трудом сдерживает тайную боль каких-то тяжких воспоминаний.

Печальный вздох пролетел над толпой. Женщина в белом чепце опустила голову, молодой осанистый купец отвернулся, а кудрявая девушка смахнула с ресниц слезинку.

– Ну да не о том речь! – спохватился господин Ангесхольм. – Ступай, старая кормилица, кликни мою младшенькую! Скажи Лионетте – я зову ее. Хочу, чтоб вышла она к нам сюда на площадь.

– Сейчас, сейчас, господин Ангесхольм! – засуетилась кормилица. Одышливо охая, поднялась по лестнице и скрылась в доме.

В высоких стрельчатых дверях показалась стройная девушка. Плавным шагом спустилась она по мраморным ступеням. Ее лицо

было скрыто кружевным покрывалом, зыбким и узорным, как морская пена. Шитое серебром платье отяжелело от влаги.

Господин Ангесхольм своей рукой откинул покрывало, и замерли люди на площади, завороженные дивной красотой девушки.

Да, несказанно прекрасна была Лионетта! Бледно-золотые кудри придерживал алмазный обруч, но один непокорный локон упал ей на лоб. Она подняла длинные ресницы и поглядела на Питера. Казалось, само море подарило бездонную глубину ее глазам.

– Что, хороша?! – воскликнул седой купец. – Молчишь, парень, онемел от радости? Еще бы! Ты и мечтать не смел о такой невесте. Ну, что скажешь?

И странное дело! Померещилась Питеру тайная мольба во взгляде прекрасной девушки. «Не отвергай меня, Питер! Скажи, что берешь меня в жены…» – словно говорили ее глаза.

В замешательстве стоял молодой пастух, не в силах вымолвить и слова. Купцы, все, как один, выжидающе смотрели на него. А Лионетта призывно протянула к нему нежные руки, украшенные тяжелыми золотыми браслетами.

Наконец Питер собрался с духом и заговорил.

– Благодарю вас за великую честь, господа купцы! Уж вы не держи́те на меня зла, но никак не могу я согласиться. Поклялся я в верности Магдалене, девушке из моего родного селения. Работает она простой служанкой у господ. Считает дни, все надеется, что прикоплю я деньжат и мы поженимся. Нет слов, хороша ваша невеста, но отпустите меня!

Гневно взглянул на него господин Ангесхольм из-под насупленных бровей. Но пересилил себя, принялся вкрадчиво уговаривать, как мед полились его слова.

– Опомнись, любезный сынок мой Питер! Пожалеешь потом, ох как пожалеешь! Что тебе нищая служанка с шершавыми руками? Нечего сказать, велика радость купить корову да выстроить кособокую лачугу! Не поленись, сынок, войди в дом с золотыми петухами на крыше. Только подумай: он твой, ты в нем полный хозяин! Откинь сомненья, подай руку своей невесте!

Но упрямо покачал головой Питер:

– Вы так добры ко мне, совестно отказываться. Но делать нечего, дал я обещание моей Магдалене и не нарушу его, хотя бы небо надо мной затмилось и земля ушла из-под ног.

– Замолчи, замолчи, несчастный! – побледнел господин Ангесхольм. – Какие страшные слова!

Вдруг городской глашатай поднес к губам золотую трубу и протяжно протрубил один раз.

Точно ветер, предвестник бури, пролетел над площадью. Толпа зашумела. Все принялись уламывать и упрашивать пастуха.

Купцы прикатили бочки, набитые золотом. Бросали к его ногам драгоценные кубки, цепи, унизанные алмазами, перстни, кошельки. Разворачивали перед ним шелк, похожий на цветущий луг, бесценные ковры. Но Питер только виновато вздыхал и стоял не поднимая головы.

– Пошли тебе Господь, прекрасная Лионетта, жениха, достойного тебя! – наконец сказал он. – Именитого и знатного родом, не то что я. А меня отпустите восвояси: бросил я хозяйское стадо без присмотра.

– Значит, мы мало посулили тебе! – еще больше встревожились купцы. – Бери, пастух, бери все, что тебе приглянулось. Требуй от нас чего хочешь – не пожалеем. Что клятвы и обещания, что ты дал нищей девчонке? Звук пустой!

Городской глашатай снова вскинул кверху трубу, два раза громко протрубил и вскричал:

– Скоро полдень, граждане нашего города! Скоро полдень, торопитесь!

Старшина купцов схватил Питера за плечо. Голос его дрожал и прерывался:

– Спаси нас, пастух! Мы откроем тебе великую тайну. Лишь раз в сто лет, на одно только утро, выходит наш город из пучины моря. Колокола возвестят полдень – и он снова погрузится на самое дно. Но если за это время войдет в наш город юноша и женится на одной из наших девушек, то с города будет снято проклятье и море больше не поглотит его. Спаси нас, Питер, мы

все молим тебя!

Услышав это, пастух бросил свою шапку на землю и закричал:

– Какая беда! Какая беда! Я готов отдать свою жизнь, чтобы спасти ваш город. Но я не могу нарушить клятву верности, не могу!

Тут он увидел, что лица стоявших вокруг него людей исказились от лютой злобы. Опасный огонь засверкал в глазах.

– Тогда ты уйдешь под воду вместе с нами! – загремел старшина купцов. – Такое уже бывало. Вон, взгляни на него! – И он указал на смуглого человека с серьгой в ухе. – Это капитан разбойничьего корабля. Сто лет назад, ранним утром, он вошел в наш город, но освободить его не смог. Нехотя, скрепя сердце, дала свое согласие Лионетта. Ради всех нас, ради спасения родного города решилась она. Только скрыл от нас презренный лжец, что ждет его на берегу жена с малыми ребятишками. И как же открылся безбожный обман? Лишь переступил подлый разбойник порог святого храма – пошатнулся крест на алтаре, и одна за другой погасли все свечи. Делать нечего, пришлось признаться мошеннику во всем. Однако мы сказали ему: «Ступай прочь из нашего города! Поторопись, еще успеешь». Но жадность сгубила его. Заприметил он золотое корыто, из которого ели свиньи. Взвалил он на плечи золотое корыто и, согнувшись в три погибели, заковылял к воротам. Да поздно. В последний раз протрубил глашатай, и…

Не договорив, умолк господин Ангесхольм и только махнул рукой.

Тут капитан разбойничьего корабля по-волчьи оскалил зубы и выхватил из-за пояса нож.

– Да что вы нянчитесь с ним, глупцы! – завопил он. – Скрутить ему руки, отвести в церковь да силком обвенчать с девушкой, а не то я всажу ему клинок в горло. Скоро полдень! Скоро полдень!

Стражники окружили Питера и хотели было схватить его. Но Лионетта выступила вперед, властно подняла руку и крикнула ясным звонким голосом:

– Я отпускаю его! Слышите? В память моей несчастной сестры Элинетты я отпускаю его на свободу! Беги, пастух, пока не поздно, беги!

Вдруг земля под ногами дрогнула и подалась вниз. Зашатались дома, зазвенели цветные стекла. Отчаянно закричали птицы, опускаясь на кровли домов.

Стражники оцепенели, словно к месту приросли.

В последний раз взглянул Питер на прекрасную Лионетту.

Печаль и безнадежность светились в ее синих глазах. Он низко поклонился ей, повернулся и бросился со всех ног вниз по улице. А за его спиной, и все ближе, топот, крики, проклятия. Полетели камни, мимо просвистел нож.

Вот и городские ворота. Открыты настежь.

В этот миг в третий раз прозвучала золотая труба городского глашатая. Прозвучала отчаянно, обреченно… С лязгом и скрипом начали закрываться медные ворота. Вот уже осталась маленькая щелка. А в нее льются солнечные лучи… В последний миг успел Питер проскочить между тяжелыми створками, и они защемили полу его куртки. Но куртка была старая, изношенная, и пола легко оторвалась.

Пастух побежал по песчаной косе. Он бежал так быстро, как никогда в жизни, а песчаная коса оседала под ним, уходила в море. Вот он уже по колени в воде, вот по пояс, вот по самые плечи. Тут волны страшно закипели вокруг него… Да слава богу, до берега уже рукой подать.

Питер торопливо взобрался на прибрежный холм, цепляясь за ветки кустов.

Один за другим стали затихать колокола. Дольше всех, заунывно и протяжно, как в дни больших похорон, гудел большой колокол на башне собора. Но и этот колокол звучал все глуше и глуше. И вот уже все заглушил шум прибоя…

Питер оглянулся с вершины холма – и сердце его сжалось от боли. Перед ним расстилалось пустынное море. Последний раз блеснул в волнах золотой петушок и пропал из глаз.

Пастух медленно пошел с холма вниз, туда, где сидел у дверей своей хижины старый рыбак.

Старик вынул трубку изо рта.

– Что с тобой, парень? На тебе лица нет.

– Разве ты ничего не слышал? – спросил в свой черед молодой пастух. – Не слышал звука труб и колокольного звона?

Старик пристально поглядел на него и показал рукой на скамейку:

– Садись рядом со мной и расскажи, что с тобой приключилось.

Все рассказал Питер старику, все, что видел и слышал.

– Так и потонул он снова в морских волнах. И осталась там между створками медных ворот пола моей куртки. Поведай мне, добрый человек, может быть, ты и раньше слышал об этом городе?

– Слышал, и не раз. Наши отцы и деды говорили нам, что глубоко-глубоко на морском дне стоит большой прекрасный город. Когда-то, много сот лет назад, не было богаче города на

всем побережье нашего моря. Золотой город – вот как прозвали его люди.

Сядь поближе да послушай. Вспомнилось мне предание, старое, как эти седые обветренные скалы.

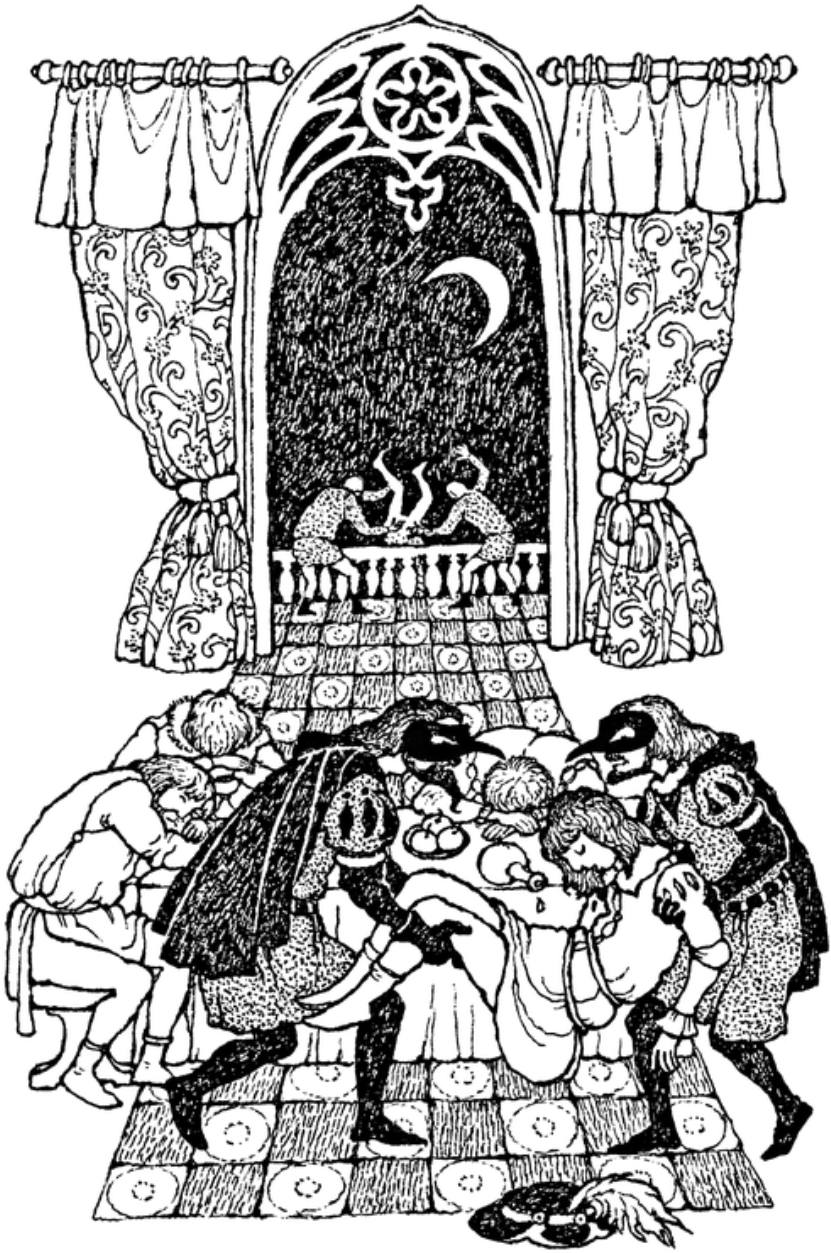
Учат нас святые отцы: трудно богатому спасти свою бессмертную душу.

Жадность, зависть, вечный страх за свои сокровища одолевают скупых и богатых, ожесточают их сердца.

Так случилось и с жителями Золотого города. Потеряли они покой, всюду чудился им хитрый сговор, подвох да обман. Выставят стражу вокруг дома – гложут их недобрые подозрения и тревога. А ну, как кто-нибудь подкупит корыстного слугу. Слаб человечишка, падок на золото, продаст своего хозяина за пригоршню монет. По ночам, вздрагивая от каждого шороха, со свечой в руке обходили купцы притихшие залы и лестницы.

Но пуще всего боялись они чужаков да приезжих. От них жди беды и разорения! Мало ли на свете охотников до легкой наживы!

Вконец истомившись от бессонных ночей и тревоги, вот что порешили именитые купцы. Только подойдет к острову корабль под незнакомым флагом, тут же всех моряков – от капитана до матроса – с показной лаской да поклонами пригласить в пиршественный зал. Не забыть никого, даже смышленого мальчугана юнгу. В зале уже ломятся столы от невиданных заморских яств. Накормят всех гостей до отвала, а потом опоят крепким сонным зельем. А только опустится темный полог ночи на город, станут догорать свечи в золотых подсвечниках – хлопнет в ладоши старшина купцов. Один за другим бесшумно скользнут в зал слуги в черных плащах и масках. Все, как один, – отпетые негодяи, что давно уже запродали души дьяволу. Эти знают свое дело: им не впервой.



Без лишнего шума – каждому камень на шею. А потом одного за другим сбросят несчастных с отвесной скалы в кипящую морскую пучину.

«Проснутся наши гости на дне морском – то-то удивятся!» – усмехались купцы.

Довольные, усталые, расходились купцы по домам. Спи

спокойно, Золотой город! Засовы и замки на дверях, луна освещает пустынные улицы.

Приказали купцы стрелять с башен в пролетающих над островом лебедей и чаек. Хоть и на своем птичьем языке, а могут разболтать глупые птицы о несметных сокровищах Золотого города.

Так год за годом жили да собирали богатство купцы. Радовались, что забыли люди про их остров, словно окружен он невидимой стеной.

Однажды проснулись жители Золотого города от воя и свиста ветра. Разбушевалось море. С грохотом бросает пенные валы на крутые утесы. Пробило дно утлой рыбацкой лодчонки, чудом уцелел молодой рыбак. Нашли его утром на узкой полосе песка под скалой. Рассечен висок, в кровь ободраны ладони. Но вскочил на ноги рыбак, радуется: жив остался!

Перемигнулись купцы. Что ж, до вечера далеко. Пусть пока погуляет по городу парень, полюбуется напоследок невиданными красотами да убранством.

И надо же такому случиться: на площади перед ратушей повстречались нищий рыбак и старшая дочь богатея купца – Элинетта. Повстречались и полюбили друг друга с первого взгляда.

Две дочери было у старшины купцов: Элинетта и Лионетта, обе несказанной красоты и прелести. Пуще всех богатств берёг их отец. Мечталось ему: зашлют сватов к нему самые знатные женихи города, и несметно приумножится его добро.

Вошел в пышные купеческие покои рыбак, даже не посмотрел по сторонам, невежа, будто привык он видеть мрамор да золотую утварь и не впервой ему ходить по бесценным коврам. Не сводит он упоенного взора с прекрасной Элинетты. Глядит не наглядится.

«Вот мой избранник, батюшка! – с улыбкой нежности сказала Элинетта. – Верю, это моя судьба. Жестокая буря, я благословляю тебя! Пенные волны, низкий вам поклон! Вы принесли мне счастье! Отец, порадуйся вместе со мной!»

Потемнел лицом купец. Знает он упрямый нрав дочери: горяча, несговорчива, вся в него. Потому, хитрец, прикинулся радушным хозяином, лукаво согласился для вида.

Допоздна горели жаркие свечи за праздничным столом.

Заснула Элинетта в своей опочивальне. Лунный луч надел ей на тонкие пальцы серебряные кольца. Крепок сон юности, спит она беспечно, доверчиво, ни о чем не догадывается.

Опоенный густым темным зельем, в глубоком забытьи лежит среди разбросанных парчовых подушек молодой рыбак.

Словно черные тени, скользнули в зал проворные ловкие слуги.

«Тоже мне, сыскался женишок! – с насмешкой прошипел купец. – Не слишком ли жирный кусок ты выбрал? Смотри не подавись! А ну, за дело, молодцы!..»

Слуги подхватили юношу.

Под покровом ночи свершилось безбожное дело. Только плеснула волна под скалой, разбилась лунная дорожка, и все стихло.

Утром сказал отец Элинетте, ласково приглаживая ее светлые кудри:

«Милое мое дитя, боюсь, я принес недобрые вести. Нынешней ночью пристал к нашему острову пиратский корабль. Встретился твой жених с одноглазым капитаном, и долго, за полночь, длилась их беседа. Посулил ему одноглазый разбойник легкую наживу да разгульные попойки в портовых кабаках. Все забыл твой беспутный жених, все попрал и предал, отплыл чуть свет на пиратском корабле. И ты забудь его, моя нежная девочка, – он не стоит и одной твоей слезы!»

Пристальным испытующим взором посмотрела Элинетта на отца, ничего не ответила, только страдальчески нахмурила тонкие брови, словно стараясь разгадать внезапную загадку.

…Однажды в ясный тихий полдень поднялась из волн красавица русалка. Плечи точно высечены из зеленого мрамора. Глаза лукавые, прозрачные. Длинные волосы переплетены морскими травами и нитями переливчатого жемчуга. А в тонких пальцах держит шелковый платок, шитый золотом.

Увидела Элинетта русалку, горестно вскрикнула и как подкошенная упала на руки подоспевших служанок.

«Мой, мой платок! Сама вышивала. Подарила я его любимому… Со дна морского подает мне знак. Уж не прогневался ли на меня за что? Или зовет меня к себе, торопит?»

Горюет отец, не осушает глаз мать. Лионетта обнимает любимую сестру, целует руки, молит успокоиться. Но Элинетта то упрямо молчит, то тихонько рассмеется, погрозит пальчиком. Причудливы, несвязны ее речи, все твердит о подводных дворцах из хрусталя и узорных коралловых гротах.

«Нету денег у морского царя. Но плывут ему прямо в руки золотые рыбки, – рассказывает Элинетта, а сама глядит как малое дитя. – Не печалься, батюшка! Соберу я тебе столько крупного жемчуга, сколько пожелаешь. Много на дне кладов с затонувших кораблей. Сверкают на дне золотые монеты. Вволю натешишься, отец! Ведь я знаю: больше всего на свете ты любишь золото…»

Только обуют ее служанки, сбросит она с ног башмачки, босая бежит на морской берег. Наклонится над волнами так низко, что намокнут упавшие в беспорядке кудрявые волосы.

«Милый, мой милый! – шепчет Элинетта. – Верно, полюбился ты морскому царю, вижу, застлал он наше брачное ложе мягкими изумрудными травами. Жди меня, скоро мы свидимся…»

Как-то утром вошли служанки в спальню Элинетты – нет ее! Искали, звали – все понапрасну. С тех пор никто не видел больше прекрасную девушку.

…Однажды проснулись жители города и видят: висят в воздухе прозрачные дома и башни. Они не помеха солнечным лучам. Вон птица свободно пролетела сквозь них. Встал над городом его двойник. Все в точности повторяет отражение: каждый дом, каждый шпиль, каждую башенку.

Многие испугались:

«Это недобрый знак! Видно, гибель грозит городу. Бежим отсюда, пока не поздно!»

«Как?! – засмеялись самые богатые. – Покинуть наши дома, наши лавки и все наши сокровища! Все бросить из-за пустых бабьих страхов? Наш город окружен крепкими стенами, что с ним может случиться?..»

Тяжко-тяжко вздохнул старый рыбак и прислонился спиной к нагретому солнцем камню.

– А дальше сам догадайся, мой мальчик, что случилось с про́клятым Богом за грехи несчастным Золотым городом. Молчит об этом древнее предание…

Замолчал старый рыбак, притомившись, потом зорко глянул на Питера.

– За всю свою долгую жизнь впервые повстречал я человека, которому довелось побывать в Золотом городе. Ты прошел по его улицам, видел все его редкости и диковинки, золотые статуи и дворцы. Ты смог заглянуть людям в глаза. Но скажи мне, старику, видел ли ты в их глазах хоть малую искру радости и света? Что молчишь? Задумался?.. Ах, Питер, Питер!.. Знай же: время для жителей этого города навсегда остановилось. Не стареют они и не умирают. Но живут они в несказанной тоске и печали, ничто их не тешит и не веселит, потому что их души вечно тоскуют по Божьему миру…

– Этот город… Как его звали? – Питер даже привстал от волнения. – Хотелось бы мне знать его имя!

– Одни зовут его Золотым городом. Ну а другие говорят, будто имя его – Винета.

– Винета? – задумчиво повторил пастух. – Винета… Как красиво звучит!.. Боюсь, до конца моих дней не утешусь я, что не спас Золотой город. Да только разве мог я нарушить свою клятву?

– Не горюй! Ты поступил так, как до́лжно, – хлопнул его по плечу старый рыбак. – И пошли Бог счастья тебе и твоей милой Магдалене, да чтоб поскорей сыграть вам свадебку…

Питер попрощался со старым рыбаком и стал спускаться в зеленую долину. И пока он шел, не умолкая, звучал в его ушах старинный напев:

На дне звонят колокола:
Дин-дон, дин-дон, дин-дон!..

Флор и Бланшефлор

Прекрасный дворец эмира[7] аль-Фелиса стоял на высоком холме, овеваемый легкими и теплыми ветрами. Высоко тянулись минареты, окружившие дворец великого эмира.

Недаром многие говорили, что не видали дворца красивее этого на всем побережье Средиземного моря. Со всех сторон дворец был окружен колоннами из порфира[8] и лазурита. Между колоннами были перекинуты легкие узорные арки, украшенные тонкой резьбой и узорами из цветной эмали.

Мраморные ступени спускались полукругом вниз, к морю. Весь берег возле дворца был усыпан тонким золотистым песком. Черные рабыни выбирали руками из песка камешки и раковины, чтобы он ложился под ноги, как мягкий шелк.

Все полы во дворце устилали бесценные фессалийские ковры. На них были вытканы цветы и фруктовые деревья и невиданные крылатые звери и люди.

По террасе из белого мрамора с серебряной искрой нетерпеливо ходила юная жена эмира.

Была она красавица из красавиц. Ее огромные черные глаза порой блестели так ярко, что казались светлыми. Атласные брови

лежали изящно изогнутыми дугами, словно прекрасный художник нарисовал их тонкой кистью.

Она нетерпеливо всматривалась в морскую даль, туда, где море сливалось с небом.

Неожиданно мягкий шум прибоя прервал зычный голос глашатая с восточной башни.

– Велик всемогущий Аллах, слава ему! Я вижу одиннадцать кораблей, и паруса их похожи на лебединые крылья в полете! Скоро они войдут в гавань.

– Это возвращается мой супруг и повелитель! – радостно воскликнула Заринда и приказала своим служанкам: – Наденьте на меня одежды цвета небесной лазури, подайте мне корону из голубых сапфиров! Пусть мой любимый обрадуется, увидев меня, ведь мы с ним не виделись пять месяцев и пятнадцать дней.

Один за другим подошли корабли к берегу в стройном порядке. Эмир аль-Фелис в окружении слуг и воинов поднялся на террасу, где ждала его прекрасная Заринда, и глаза ее сияли, словно были полны солнечных лучей.

Что только не привозил эмир своей любимой супруге из дальних странствий! И драгоценные украшения, и шелка, и тончайшие, как утренний туман, покрывала. Ей очень хотелось узнать, что подарит ей супруг на этот раз, но она не спросила из скромности.

– Приветствую тебя, владычица красоты! – произнес аль-Фелис.

Они вошли во дворец, где высоко поднимал свои струи фонтан. На розовом мраморе, окружавшем его, сидели павлины из золота и драгоценных камней. Из их клювов лилась вода вперемешку с жемчугом.

– Я привез тебе много подарков, дорогая, – сказал эмир. – Но среди них есть один, который порадует тебя больше всего.

По его знаку евнухи[9] ввели в зал, держа за руки, юную пленницу, закутанную в покрытое морскими брызгами дорожное покрывало.

Служанки сняли его, и Заринда вскрикнула от удовольствия, потому что девушка поражала своей красотой.

Ее светлые косы ярко блестели, а нежное лицо казалось прозрачным, как стекло. Особенно изумляли ее большие синие глаза.

– Царица моего сердца и судьбы, прими от меня этот подарок. – Эмир подвел к Заринде пленницу. – Ты давно мечтала иметь пригожую служанку.

Но Заринда легким шагом быстро подошла к девушке и нежно обняла ее.

– Благодарю тебя, мой супруг и повелитель! – воскликнула она. – Нет, не рабыней, не служанкой будет она. Я хочу, чтобы она стала моей подругой!

Пленницу звали Эльвира. Заринда увела ее в свои покои, и с тех пор они почти не разлучались.

Вместе гуляли они в тенистом саду, под неусыпным надзором евнухов купались в прохладных бассейнах, собирали цветы. Только в одном разнились они: жена эмира срезала только алые розы и, смеясь, прятала в них свое прелестное лицо, Эльвира срывала белые розы, без единого цветка другого оттенка.

– Почему ты так грустна, подруга? – однажды спросила ее Заринда. – Я часто вижу слезы на твоих глазах.

– Хорошо, я расскажу тебе, но это будет печальный рассказ, – тихо сказала Эльвира. – Я – христианка. Муж мой – сенешаль[10] французского короля. Мы дали обет поклониться праху святого Иакова[11] и с большой свитой отправились в путь. Но в горах на нас напали разбойники. Муж мой бесстрашно отражал удары. Но силы были неравны. В этой битве погиб мой муж и его бароны. А я досталась разбойникам на позор и посмеяние. И тут, на мое счастье, подоспел эмир, твой благородный супруг. Он вырвал меня из рук насильников. А ведь я беременна…

– Как я рада это слышать! – с восторгом воскликнула Заринда. – Ты только подумай! Какое чудо! Ведь я тоже жду ребенка!

И вот наступил этот нелегкий и счастливый день. В один день и час Заринда и Эльвира разрешились от бремени. Жена эмира родила чудесного мальчика, а ее подруга – прелестную девочку.

Все ложе Заринды было засыпано алыми розами. Любуясь своим сыночком, Заринда назвала его Флор, что значит «цветок».

В соседнем покое, глядя на белые розы, Эльвира, благословясь, дала свой малютке имя Бланшефлор, что значит «белый цветок».

Прошло немного времени, и дети уже сидели рядом, передавая друг другу игрушки и золотые шарики. Они держались за руки, сияли черные глаза Флора, и светились небесной голубизной глаза Бланшефлор.

Дети плакали, только когда их разлучали и они не видели друг друга.

Но время шло. И когда Флору исполнилось пять лет, эмир решил, что пора начать учить сына разным наукам, грамматике и философии.

Во дворец аль-Фелиса был приглашен из города Монтуар прославленный ученый Гедеон, весьма премудрый, знающий разные науки.

Но, к огорчению эмира, маленький Флор зевал, тер глаза, не мог запомнить ни одной буквы. Он утверждал, что цифры, как бабочки, улетают с его грифельной доски.

– Вот если бы моя подруга Бланшефлор училась вместе со мной… – уныло твердил он.

– Девчонка! Что проку от девчонки! – гневался эмир.

Все же на следующем уроке дети сидели рядом. И тут все разом изменилось, словно по волшебству.

Уже через несколько дней дети без труда постигали сложные старинные тексты. Благородные законы математики, пути движения звезд по небосводу запоминались ими так легко, словно они когда-то странствовали по этим загадочным просторам. Сидя за столом из слоновой кости, они писали золотыми стилусами[12] на восковых дощечках нежные стихи друг другу.

Старый учитель из Монтуара с изумлением смотрел на прелестных детей и говорил, что, верно, сам Аллах вложил мудрость в эти юные головки.

После занятий дети шли в сад, заросший мандрагорой[13] и всевозможными деревьями, привезенными из дальних стран.

Флор рвал цветы, Бланшефлор плела венки, а обе матери со слезами умиления смотрели на своих чад, больше похожих на сказочных духов, пришедших из страны грез и сновидений.

Время шло. Дети росли, оберегаемые матерями и верными слугами. Но даже в саду эмира однажды их подстерегла внезапная опасность.

Однажды Эльвира увидела в густой траве длинный извивающийся хвост. Змея была маленькая, но женщина знала: укус ее смертелен. Змея, покачиваясь, уже подняла над травой свою плоскую золотую головку. Послышался тихий свист. Еще мгновение – она обовьется вокруг ноги Флора – и мальчик погиб…

Не думая о грозящей ей опасности, Эльвира одним быстрым движением рванулась вперед и успела наступить на гибкое тело змеи.

– Флор, беги! – успела крикнуть Эльвира.

В этот миг змея извернулась и ужалила ее. Мать Бланшефлор жалобно вскрикнула. Подоспевшие слуги мечами разрубили на куски извивающуюся змею.

Но поздно! Эльвира побледнела и пошатнулась. Зарин да подхватила подругу.

– Лекарей сюда! Скорее! Прижечь ранку! – крикнула она.

Но все усилия спасти Эльвиру были напрасны.

– Бланшефлор, бедное дитя! – позвала Заринда. – Твоя матушка…

Бланшефлор упала на грудь матери. Глаза Эльвиры на миг ожили. В них зажегся далекий свет. Но руки ее были уже

неподвижны.

– Ее душа прощается с ребенком, – прошептал старый седовласый лекарь.

Свет медленно угасал в глазах матери. Жизнь покидала ее. Она уже не дышала, скованная смертоносным ядом.

Бланшефлор заболела от горя. Флор не отходил от нее и, как мог, пытался утешить.

– Земля такая большая, – сказала Бланшефлор. – Но у меня теперь остался только ты один.

Флор был счастлив, когда, держа свою подругу за руку, он в первый раз вывел ее в сад.

Они подолгу гуляли по глухим тропинкам, находили укромные, уютные места. Сладкий, одурманивающий запах цветущих деревьев и цветов кружил голову. Усыпанные лепестками, они падали на траву, не разжимая объятий, и без конца целовали друг друга.

Им казалось, что деревья понимают их и надежно укрывают от чужих взглядов. Но только не от неусыпного внимания евнухов и хитрых служанок. Так скоро о влюбленных узнали эмир и Заринда.

Эмира охватил неистовый гнев. Как?! Его сын, единственный наследник власти и богатства, пленился какой-то безродной сироткой, прозрачной, как льдинка! Ведь ее мать он отнял у разбойников. А отец? Говорят, он был французским дворянином. Но, может быть, это выдумки, сказки, ведь имя его неизвестно. А соседние властители все чаще, как бы невзначай, заводят речь о своих дочерях, чернооких красавицах, богатых и знатных. К тому же Бланшефлор – иноверка. Позорный брак! Он оскорбит их род и славу древних предков. Но что же измыслить, как спасти любимого сына от пагубной любви?

Несколько ночей не спали родители, пока не придумали хитроумную затею. Они решили отправить учиться своего сына в далекий город Монту ар, прославившийся своими учеными, алхимиками и звездочетами.

Узнав об этом, Флор пришел в отчаяние.

– Отец! – взмолился он. – Это разобьет мое сердце! Я не выдержу. Я не могу и дня прожить без Бланшефлор.

– Послушай меня, – с улыбкой сказал эмир. – Найди в городе дворец, достойный Бланшефлор. Усыпь ее ложе лепестками белых роз. Найми лучших танцоров и музыкантов, чтобы достойно встретить ее. Когда все будет готово, пришли к нам верного слугу, и Бланшефлор приедет к тебе вместе со своими придворными дамами и служанками.

– Мы расстаемся ненадолго, любимая, – с грустью проговорил

Флор.

Прощаясь с Бланшефлор, он без конца целовал ее прозрачное личико и руки.

Эмир и Зарин да смотрели на них, с трудом сдерживая гнев и досаду.

Долго стояла Бланшефлор у окна и смотрела вслед стройному всаднику на благородном тонконогом коне. Влажными были края занавески от ее слез.

– Девочка моя, – сказал эмир, когда Флор скрылся за поворотом, – я хочу тебя немного развлечь. В наш порт прибыл богатый купеческий корабль. Его трюм полон сундуков с драгоценностями и прекрасными тканями. Ты выберешь себе, что пожелаешь. Может, это хоть немного развлечет тебя. Сходи туда хотя бы ради меня, мне так тяжело видеть слезы на твоих глазах.

Эмир и Бланшефлор, окруженные слугами, спустились к морю. Они взошли на купеческий корабль, и седобородый толстый купец прямо-таки застыл на месте, пораженный чудесной красотой Бланшефлор.

Пока Бланшефлор равнодушно перебирала украшения, погруженная в глубокую печаль, купец и эмир быстро сторговались и оформили торг. Купец не жалел денег: он знал, что сможет продать Бланшефлор гораздо дороже, а эмир был готов отдать хоть даром безродную девчонку, которая так вскружила голову его сыну.

Бланшефлор, словно погруженная в забытье, молча сидела, даже не глядя на бесценные украшения.

Вдруг она почувствовала, что пол в каюте качнулся. Бланшефлор бросилась к окну и, к своему ужасу, увидела, что корабль отплыл от берега и удаляется в открытое море. Она залилась слезами, догадавшись, как бесчеловечно ее обманули.

Она кинулась в ноги к толстому купцу, умоляя отвезти ее на берег. Но тот с усмешкой только поглаживал свою длинную бороду. Деньги, деньги! Больше ничего не интересовало его. Бланшефлор вернулась в свою каюту. От качки шкатулка с драгоценностями опрокинулась, и сверкающие украшения рассыпались по ковру. Бланшефлор, не глядя на них, опустилась на колени и начала молиться:

– Господь милосердный! Ты с нами и в радости, и в беде. Молю Тебя, не допусти, чтобы язычники надругались над моей душой и телом! Пресвятая Владычица Богородица, заступница наша, спаси и охрани моего любимого!..

А во дворце эмира аль-Фелиса слышен был стук молотков, отбивающих куски мрамора, торопливые голоса. Работали художники, скульпторы, златокузнецы. Ювелиры выкладывали

узоры из драгоценных камней.

Возле могилы Эльвиры, матери Бланшефлор, был установлен еще один надгробный камень. Смерть украла то, что казалось бессмертным, – жизнь Бланшефлор, ее несравненную красоту и прелесть.

Кто видел надгробие над могилой Бланшефлор, замирал, пораженный. Мастера выковали подобия всех зверей и птиц, живущих на земле, и рыб, которых прячет морская глубина. Между причудливыми узорами поднималась хрустальная плита, на ней были изваяны из золота две детские фигурки, навек заключившие друг друга в объятия. Над их головами был укреплен бесценный карбункул[14], сиявший так ослепительно, что путники могли видеть его свет еще издали, даже когда дворец эмира еще тонул в утреннем тумане. Самоцвет сверкал так ярко, что слуги по ночам могли ходить без факелов и фонарей.

А между тем Флор, приготовив дворец для встречи Бланшефлор, в нетерпении сам решил ехать за ней и привезти ее в Монтуар.

Он торопил коня, слуги едва поспевали за ним, и наконец он увидел вдалеке дворец эмира, освещенный незнакомым светом. Это был драгоценный карбункул, укрепленный на хрустальной плите.

С темным волнением, которое таит неспокойная совесть, ждали сына эмир и Заринда.

– Где Бланшефлор? Почему она не встречает меня? – еще издали крикнул Флор. – Скажите, что я приехал! Позовите же ее!

– Позвать? Откуда?.. – дрожащим голосом ответила Зарин да, закрыв лицо руками.

– Так где же она? – спросил, подскакав, Флор. Сердце его сжалось от мрачного предчувствия. – Для шутки это слишком жестоко.

– Прекрасная Бланшефлор там, откуда нет возврата. Бланшефлор мертва… – собравшись с силами, тихо проговорила Зарин да.

Эмир обнял сына, но, выскользнув из его объятий, Флор без чувств упал на мраморные ступени могилы.

Едва придя в себя, он, шатаясь, поднялся по ступеням, обнял могильный камень и застыл, словно став его частью.

– Смерть, не убегай, я догоню тебя!.. – еле слышно простонал он. – О моя Бланшефлор!.. По расцветающему лугу я пойду искать тебя, чистейшую жемчужину вселенной… Скоро мы встретимся.

Флор выхватил из ножен тонкий отточенный кинжал… Еще мгновение – и он вонзил бы его себе в сердце. Но мать в своем отчаянии оказалась проворней. Она успела выбить кинжал из его

руки, и он со звоном покатился по мрамору надгробия.

– Сын, мой любимый сын, опомнись! – крикнула Заринда, прижимая Флора к своей груди.

Но Флор оттолкнул ее и, словно охваченный безумием, бросился к высокой скале, одиноко нависшей над морем. Под скалой бешено кипели морские волны, то закрывая пеной смертельно опасные острые камни, то, отхлынув, снова открывая их.

Но там, наверху, Флора поджидали преданные слуги, предусмотрительно посланные туда эмиром.

Юноша быстро спустился вниз и бросился к глубокому темному подземелью, где два свирепых льва с рычанием грызли тяжелые цепи, которыми они были прикованы к железным кольцам.

Отчаянно вскрикнула Заринда. Но что это? Не знающие жалости звери легли у ног Флора и ласково прижались к нему косматыми головами.

– Сын мой, любимый сын, поднимись наверх! – рыдая, воскликнула Заринда. – Мы виноваты перед тобой. Мы жестоко и подло обманули тебя. Поднимись к нам, и мы откроем тебе страшную тайну!

Флор поднялся из подземелья по спущенной ему в темноту веревочной лестнице.

Заринда обняла его ноги, эмир покаянно опустил голову.

– Прости нас, сын! – Аль-Фелис сокрушенно вздохнул. Казалось, вздох вот-вот разорвет ему грудь. – Мы знали, что ты любишь красавицу Бланшефлор, но не понимали, что твоя любовь бескрайня, как сама жизнь. Ложь и обман не открывают двери в царство счастья. Узнай же правду: прекрасная Бланшефлор жива!

– Жива? Вы сказали – жива?! – вне себя от волнения воскликнул Флор. – Но как же? Я же видел там, в саду…

Он не мог выговорить слово «могила».

– Могила пуста, мой милый сын. – Голос эмира прерывался. – Ты можешь сам убедиться в этом.

По знаку эмира черные рабы отвалили тяжелый, покрытый драгоценностями надгробный камень, затем они стали рыть глубокую яму. Флор, не выдержав, помогал отбрасывать землю голыми руками.

Могила была пуста. Только осколки мрамора и увядшие лепестки цветов.

– Но где же она, где?! – вне себя от волнения воскликнул Флор. – Да говорите же!

Заринда стояла молча, не смея обнять сына.

– Мы продали ее богатому купцу, – глухо проговорил эмир. Это был голос старика. – Мы думали, пройдет время, и ты забудешь ее. А мы найдем тебе другую невесту, красивую и бога…

Он не договорил. Только сейчас, глядя в глаза сыну, полные отчаяния и тоски, он впервые до конца понял, каким низким и бесчеловечным был их обман.

Флор вскочил на ноги. Глаза его горели.

– Клянусь! – воскликнул он. – Нет такого уголка земли, самого дикого и отдаленного, куда бы я не отправился, чтобы найти Бланшефлор!

Эмир и Зарин да безнадежно переглянулись. Было ясно: им не удастся удержать сына.

Вздыхая, аль-Фелис приготовил Флору все, что может пригодиться ему в далеком пути. Лучший, самый надежный корабль приказал он снарядить в дорогу. Слуги до позднего вечера грузили на корабль тяжелые мешки и сундуки. Ковры тонкой работы, лучшие шкурки соболей и куниц, золото и серебро, драгоценную утварь.

Отец дал Флору коня редчайшей породы. Один бок коня был алый как кровь, другой сиял белизной, как снег на горных вершинах. Не забыл он положить среди вещей сына бесценный кубок, из которого пил когда-то сам Юлий Цезарь[15].

Мать надела на палец Флора медное кольцо, блистающее невиданными камнями и покрытое таинственными письменами.

– Береги это кольцо, мой милый сынок, – сказала Заринда. – Это не простое кольцо. Пока ты носишь его, тебе не страшен ни огонь, ни бурные морские волны, тебя нельзя ни отравить, ни заколоть кинжалом. Береги это кольцо, сынок!

Преданных, верных слуг послал в дорогу эмир, ведь его сын еще так молод. Семь закаленных в боях воинов должны были охранять Флора день и ночь.

– Но в какую сторону мне направить корабль? – уже стоя на палубе, спросил Флор. – Куда направился купец? На запад, на восток, на юг? Всюду безбрежное море.

– Мельком слышал я, что поплыл он на восток, к Валдаху, городу богатому и славному, – ответил аль-Фелис, прижав к груди дрожащие руки. – Туда раз в месяц съезжаются короли и эмиры. Там можно купить черного раба и красивую девушку для гарема…

– Туда я и поплыву. Для гарема… – Голос Флора дрогнул.

Стоит ли говорить, как плакала мать, обнимая сына, а эмир стоял молча, с омраченным лицом.

Но вот моряки подняли паруса. Воздух был прозрачен, свеж и светел. Все предвещало хорошую погоду.

– Как быстро удаляется корабль! – Заринда, рыдая, закрыла лицо руками.

Четыре дня плыли путешественники, не слишком удаляясь от берега, и наконец вдали показались башни большого города, воздвигнутого на высоком берегу.

Флору указали дом зажиточного[16] купца, который охотно принимал у себя богатых путников.

Юноша одарил хозяина щедрыми подарками и был гостеприимно принят им в лучших покоях.

За вечерней трапезой Флор стал расспрашивать купца, не слыхал ли он о пленной девушке, золотоволосой и несравненной прелести.

– А как же! А как же! Сам видел! – воскликнул словоохотливый хозяин. – Клянусь всемогущим Аллахом, на свете не сыщешь второй такой красавицы! Волосы цвета золота и меда, личико нежное и прозрачное, а глаза…

– Это она! – воскликнул Флор. – Где мне ее искать, скажи! Вот тебе золотая цепь с изумрудами. Расскажи все, что знаешь.

– Многие, многие хотели ее купить… – вздохнул купец. – Да ее владелец заломил такую цену, что не подступишься. Один хотел продать и дворец, и все свои владения, да что там! Не сторговались.

– Так куда же повез ее купец? Куда мне плыть? – в тоске спросил юноша.

– Что тебе сказать? Думаю, не иначе как в далекий город Вавилон[17]. Там, где течет река Евфрат. Нет другого города на свете богаче его. Только знай: труден этот путь. Плыть придется в обход больших островов, а сколько времени пройдет, пока доплывешь до него, никто не знает. Как повезет…

– А если прямо плыть? – нетерпеливо проговорил Флор. – Нет сил ждать!

– Э-э, юноша! – отвечал купец. – Иного пути нет. Подводные скалы, острые и неприступные, преграждают путь в открытое море. Да с этим, пожалуй, справится твой опытный кормчий[18]. Беда в другом. Два острова преградят тебе путь. Говорят, легче было проплыть между древними Скиллой и Харибдой[19], чем в узком проливе между этими островами. Угнездились на них лихие разбойники. Только войдет корабль в смертельный пролив, вцепляются, проклятые, острыми крючьями в борта корабля. Умело и ловко прыгают они на корабль, застрявший между берегами. Начинается грабеж и резня. Никому еще не удалось пройти между этими островами.

– Но я не могу ждать и плыть в обход! – в отчаянии воскликнул Флор. – Неужто нельзя перерубить их крючья и проплыть мимо?

– Есть у нас в городе оружейных дел мастер, – задумчиво сказал купец. – Выковывает он такие топоры, что и камень разрубят, и железо. Только суров он нравом и мало кому соглашается помочь.

– Я уговорю, умолю его! – с возбуждением ответил Флор. – Веди меня к нему.

Оружейных дел мастер был высок ростом и широкоплеч. Он казался великаном среди своих подмастерьев. У него были густые, мрачно нависшие брови, но глаза смотрели спокойно и мудро.

Выслушав сбивчивый рассказ Флора, он отомкнул ключом крепкую дверь в мастерскую, освещенную факелами.

Никогда еще Флор не видел столько оружия: прекрасно выкованные мечи, сверкающие кинжалы, острые наконечники для пик.

– Вот что тебе надо. – Оружейный мастер открыл большой деревянный ларь, полный крепких, искусно сделанных топоров.

– Продай мне их, мастер! Я заплачу сколько скажешь! – воскликнул Флор.

– Не продажны эти топоры, – возразил оружейник. – Но я отдам их тебе даром, потому что вижу: нужны они тебе для благой цели. Поспеши на корабль.

– Я никогда не забуду твоей доброты! – растроганно произнес Флор. – Да хранит тебя Аллах всемогущий!

– Доберешься до Вавилона – увидишь у реки прекрасный дворец, – сказал напоследок оружейных дел мастер. – Хозяин дворца – богатый и достойный человек. Доверься ему, он даст тебе верный совет. А твоя девушка!.. Я видел ее. Такая красота оставляет за собой яркий свет…

Вот уже на борт корабля подняты и лошади, и кладь, и бесценные топоры. Суровый кормчий встал у руля, вглядываясь в ночной сумрак. Ветер наполнил паруса. В полночь, освещенные робким светом узкого месяца, показались из темноты два горбатых острова, похожие на уснувших в воде чудовищ.

Все ближе, ближе… Наконец корабль подошел к узкому проливу между островами.

В тот же миг послышались грубые гортанные голоса, вспыхнули косматые факелы. С обеих сторон в борта корабля впились острые крючья, прикрепленные к крепким шестам.

Торжествующие звериные вопли огласили округу. Корабль застыл на месте, словно прикованный.

– Рубите шесты! Крючья в воду! – крикнул Флор.

Послышался лязг и звон металла.

Держа в руке острый топор, Флор перебегал от одного борта к другому. Топоры старого оружейника шутя перерубали толстые жерди, без труда справлялись с крючьями. С плеском падали в воду железные обломки.

Крики ярости и проклятия раздались с обоих берегов. Кто-то из разбойников с отчаянным воплем упал в воду.

Освобожденный корабль, освещенный серебряными потоками лунного света, плавно удалялся от зловещих островов.

Однако до Вавилона было еще далеко. Возле берегов Крита настиг путников могучий шторм. Волны перекатывались через палубу. Но опытный кормчий уверенно вел корабль.

Наконец показался берег, заросший пышными деревьями. Они вошли в порт Мерсин.

Богатый горожанин, почтенный торговец коврами, дал путникам приют. Довольный щедрами дарами, он пригласил их к вечерней трапезе. Слуги вносили все новые и новые блюда с яствами. Звенели кубки, веселье царило за столом.

Один Флор не ел и не пил, отвечал невпопад. Его душа вела

нескончаемый разговор с любимой.

– Мой милый гость, – обратился к нему хозяин, почтенный Ягмар, – вижу, вас гнетет какая-то печаль. Второй раз в жизни встречаю в молодых глазах такую тоску и уныние. В первый раз это была пленная девушка несравненной прелести, с волосами цвета меда и золота. Такая красота оставляет за собой след, как свет падающей звезды…

– Это Бланшефлор! Моя невеста! – вскакивая, воскликнул Флор. – Аллах всемогущий! Что вы еще знаете о ней?

– Купец, ее хозяин, держал путь в Вавилон. Это все, что я знаю… – вздохнул Ягмар. – Там он надеялся продать ее с большой выгодой. Она того стоит.

Флор, с трудом дождавшись утра, приказал выйти в море.

Прошло еще десять дней, и корабль вошел в широкую гавань, где бросили якоря с десяток купеческих судов.

Бережно свели по сходням лошадей, вынесли тяжелую поклажу, тюки с коврами, драгоценную утварь. Последним свели на берег, держа под уздцы, прекрасного коня, у которого один бок был алый как кровь, другой – белее снега.

Теперь странникам предстоял нелегкий путь от моря до великого города Вавилона. Они шли по пустыням, где ветер со свистом нес раскаленный песок, пробирались между неприступными скалами.

Наконец путники вышли к реке, широкой и полноводной. Через нее был перекинут каменный мост.

На другом берегу, вдалеке, призрачно сияли в утреннем тумане черепитчатые и позолоченные крыши великолепного города. В центре возвышался дворец, окруженный крепкой стеной со множеством тяжелых ворот.

Путники подошли к крутому берегу и увидели, что под высоким деревом в кресле, искусно вырезанном из искристого мрамора, сидел старик в богатых одеждах с тяжелой золотой цепью на груди. Позади него неподвижно стояли вооруженные слуги.

Величественный старец сурово взглянул на Флора из-под седых бровей.

Но хотя одежда Флора и была пропыленной и изношенной, как одежда бедняка, манеры юноши выдавали его знатное происхождение. Он подошел к старику с низким поклоном и приветствовал его со всем изяществом и уважением.

– Я прошел далекий путь. Важные дела привели меня в великий город Вавилон. Хотелось бы мне найти здесь приют для себя и моих спутников.

С этими словами Флор протянул старцу бесценный древний

кубок.

– О, тот самый! – Морщины разгладились на лбу старика. – Из этого кубка пил сам Юлий Цезарь! Я много о нем слышал. Что ж, будь моим гостем, усталый путник. Видишь дом с высокой зубчатой башней на том берегу? Там сможешь отдохнуть ты и все твои слуги. Зовут меня Ягмур Справедливый, и скоро ты убедишься: я не последний человек в этих краях.

Старик улыбнулся. Да и нельзя было остаться равнодушным, поглядев на красивое и благородное лицо Флора.

– Идите по мосту, – добавил Ягмур Справедливый. – Я не возьму за это ни одного денье[20], как с других странников.

Все перешли через мост и скоро вошли в дом гостеприимного старца, поражавший своей роскошью.

Флор был ласково встречен ясноликой хозяйкой.

– Я видела недавно такие глаза, полные таинственной грусти, глубокой, как бездна, – задумчиво сказала она. – Это была девушка несравненной прелести. Такая красота оставляет за собой сияющий след. Ее нельзя забыть… И звали эту девушку Бланшефлор.

– Это она! Моя Бланшефлор! – не в силах сдержать волнение, воскликнул юноша. – Что вы о ней знаете? Где она?

Но Ягмур Справедливый приложил палец к губам.

– Об этом мы поговорим позже, мой юный друг. А тем временем я приглашаю вас разделить со мной вечернюю трапезу.

По знаку хозяина вся поклажа была перенесена в кладовые, кони расседланы и накормлены отборным овсом.

С бесценного коня, алого как кровь с одного бока и белого как снег с другого, была снята сбруя и узорная попона. Пусть отдыхает!

Флор преподнес хозяйке тончайшие шелковые покрывала и ожерелье из крупного розового жемчуга, который добывается в бездонных морских глубинах.

Ягмур Справедливый пригласил Флора в парадные покои, где слуги уже накрыли парчовой скатертью стол из красного дерева.

Гибкие, как змейки, прислужницы внесли в сверкающих сосудах кларет[21] и пенистые вина. Слуги-великаны, обнаженные по пояс, поставили перед гостями на золотых и серебряных блюдах кабанье и оленье мясо, гусей и перепелок, уток, дроф и лебедей. Все было искусно приготовлено, ни одно птичье крылышко не пережарено. Невозможно перечислить то, что ловкие слуги, не пролив ни капли подливы, ставили на стол. Потом новая перемена: невиданные сладости и диковинные фрукты.

Когда трапеза была окончена, слуги убрали блюда и кувшины

и расставили повсюду вазы с благоухающими цветами, Флор заговорил, с трудом сдерживая дрожь в голосе:

– Вы видели мою невесту Бланшефлор. Это она – второй такой нет на свете! Умоляю вас, расскажите все, что вам известно о ней! Где она? Как ее найти?

– Что ж… – сказал Ягмур Справедливый, глаза его оставались грустными.

Он сделал знак рукой, и все гости, сидевшие за столом, с почтительным поклоном встали и удалились.

С ревнивой злобой покосился на Флора племянник Ягмура, узкоглазый Селим, хитрец и проныра. Он вышел из зала, но, отойдя немного, незаметно вернулся, притаился, закутавшись в тяжелую занавесь у дверей. Отсюда он мог слышать каждое слово.

Никто не знал, что он провел все утро в конюшне, сунув горсть золотых монет сторожу. Он не отходил от чудесного ало-белого коня, жадно поглаживая его по холке.

– Ты будешь моим, чего бы это мне ни стоило! – шептал он, и огонек безудержной жадности вспыхивал у него в глазах.

Второй племянник Ягмура Справедливого, Мирал Длинноухий, тоже тихо спустился в конюшню и, незаметно забравшись на поперечные балки, жадно и неотрывно смотрел на чудесного коня. Этот необыкновенный конь словно заворожил его.

Тем временем, оставшись наедине с великодушным хозяином и его ясноликой супругой, Флор открыл им тайну своего сердца.

– Жизнь угасла для меня без моей любимой. – Флор заговорил так, что чувствовалось: сердце его кровоточит. – Солнце больше не светит мне, лунный блеск померк. Или я спасу из плена мою Бланшефлор, или погибну. Ты добр и великодушен, господин, умоляю, помоги мне!

– Спасти Бланшефлор! Легче сказать, чем сделать… – с тяжелым вздохом проговорил Ягмур Справедливый. – Выслушай меня, дитя. Оставь, забудь свои напрасные мечты.

– Нет, никогда! – побелевшими губами прошептал Флор.

– И все же выслушай меня, – глядя на него с глубокой печалью и жалостью, сказал Ягмур. – Туман рассеялся. Видишь на холме дворец султана Абен-аль-Хамара, окруженный зубчатой стеной? В этой стене сто сорок ворот, и тысяча воинов стерегут их. Стена окружает мраморную башню такой высоты, что пролетающие тучи порой цепляются за ее зубцы. Внутри башни – хрустальная труба. По ней поднимается струя воды, чистая и свежая, и, достигнув самого верха, переливается через край, чтобы сто сорок красавиц, заключенных в башне, могли купаться в золотых чашах в жаркое время дня. Теперь о главном, мой

мальчик. Каждую красавицу стережет старый евнух и десять преданных служанок. Вокруг башни разбит сказочной красоты цветник. Среди цветов пробегает прозрачный, как слеза ребенка, ручей. Но не простой это ручей. Дно его выстлано серебром и жемчугом. Каждое утро все красавицы должны перейти его вброд. Сам султан следит, как красавицы одна за другой, чуть приподняв одежды, переходят этот ручей. Если вода не замутилась, то слуги подносят девушке драгоценный подарок. Но горе той, под чьей маленькой ножкой вода забурлит, поднимая со дна муть. Значит, она согрешила. Евнухи уводят несчастную, и уже никогда она не вернется в свои покои. Страшно подумать, что ждет ее.

Раз в год Абен-аль-Хамар выбирает себе подругу. Ей воздают всевозможные почести, ее желания и капризы – закон даже для него. Но почему так печальна она? Проходит год, всего лишь один год… И в первую же ночь по прошествии года в темных подвалах палачи убивают бедняжку. А султан выбирает себе новую супругу.

Так вот, мой юный друг, едва султан увидел Бланшефлор, он воскликнул: «Нет в мире цветка, подобного этому!» Он заплатил за Бланшефлор в три раза больше золота, чем она весит. Уже назначен день свадьбы. Аль-Хамар в нетерпении, считает часы и торопит время. Самые строгие евнухи день и ночь сторожат двери в ее покои…

– Значит, султан назначил день моей смерти, – в отчаянии сказал Флор. – О-о, я отдал бы свою жизнь и все, чем владею, лишь бы на одно мгновение увидеть мою Бланшефлор, коснуться ее нежной руки!..

– Опомнись, мой милый гость, – с грустью произнес Ягмур Справедливый. – Ты сам погибнешь и обречешь свою любимую на страшные муки…

Флор закрыл лицо руками и, шатаясь, вышел из дворца.

Стояла тихая теплая ночь. Крупные звезды молчали, словно не зная, чем его утешить. Флор шел, сам не зная куда. Тоска и отчаяние переполнили его сердце. Вдруг он услышал шорох мелких камешков. Кто-то крадучись шел за ним.

Флор резко обернулся.

– Не бойся, это я, Селим, – услышал он тихий, вкрадчивый голос. – Я знаю, как спасти тебя и твою любимую. Конечно, если ты…

Флор схватил Селима за плечи.

– Говори же! – с волнением поторопил он. – Мне нечего терять. Нет условия, которое я бы не выполнил. Лишь бы оно было мне под силу…

Селим сощурил свои и без того узкие глаза.

– Скорее! Говори же… – дрожащим голосом еле выговорил Флор.

– Так слушай меня, сын эмира. – Шепот Селима был похож на шипение змеи. – Уже много лет я работаю садовником в саду султана. Каждый день я собираю большую корзину цветов, и двое моих слуг поднимают эту корзину к окну той красавицы, куда я укажу. В моих силах…

– Понял, понял… – прервал его Флор, задыхаясь от волнения. – Прекрасен твой замысел. Но слушай меня и запоминай. Нарежь алых роз, только алых. Я лягу на дно корзины, и ты укроешь меня розами. Увидев их, моя возлюбленная сразу догадается обо всем…

– За это ты отдашь мне своего ало-белого коня! – прошипел Селим.

– Об этом не беспокойся. Он твой, – поспешно сказал Флор.

Всю ночь не спал Флор. Ему мерещилось, что его любимая где-то рядом. Вот она наклонилась к нему… Ее прелестное прозрачное лицо…

Селим тоже не спал. Сняв драгоценную попону с ало-белого коня, он до утра не сводил с него глаз. В мечтах ему представлялось, как он верхом на чудо-коне едет по улицам Вавилона, а толпа народа с криками восторга бежит за ним.

Но жажда чужого богатства делает человека слепым и безрассудным. Он не заметил, как за ним по берегу моря, прячась за камнями, проскользнул Мирал Длинноухий, а позже спрятался между потолочными балками конюшни.

Еще не рассвело, а Мирал уже пробрался сквозь потайную дверцу в сад султана, ведь он был одним из охранников прекрасного дворца.

– Получше осматривайте корзины с цветами, когда их поднимают к окнам красавиц. Особенно корзину с красными розами, – предупредил он главного евнуха. – Кажется мне, кто-то замышляет недоброе…

Лицо старого евнуха, сморщенное, как грецкий орех, не дрогнуло. Но Мирал Длинноухий знал: его слова не останутся без внимания.

Тем временем Селим Узкоглазый уже нарезал охапки свежих алых роз, еще хранящих на матовых лепестках капли утренней росы.

Флор бесшумно скользнул в корзину и улегся на дне. А Селим засыпал его благоухающими розами.

Голова у Флора закружилась, но не от густого запаха роз, а от мысли, что он сейчас увидит свою ненаглядную Бланшефлор.

Но вот корзина дрогнула и стала медленно подниматься

вверх.

«Кто вложил мне в грудь трепещущую птицу? – подумал Флор. – А-а… это мое сердце…»

– Какая тяжелая сегодня корзина, – послышался недовольный голос одного из слуг. – Будто положили на дно камней.

– Лучше не болтай, а смотри не наклоняй корзину, – откликнулся второй слуга. – Видишь, одна роза уже упала.

Флор боялся шевельнуться, боялся дохнуть.

– Слава Аллаху, осталось совсем немного, – отдуваясь, сказал один из слуг. – Госпожа, откройте окно! Вам подарок от самого султана, да продлятся дни его священной жизни!

Слуги внесли корзину и опустили ее на ковер. Послышалось звяканье монет. Подобострастные слова благодарности и шаркающие шаги стихли.

– Алые розы… Какое мученье! – Флор услышал дивный певучий голос. – Как тяжелы воспоминания! О, если бы я могла умереть, глядя на эти алые розы!..

– Нет, нет, ты не умрешь, сокровище мое! – прокричал Флор, разбрасывая розы и выпрыгивая из корзины.

И вот уже нетерпеливые руки Флора обняли Бланшефлор, и она, вскрикнув, припала к его груди.

Их губы слились в блаженном поцелуе. Казалось, на свете нет сил, способных оторвать влюбленных друг от друга.

Но такие силы были. Раздался топот ног, гневные голоса, звон оружия. Распахнулись узорные двери, и в покои Бланшефлор ворвалась толпа разъяренных людей. Впереди – сам султан Абен-аль-Хамар, с ним его приближенные и стража.

– Негодяи, обманщики, блудливые овцы! – Голос султана гремел как гром. – Смерть обоим! Сложить костры на площади!

Скоро влюбленных, окруженных стражей, с цепями на ногах, отвели в большой зал, где султан обычно вершил правосудие.

Но Флор и Бланшефлор, к изумлению всех собравшихся, не просили пощады. Они шли, как в забытьи, не спуская друг с друга сияющих счастьем глаз.

– Где эти мерзавцы, которые помогли этому плуту пробраться в покои моей избранницы?! – кричал султан, и не было предела

его ярости. – Смерть изменнику и доносчику!

Но хитроумный Селим и проныра Мирал, не дожидаясь, чем кончится их злосчастная затея, давно скользнули в окна, цепляясь за густые плети винограда, бесшумно спустились в сад и исчезли. С тех пор их больше никто не видел.

– Изрезать ножом ее прекрасное лицо! Сжечь обоих на медленном огне! – в бешенстве вопил султан. – Они еще смеют улыбаться?! Пусть умрут в мучениях!

– Ты не умрешь, любимая! – проговорил Флор, и столько нежности было в его голосе. – Возьми это волшебное кольцо, подарок моей матери. Ни острый кинжал, ни пламя костра не принесут тебе вреда!

С этими словами Флор надел на пальчик Бланшефлор медное кольцо, покрытое таинственными письменами.

– О нет! – воскликнула Бланшефлор. – Остаться в живых, когда ты погибнешь среди языков пламени? Никогда! Тот, кто носит это кольцо, будет жить. Его нельзя ни утопить, ни сжечь, ни сбросить со скалы. Невидимые крылья подхватят его!..

Она схватила руку Флора и с упрямой силой надела ему на палец волшебное кольцо.

– Моя великая любовь, я умру счастливым, зная, что ты жива! Молю тебя, не упрямься! – Флор снова передал кольцо Бланшефлор. – Если бы не эти цепи, я встал бы перед тобой на колени и умолил тебя взять кольцо!

– Нет, любовь моя, не проси об этом! – Бланшефлор оттолкнула его руку с кольцом. – Никогда…

– Если ты погибнешь, я найду способ убить себя. – Флор стиснул ее руку и снова попытался надеть ей на пальчик спасительное колечко.

Так со словами вечной любви и отчаяния они передавали кольцо друг другу.

– Если бы у меня был кинжал, я бы кончила этот злосчастный спор. И ты был бы жив. – Бланшефлор залилась слезами.

Султан Абен-аль-Хамар пылающими глазами смотрел на влюбленных. Руки его сжались.

– Я слышал об этом кольце, – хрипло прошептал он. – Кто носит его, тому не страшен ни яд, ни кинжал завистника, ни измена…

– Так отними это кольцо у пленников, – тихо проговорил султану на ухо главный визирь. – Они же в твоей власти, повелитель!

– Молчи, пустое ничтожество! – Султан гневно оттолкнул визиря. – Это кольцо нельзя отнять силой. Оно тут же растает в воздухе, как легкая дымка. Его можно только принять в дар…

Тем временем Флор опять сумел надеть чудесное кольцо на палец Бланшефлор.

– Если так, я выброшу его! – с внезапной решимостью воскликнула Бланшефлор. – Там, внизу протекает жемчужный ручей. Кольцо исчезнет навсегда, и мы умрем вместе, любимый!

Бланшефлор уже подняла руку, еще немного – и она выбросила бы кольцо в распахнутое окно. Губы ее прошептали:

– Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, дай нам умереть вместе, прими наши души…

В тот же миг лицо султана изменилось. Гнев и ярость исчезли, теперь он смотрел на влюбленных с изумлением. Опередив Бланшефлор, он перехватил ее руку.

– Остановись, красавица! – поспешно крикнул султан. – Я дарю жизнь вам обоим, если вы подарите мне это кольцо!

– О султан! – Бланшефлор протянула аль-Хамару на узкой ладони волшебное кольцо. – Мы с радостью дарим тебе его!

– А в придачу чудесного ало-белого коня! – добавил Флор.

Султан схватил кольцо, надел его на палец и замер, любуясь им.

Слуги уже сняли цепи с Флора и Бланшефлор, и сумеречный зал озарился блеском их сияющих глаз.

– Знаю, знаю… – прошептал правитель. – Многие завистники тайно хотели бы занять трон Абен-аль-Хамара… Но теперь я спокоен. С честью провожу я в путь этих юнцов. Да сопровождает их удача на суше и на море! Теперь я увидел воочию, как прекрасна любовь! Нет, я не казню мою Кларисс. Год на исходе, но она навеки останется моей любимой женой!..

В тот же вечер во дворце султана был пир.

Черные рабы внесли множество факелов. Искры, вспышки света побежали по мраморным колоннам.

Слуги, сгибаясь под тяжестью золотых блюд, внесли всевозможные яства. Вчетвером внесли огромный пышный пирог. Стоило отрезать от него сочный кусок – оттуда стаями выпорхнули жаворонки, синицы, белоснежные голуби, соловьи, за ними благородные соколы и ястребы. Слуги разносили в узорных чашах драгоценные вина, пьянея от одного их запаха.

Внезапно раздвинулся хрустальный потолок, и казалось, крупные южные звезды опустились и засияли над головами пирующих.

…С первыми утренними лучами путники выехали из города. Они ехали, окруженные свитой и стражей, которую дал им аль-Хамар.

Перейдя через мост, Флор и Бланшефлор попрощались с Ягмуром Справедливым и его ясноликой супругой. Ягмур

поверить не мог, что перед ним живые Флор и Бланшефлор.

Путешественники миновали зеленые склоны холмов. Дальше потянулись мертвые пустыни.

Флор закрывал плащом Бланшефлор, чтобы ветер, несущий горячий песок, не обжег ее нежное лицо.

Они ехали между острыми черными скалами. Ни одного дерева, ни травинки. Кончились запасы воды. Но поцелуи заменяли влюбленным чаши с водой.

Наконец между скалами появились низкорослые кусты, покрытые колючками. Через некоторое время скалы словно бы раздвинулись. Теперь перед путниками были плодородные поля, долины, в которых лежали темные прохладные тени. Ручьи, звеня, сбегали по склонам оврагов. А вскоре повеяло морским ветром. И – о счастье! – всадникам открылся бескрайний голубой простор моря, корабли и долгожданный порт Мерсин.

Заждались верные моряки своего господина. Наконец-то он вернулся, да еще с красавицей Бланшефлор!

Погрузили на корабль провиант и богатые дары султана. На палубе раскинули высокий шатер из плотного шелка. Внутри – дорогие мягкие ковры и подушки. Пусть отдохнут после тревог и опасностей влюбленные.

Словно птица, раскрывшая крылья, полетел корабль в открытое море.

Прошло несколько дней, и вдруг с берегов Африки подул сухой и беспощадный ветер сирокко. Но опытный кормчий вовремя приказал убрать паруса.

Наступил долгожданный день, и путники увидели родные берега и на холме – прекрасный замок Монфелис.

Невозможно описать, с какой радостью встретили их эмир и его жена. Извинением им служили постаревшее, в морщинах, лицо Заринды и седые, как снег на вершинах гор, волосы аль-Фелиса.

Девушки с охапками цветов провожали возвратившихся влюбленных от гавани до дворца.

Эмир хотел в тот же день короновать Флора. В дальних покоях долго разговаривали отец и сын.

– Прежде чем принять корону и золотой цветок власти, я хочу креститься. Великий Бог Бланшефлор охранял меня во время странствий, я познал Его милосердие. В Нем истинное сострадание и святость.

Трое архиепископов крестили Флора. Приняли христианство эмир, его жена и многие вассалы[22].

Счастливо жили прекрасные Флор и Бланшефлор в замке Монфелис. Бродячие певцы прославляли бессмертную красоту

влюбленных.

Флор прославился в боях. На турнирах не было ему равного. Бланшефлор на острове в Средиземном море построила чудесный монастырь. И морской ветер доносил до замка Монфелис звон его колоколов.

Словно птицы, перелетают из страны в страну песни, прославляющие верных влюбленных. Легенды о Флоре и Бланшефлор переносит ветер вместе с ароматом роз.

Старый певец, перебирая струны арфы, поет, и замыкается в его песне жизненный круг влюбленных. О чем поет старый менестрель[23]?

– Родились прекрасные влюбленные в один день и час, долгую жизнь и счастье даровал им Господь Бог.

И люди знают: нет лжи в песнях менестреля – только одна светлая вечная правда.

Лорелея

Высится над Рейном серая гранитная скала. Сверху донизу бегут по ней тонкие серебристые жилки. В ясный солнечный день поблескивают они, как живые змейки. А в туманный день густые облака укутывают серую скалу, не разглядишь вершины, и кажется она дикой и мрачной. Нет на скале ни выступа, чтобы ногу поставить, не растет в трещине ни одного деревца, чтоб ухватиться рукой. Еще ни одному смельчаку не удалось подняться на высокую скалу над Рейном.

А внизу, в тени, тихо плещут волны, и не видно дна. Говорят бывалые люди: там, под скалой, бездонный омут. Бросишь камешек в зеленую глубину – будто зазвенит что-то. А это ударился камешек о хрустальную крышу прозрачного дворца.

Еще рассказывают, что дворец этот построил сам старый бог Рейна. Весь дворец сложен из глыб хрусталя. Стайки разноцветных рыб вплывают в окна и выплывают из них. Мягкие зеленые водоросли коврами устилают мраморные полы. Повсюду стоят вазы с прекрасными водяными лилиями. Гирлянды жемчуга свисают со стен. Но ничто не радует седобородого бога Рейна. От жизни в темном омуте стал он мрачным и нелюдимым.

Говорят, все это истинная правда. В далекие времена, бывало, приглашал старый бог Рейна отважных рыбаков погостить в его дворце. А потом отпускал на волю, наградив горстью бесценных жемчужин. Ну а рыбаки, вернувшись со дна омута, рассказывали о подводных чудесах своим детям и внукам.

У са́мой воды раскинулась рыбачья деревушка. А на краю деревушки, в ветхой хижине с потемневшей от дождей соломенной крышей, живет бедный рыбак с дочерью Лорой.

Кто не знает красавицы Лоры! Лишь распустит она свои длинные волосы цвета чистого золота и меда, и скроют они ее убогую одежду – кажется, сама королева поселилась в нищем доме рыбака.

Далеко разнеслась весть о красоте Лоры.

Юноши со всей округи собираются под ее окном. Издалека приходят, лишь бы увидеть, как огнем теплятся золотые волосы в глубине темной хижины, услышать, как поет дочь рыбака. Много прекрасных песен знает девушка. Все детство провела Лора на берегу Рейна. Потому и слышатся в ее песнях шепот водяных струй, вечерняя прохлада и игра солнечных лучей на волнах.

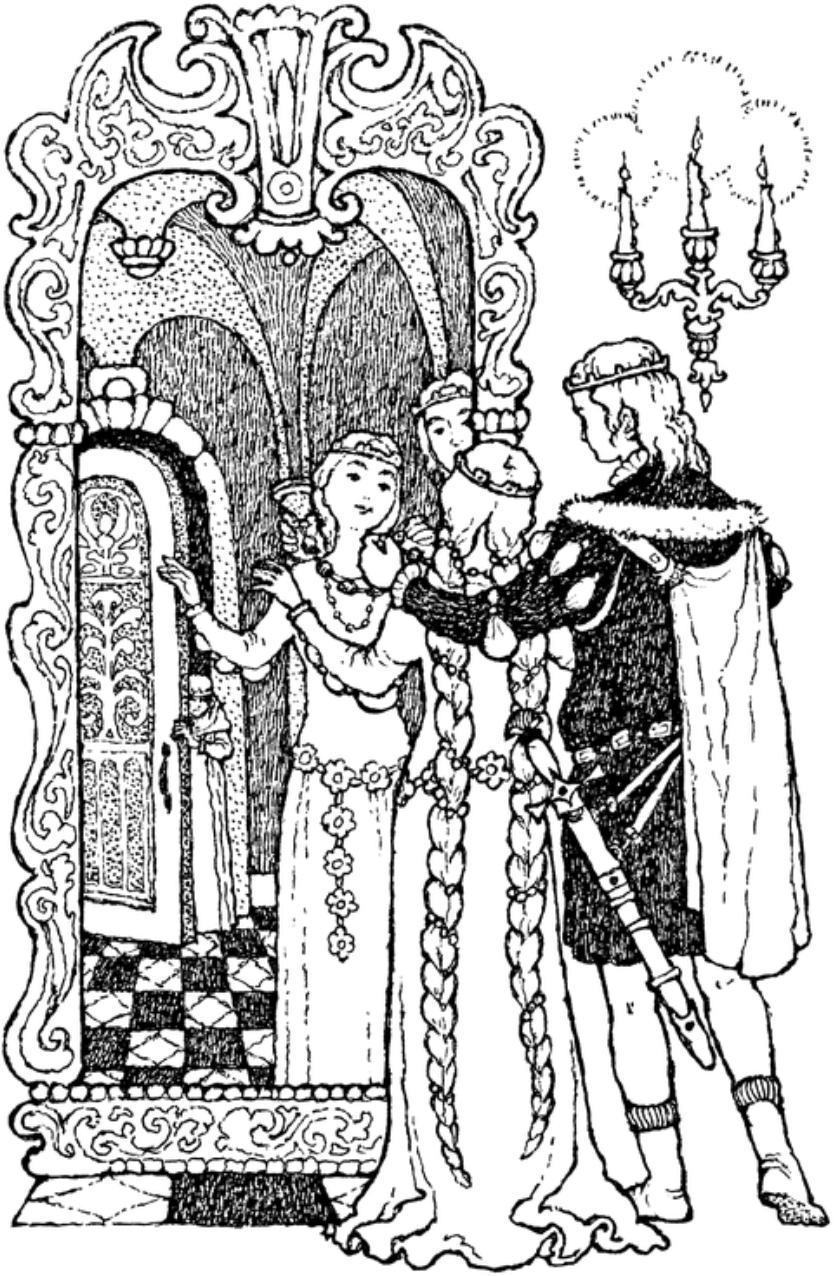
Но вот однажды под скалой, на берегу Рейна, увидела Лора незнакомого молодого рыцаря. Рыцарь заблудился в лесу и вышел к реке на шум волн. Увидел Лору – и застыл на месте. Не мог он понять, кто перед ним: водяная дева или лесная фея? С первого взгляда полюбил рыцарь золотоволосую Лору, а она полюбила его.

В этот день напрасно ждал Лору старый отец. Девушка не вернулась домой. Рыцарь увез ее в свой замок Штальэк, окруженный темным еловым лесом. Пять раз опоясывала дорога высокую гору, поднимаясь к замку рыцаря. На самой вершине горы высились башни замка, а над каменными воротами – герб: барс с разинутой пастью.

Стоит перед зеркалом Лора, смотрится в него – и не может себя узнать. То на плечо склонит голову, то в шутку нахмурится, то погрозит себе пальцем, и красавица в зеркале, одетая в шелк и бархат, повторяет каждое ее движение.

Полюбились рыцарю песни Лоры. Часто он просит:

– Спой мне, Лора.



Рука об руку гуляют они в темном лесу. Так ярко сверкают золотом волосы Лоры, что на черных вековых елях, как свечи, загораются капли смолы. Олени рогами раздвигают листву. Поближе подходят олени, чтобы послушать ее песни.

Смеется рыцарь и сжимает рукоять меча: уж он-то сможет

защитить свою любимую и от разбойника, и от хищного зверя.

А старая мать рыцаря не находит себе покоя в своей мрачной башне. Зябнет, дрожит, не может отогреться даже у раскаленного очага. Слуги разгребают горячие угли и горой наваливают дрова в очаг. Стреляют искрами сухие поленья, но не может согреться старая графиня. Зябнет она от злобы, ненависти к бедной дочери рыбака. Золотом сияют волосы Лоры, но не такое золото любит старая владелица замка. И что это за приданое – песни?

* * *

– Нечего сказать, славную невесту привел ты в мой замок – дочь простого рыбака! В волосах ее запуталась рыбья чешуя, оттого они так и блестят, – говорит графиня сыну. – От стыда потускнел наш гордый герб. Видно, забыл ты, что в родстве мы с самим королем? Позором хочешь покрыть наш знатный род. Разве нет у тебя невесты? Герцогиня Леопольда! Она прекрасна лицом, богата и к тому же дочь знатного рыцаря. Ну что же, воля твоя, раз так ты ее любишь, женись уж на дочери рыбака…

Говорит так, а сама думает: «Нет, я не допущу этой позорной свадьбы! Выживу нищую девчонку из моего замка во что бы то ни стало! Иначе я оскорблю могилы моих знатных предков… А если не будет девчонки в замке, сын мой забудет ее, забудет ее песни и золотые волосы».

Рассказал молодой граф Лоре, что видели его охотники в буковом лесу оленя редкой золотой масти с блестящими рогами.

– Жди меня, любимая, – попросил рыцарь Лору. – Я принесу тебе кончик его рога, а чудесного оленя отпущу.

– Кончик рога? Он украсит мое ожерелье, – с улыбкой ответила Лора. – Возвращайся скорее.

Уехал молодой граф со своими рыцарями и слугами. В красном свете факелов почему-то чужим и недобрым показалось Лоре лицо любимого.

Когда спускался рыцарь по лестнице, старая графиня приказала своему верному слуге остановить его и позвать в свои покои.

– Послушай, сын мой, – непривычно ласково проговорила графиня. – Невелика честь затравить оленя. Или ты не слышал, что в Шварцвальде, в Черном лесу, возле замка молодой герцогини Леопольды появился страшный вепрь с одним рогом во лбу? Красавица Леопольда боится вечером выйти в сад, где так прекрасно поют ее любимые соловьи. А насмерть перепуганные селяне запирают двери и боятся идти работать на полях. Убить

этого опасного вепря – вот достойная охота для рыцаря.

– Ты права, матушка, – согласился молодой граф.

Всадники проехали по подъемному мосту со смехом и свистом.

А старая графиня греется у огня и больше не зябнет. Сделала недоброе дело – теперь ей тепло у очага.

Смотрит Лора из окна башни. Не видит она всадников, но видит косматые огни их факелов. Но не в буковый лес – в другую сторону по крутой горной дороге, в сторону Шварцвальда, где замок молодой герцогини Леопольды, поскакал рыцарь со своей свитой.

Тоскует Лора, от недоброго предчувствия сжимается сердце.

Тяжело отворилась высокая дверь, и вошла старая владелица замка. Движение руки – исчезли слуги.

Графиня медленно подошла к Лоре.

– Жаль мне тебя, Лора, красивое ты дитя, и потому хочу я сказать тебе правду. Мой сын обманывает тебя. Не охотиться на оленя поехал он. Торопился с друзьями к своей невесте, юной герцогине Леопольде. Повез ей свадебные дары: уже не за горами их свадьба. Нечего больше тебе делать в замке. Впрочем, хочешь посмотреть на свадьбу моего сына – оставайся. Поможешь служанкам на кухне. Много будет у них дел, а твои руки привыкли к черной работе.

Все поплыло перед глазами Лоры: свечи, старая графиня, темная дверь в глубине зала…

Рванула Лора алмазное ожерелье – рассыпались драгоценные камни по ковру. Сорвала с пальцев кольца, с рук – браслеты, все бросила к ногам старой графини и убежала из замка.

Всю ночь бежала она по глухому лесу. Ухал филин во мраке и тяжело летал над ее головой. Выли дикие звери. Но только одного боялась Лора – повстречать молодого графа. Увидеть, как, переполненный радостью и счастьем, возвращается он от своей невесты.

Только на рассвете добралась она до родной деревни. Отец встретил ее на пороге дома. Но не ласково, а грозно взглянул он на Лору, и она виновато опустила голову. Опозоренной дочери нет места в его доме.

А у всех ворот – соседки. Показывают на нее пальцами, смеются:

– Что, недолго побыла ты графиней?

– Где твои парчовые платья? Где золотые серьги?

– Что ж ты не идешь к венцу с молодым графом?

Целый день бродила Лора по лесу, а к вечеру вышла на берег Рейна, туда, где в первый раз увидела она рыцаря. На страшное

дело решилась Лора – утопиться в глубоком омуте.

Луна висит над Рейном, тиха и неподвижна гладь омута. Но вдруг взволновались воды, поднялись, запенились.

Из са́мой глубины омута медленно поднялся старый бог Рейна.

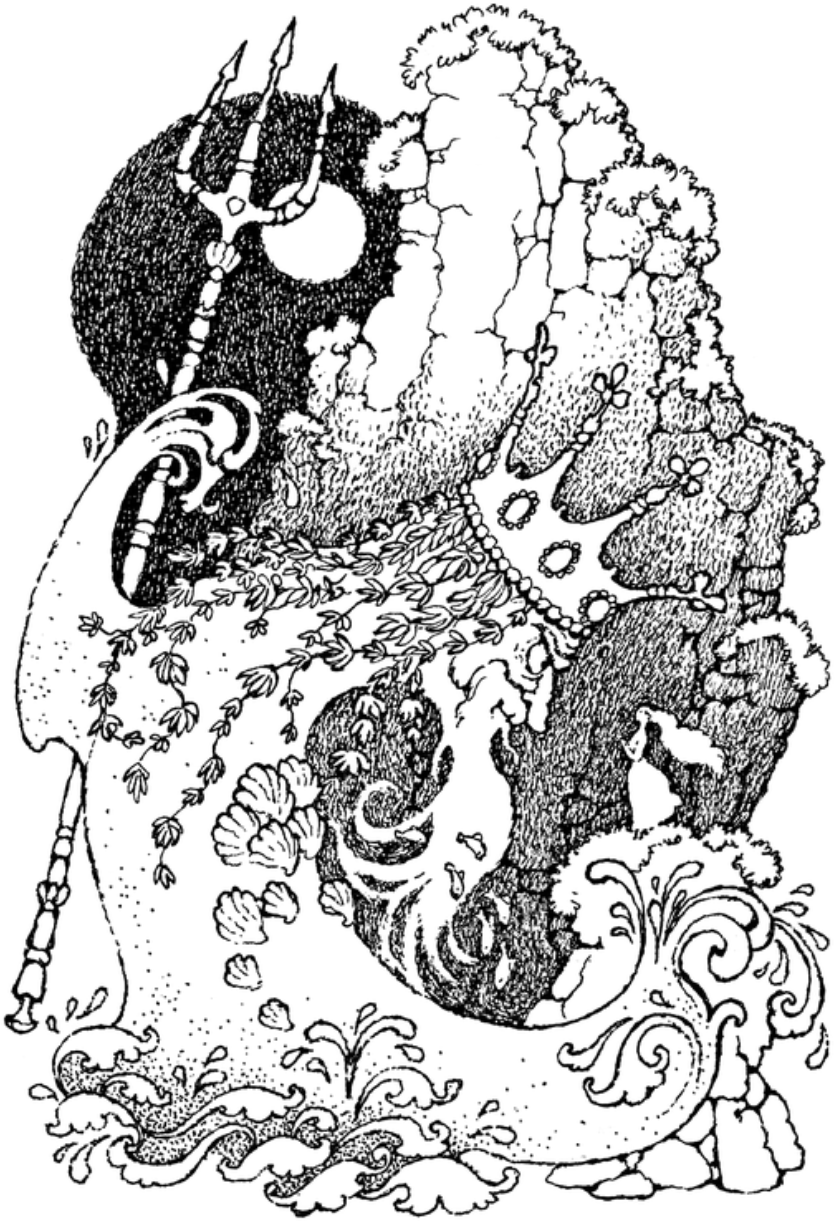
Вот он какой, старый повелитель Рейна! Высунул из воды голову и плечи. В лунном свете горит хрустальная корона. Длинные зеленые водоросли и речные травы свисают с головы. Ракушки облепили плечи. В бороде играет стая серебристых рыбок. Без страха смотрит на него Лора. Чего ей теперь бояться? Все самое страшное с ней уже случилось.

И тогда сказал старый бог Рейна:

– Знаю, люди жестоко обидели тебя. Но моя обида не меньше твоей. Слушай, красавица! Когда-то я царил над всей здешней страной. Низко кланяясь, приходили ко мне люди. С песнями бросали в воду драгоценности, золотые и серебряные монеты, венки из цветов. Молили, чтобы я наполнил их сети рыбой и пощадил их утлые лодчонки. Но прошло время, и люди забыли меня. Все отняли у меня: и славу, и мощь. Если ты согласишься, вместе мы сможем славно отомстить людям. Дам я волшебную силу твоим песням. Но знай, Лора, в сердце твое не должна проникнуть жалость. Если проснется в нем любовь, если ты прольешь хоть одну слезу, ты погибнешь.

И, не помня себя от горя, сказала Лора:

– Да, я согласна.



Шевельнул плечами старый бог Рейна, поднялась огромная зеленая волна, подхватила Лору и, не обрызгав платья, не намочив ее башмаков, вознесла на самую вершину неприступной скалы.

Схлынула волна. Погрузился в омут старый бог Рейна. А под скалой запенился, забурлил гибельный водоворот.

По всей стране прошел слух: злой волшебницей стала дочь

рыбака Лора. На закате, убранная речными жемчугами, появляется она высоко-высоко на скале и чешет золотым гребнем свои золотые волосы. Пламенем горят они в лучах заката. Стали звать эту скалу Ло-ре-лей – скала Лоры. Лорелеей прозвали и саму волшебницу.

Горе тому, кто услышит песню Лорелей.

Бог Рейна дал чудесную власть ее песням, а ей самой дал забвение. Окаменело ее сердце, незрячим взором смотрит она вниз с крутизны. Никто не может противиться красоте ее волшебных песен.

Нищему о королевском богатстве поет Лорелея. Рыцарю обещает победу и славу. Покой – усталому. Любовь – влюбленному. Каждый слышит в ее песнях то, чего жаждет его душа. Гибель несут песни Лорелеи. Околдует ее голос, одурманит, заворожит, а потом поведет за собой, заманит в страшный водоворот. Прочь отсюда, рыбак! Берегись, пловец! Если услышишь ее песню – ты погиб!

Рыбак бросил весла, и его лодку сносит течением. Забыв обо всем, околдованный песней, смотрит он вверх на Лорелею. Водоворот безжалостно схватил, закружил лодку. Нет спасения!

* * *

А рыцарь возвратился домой от богатой невесты и, не найдя в замке своей любимой, затосковал смертной тоской.

Опостылели ему пиры и охоты. Теперь ему ненавистно даже имя герцогини Леопольды.

Не умолкая, звучит в ушах рыцаря голос его любимой.

Рыцарь бродит по темным залам. Вспоминает: у этого окна стояла она, в это зеркало смотрелась, а на этой крутой лестнице споткнулась и он успел подхватить ее на руки.

– Зачем вы прогнали ее, матушка? Отныне вы мне чужая… – говорит он старой графине, которая дрожит в мехах и бархате у раскаленного очага и уже больше никогда не согреется.

В далекие южные страны, в Крестовый поход[24] отправился молодой граф. Долгие годы длились его странствия. Но больше, чем полученные раны, жжет и гложет его тоска.

Рыцарь вернулся домой.

Старая мать умерла, не дождавшись встречи с сыном.

Все в замке потускнело, обветшало, истлел флаг на башне, и неразличим герб над воротами. Травы подползли к дверям, пробились между плитами.

Далеко по Рейну плывет недобрая молва о золотоволосой

колдунье на скале. Странствующие рыцари, захожие путники разносят эти слухи по всем дорогам. Об этом шепчутся слуги в замке.

Отчаяние и ярость охватывают рыцаря. От горя и тоски мутится разум. Его Лора!.. С мечом бросается он на каждого, кто осмелится сказать при нем, что Лора – колдунья.

От страха сжался за дверью верный паж. Один заперся рыцарь в своих покоях. Доносятся оттуда грохот и лязг. Мечом в щепу изрубил рыцарь тяжелый стол, разбросал золотую утварь.

Нет, больше его никто не удержит! Ничьих советов не послушается он. Даже если тень матери встанет из могилы, ей не остановить сына. Граф приказал оседлать коня.

Быстро скачет конь по крутой дороге. Тут бы попридержать коня, а рыцарь еще вонзает шпоры в покрытые пеной бока.

Красным закатным огнем горят вершины гор. Рыцарь выехал на берег Рейна. Но никто из рыбаков не соглашается везти его к скале Лорелей. Граф обещал им все свои богатства, все, чем он владеет, но жизнь им дороже.

Бросив рыбакам кошель денег, рыцарь прыгнул в лодку и сам взялся за весла. Издали услышал он знакомый голос. Слабо, с перерывами доносит его ветер. Скорей, скорей увидеть любимую! Рыцарь в нетерпении изо всех сил налегает на весла.

Все громче звучит песня Лорелей. Слышится рыцарю: к себе зовет его Лорелея, торопит. Все простила она. Счастье, радость встречи ближе, ближе с каждым ударом весел!..

Кажется рыцарю: не по воде – по облакам плывет лодка. Нет, это не волны – голос Лорелей плещется вокруг него, переливается через борт. Это не воздух, не ветер – это голос Лорелей. Слепят глаза золотые волосы…

– Лора! – крикнул рыцарь.

Миг – и водоворот волчком завертел лодку, столбом поднимая брызги вокруг брошенных весел, и ударил ее о скалу.

И вдруг умолкла Лорелея. На полуслове оборвалась песня. Будто разбудил ее голос рыцаря. В ужасе глядит Лорелея: тонет ее любимый. Ожило сердце Лорелей. Вот мелькнули голова и руки рыцаря среди бушующей пены. Водоворот затягивает его. Слезы обожгли глаза Лорелеи. Видит она: рыцарь не борется с волнами, не хватается за обломки лодки.

Об одном лишь думая – спасти любимого, протянула руки Лорелея. Ниже, ниже наклонялась она и вдруг сорвалась со скалы и упала. Длинные ее волосы поплыли по воде золотым кругом, намокая, темнея. Крепко обняла любимого Лорелея, и вместе скрылись они в волнах.

И тогда донесся со дна отдаленный глухой удар. Говорят, это рухнул хрустальный дворец старого бога Рейна.

С тех пор никто больше не видел старого бога. Окрестные жители давно забыли его.

А Лорелею помнят. Живы еще рассказы о ее золотых волосах, дивных песнях и великой любви.

Говорят, и теперь еще иногда, в часы заката, является Лорелея на скале и чешет гребнем свои длинные золотые волосы. Стало совсем прозрачным ее тело, еле слышным сделался голос.

Скалу эту и в наши дни называют «скала Лорелеи».

Тангейзер

Звон и лязг скрещенных мечей и сабель, грохот, ржание лошадей перекрыли вой басурманских[25] труб и гортанные крики сарацин[26].

Все смешалось. Рыцарь Тангейзер Баварский чувствовал, как пот из-под раскаленного солнцем шлема струей льется по его лицу. Плащ с нашитым на нем белым крестом[27] был рассечен, а кольчуга забрызгана кровью.

Удар, еще удар! Сарацин рухнул под копыта его коня. Тангейзер поднял руку, и кровь, стекая с меча, наполнила железную перчатку рыцаря. Круглые щиты сарацин не выдерживали могучих ударов его меча с рукоятью в виде креста.

Бок о бок с Тангейзером бился его преданный друг – Экхарт Верный.

Каждый рыцарь и его слуга должны были сплести за ночь надежную лестницу из гибких ветвей деревьев, росших внизу, в долинах Самарии.

Напрасно сарацины пытались сбросить лестницы со стен, окружавших город. Крестоносцы один за другим поднимались по

шатким ступеням. Теперь уже схватка продолжалась и внутри города, и снаружи, перед воротами, разбитыми тяжелыми бревнами.

Рука Тангейзера не знала усталости. Вокруг него грудами лежали поверженные враги.

В короткий миг передышки рыцарь оглянулся и увидел у стены своего крестного брата, барона Раймонда. Его окружили красные щиты сарацин. Мелькали пестрые повязки, закрученные поверх шлемов и скрывающие лица.

Сверкал меч Раймонда, но вдруг сияние его померкло. Барон рухнул на землю.

– Вперед, мой Экхарт Верный! – крикнул Тангейзер. – Беда! На помощь барону Раймонду!

Он направил коня к воротам. В бешенстве и отчаянии пробивался Тангейзер вперед, словно прорубая просеку в густом лесу. Со спины его защищал Экхарт Верный. Сарацины рядами валились от ударов рыцаря.

Воин соскочил с коня. Сарацины, прикрываясь щитами, отступили. Тангейзер увидел лежащего на окровавленном песке Раймонда. Рука раненого еще сжимала меч.

Тангейзер встал над другом, широко расставив ноги и защищая его. Напрягая все силы, он отражал удары сарацин. Ноги скользили по песку, пропитанному кровью Раймонда.

Сарацины кольцом окружили рыцарей. Внезапный удар обрушился на плечо Тангейзера. Он пошатнулся и рухнул прямо на тело поверженного Раймонда.

Могучий сарацин размахнулся, чтобы добить раненого Тангейзера. Но Экхарт Верный одним ударом снес ему голову.

Из-за городской стены послышались торжествующие голоса:

– Deus vult![28] Бог приветствует!

Высоко взметнулись знамена и стяги, украшенные крестами.

Со скрипом и грохотом распахнулись Яффские ворота. Из города хлынул густой поток крови. Сталкиваясь, плыли в кровавой реке круглые щиты сарацин.

Когда растеклась и стала иссякать кровавая река, на высоком тонконогом коне в сопровождении воинов и свиты из ворот выехал император Фридрих Воинственный[29]. Торжество и радость победы светились в его глазах. Рядом с ним – герцог Лимбургский, с расшитым золотом знаменем в руке.

Восторженные крики огласили поле боя. Раненые приподнимались, чтобы хоть издали увидеть своего императора.

– Победа, победа!

– Иерусалим свободен!

– Султан Алькалил позорно бежал!

– Вифлеем, Назарет, все святые места освобождены!

– Слава крестоносцам!

Император подъехал к двум рыцарям в рассеченных кольчугах, лежащих крестом друг на друге.

– Цвет моего воинства! – Лицо императора омрачилось. – От этого тускнеет блеск моей победы. Я знаю их обоих. Печать смерти на лице барона Раймонда. А второй – немецкий рыцарь Тангейзер, бесстрашный воитель и певец.

Из толпы вышел седой человек в длинной темной одежде.

– Я – монах из обители Святого Стефана. Мне знакомо лекарское искусство. Для начала отнесите их в тень. Пусть их овеет прохлада ручья. Они оба живы, хотя молодой барон Раймонд ранен тяжело и опасно. Я осмотрю их и перевяжу раны.

– Лучшие повозки сюда! – приказал император. – Самых свежих и сильных лошадей! В Акре[30] нас ждут на причале корабли. Мы отвезем рыцарей в их родовые замки. Родные стены вернут им силы…

Знатные бароны переглянулись. Они знали, что рыцарь Тангейзер давно обнищал и замок его лежит в руинах. Но его воинская слава не померкла. Песни его перелетают из страны в страну. Они превыше всех богатств.

Тяжек путь до гавани Акры. Голые раскаленные скалы сменяются мертвыми песками.

Вот бьет из-под скалы прохладный ключ. Беспощадное солнце уходит за горы, тень от скалы удлиняется. Здесь можно устроить привал. Тангейзер с трудом встает на ноги, опираясь о плечо Экхарта Верного.

С глубокой печалью глядит он на молодого барона Раймонда. Глаза рыцаря закрыты, и застывшее лицо словно выточено из серого мрамора. Неужели он привезет в замок старого барона Анхольта похолодевшее тело его сына, завернутое в погребальный покров?

Сердце Тангейзера сжимается, словно кто-то сдавил его железной рукой. Потерять любимого друга!

Лекарь из монастыря Святого Стефана не отходит от раненого. Он то и дело подносит к его губам кубок с целебным напитком из трав и кореньев, прикладывает к ранам повязки, пропитанные живительным настоем.

Наконец глаза Раймонда открываются. Туманным, еще не видящим взглядом он смотрит вокруг. Несколько глотков из кубка – и вдруг он тихо произносит: «Тангейзер, брат мой!»

– Он будет жить! – радостно восклицает старый монах.

До Акры было уже не так далеко. Переждав дневной зной, все двинулись в путь.

На корабле поставили просторный шатер и перенесли туда раненого барона Раймонда. Тангейзер сидел рядом с его ложем и тихо наигрывал на лютне. Услышав знакомый напев, Раймонд в первый раз улыбнулся.

Плавание выдалось не из легких. Море было неспокойно. Из глубины Африки налетел сухой и жаркий ветер сирокко.

Но вот мертвые, пустынные берега скрылись вдали. Корабль взял курс на Триест[31]. Эгейское море встретило их бурей и штормом. Ветер сгибал мачты, весла ломались в руках гребцов.

Наконец ветер утих, и благодатные порывы мистраля[32] наполнили паруса. Благополучен был переход через Адриатическое море. Прозрачные зеленоватые волны словно ласкали корабль.

Вскоре показались знакомые берега, заросшие цветущими деревьями. Листья не разглядишь – так густо ветви усыпаны белыми и розовыми цветами.

Нельзя передать, с какой радостью и сердечным волнением ступили на берег рыцари. Их уже ждали присланные отцом Раймонда, знатным бароном Анхольтом, слуги, кони и повозки. Ведь добрые вести летят, опережая ветер.

Раймонд сошел с корабля, опираясь на плечо Тангейзера.

Он пожелал ехать верхом. До замка Ингерн путь был недолгий. И скоро путники увидели на зеленом холме высокий замок с острыми шпилями.

Ворота замка были распахнуты, подъемный мост над бурливым рвом опущен. Сам владетельный барон Анхольт, окруженный свитой и слугами, стоял на верхней ступени мраморной лестницы. От счастливых слез все двоилось у него в глазах.

Раймонд сошел с коня, и отец, не стыдясь слез, обнял сына старческими, но еще крепкими руками. Раймонд вскрикнул: рана давала о себе знать.

– Благородный, истинный друг! – Барон Анхольт обнял Тангейзера. – Знай, если бы кто трижды спас меня от неминуемой смерти, он не сделал бы для меня большего, чем сделал ты. Отныне ты мой сын, и все, чем я владею, – твое!

Тангейзер вежливо, как подобает рыцарю, поблагодарил хозяина замка.

Из распахнутых дверей уже неслись звуки музыки. В праздничном зале за широкими столами сидели друзья Раймонда со своими женами. Те, кто убелен сединой, привезли своих прелестных дочерей, сияющих молодостью и красотой.

Барон Анхольт посадил любимого сына по правую руку, по левую – Тангейзера. Напротив Тангейзера, улыбаясь ему, сидел Экхарт Верный.

Слуги поспешно вносили все новые и новые блюда. Отборные яства благоухали ароматами Востока. Пажи наливали в кубки драгоценные заморские вина.

Наконец встал барон Анхольт и обвел взглядом своих гостей, призывая к молчанию.

– Я хочу поднять этот кубок за достославного рыцаря Тангейзера, бесстрашного воина и прославленного певца! Но для меня Тангейзер больше, чем певец и воин. Он спас моего сына, когда смерть была к нему ближе, чем ко мне эта жарко горящая свеча!

Послышались голоса и звон кубков.

– Пьем за Тангейзера!

– Слава Тангейзеру!

– Его песни останутся жить в веках!

– Спой нам! Мы так давно не слышали твоих чудесных песен!

Юный паж подал Тангейзеру лютню. Рыцарь встал и почтительно поклонился хозяину и гостям. Все замерли в ожидании. Раздался прекрасный голос Тангейзера:

Под рукой певца струна запела.
Посмотри в глаза любимой смело,
Посмотри в глаза любимой смело.
На ее руке твое кольцо!
Лилиями пахнет ее тело,
Розами – прекрасное лицо!

И рыцари, сидевшие за столом, все, как один, подхватили слова песни:

Лилиями пахнет ее тело,
Розами – прекрасное лицо!

В этот миг в окна просочился прозрачный, чуть розоватый туман. Многим померещились тонкие, невесомые, как дымка, одежды и еле различимое пленительное лицо.

Свечи затрещали от налетевших капелек влаги. Мгновение – и туман развеялся.

– Это сумерки нас морочат! – воскликнул хозяин замка. – Эй, слуги! Еще свечей!

Пиршественный зал озарился трепещущим светом. На красавицах засверкали драгоценные украшения. Их было больше, чем росинок на весеннем лугу ранним утром. Все взоры прекрасных дам были устремлены на Тангейзера.

– Я еще раз поднимаю кубок в честь рыцаря Тангейзера! – громко произнес барон Анхольт. – Что может быть благородней соединения безмерной отваги и священного дара поэта? Слава и честь Тангейзеру, воину и певцу! Оставайся у меня в замке Ингерн навсегда, бесстрашный рыцарь! Веселые пирушки будут сменяться охотой на вепря, рыцарский поединок – свиданием в беседке с томной красавицей. О, я вижу, сколько нежных взоров устремлено на тебя!

– Остаться в замке Ингерн? О, это выгодное предложение! – завистливо прошептал рыцарь, разодетый в шелка и бархат, на ушко юной красавице Ирос, сидевшей с ним рядом. – К тому же Тангейзер нищ как церковная крыса. Отцовский замок пуст и заброшен. Вороны свили гнезда в каминных трубах, истлел родовой герб над воротами… Везет же бродягам! Надо думать, он не откажется. У него же нет ни гроша. А что завоюет в походах – все раздает неимущим и убогим.

– Щедрость – достойное качество рыцаря, – ответила красавица Ирос и презрительно отвернулась.

– Останься со мной, мой брат и друг, – еще слабым голосом

проговорил Раймонд.

Тангейзер встал, держа кубок в руке. Его взор затуманился, будто он смотрел сквозь стены замка куда-то вдаль.

– Нет таких слов, чтобы достойно выразить благодарность вам, великодушные хозяева! Но душа моя уже давно выбрала себе иной путь. Я – нищий певец-миннезингер[33]. Если долг не зовет меня в бой, то влекут к себе вечные странствия. Налетевший ветер торопит меня и нашептывает, что в каждом уголке земли сокрыто свое чудо. Какие только диковинки не встречал я на своем пути!

– Если уж говорить о диковинках, – помолчав, заговорил старый барон, – то тут неподалеку, один день езды отсюда, высится неприступная гора. Говорят, скрыты в ней глубокие подземелья, а там…

– Это гора колдуньи Сибиллы, – перебил его один из гостей. – Слышал я, там спрятаны бесценные клады. Да вот беда: стерегут их огненные чудовища.

– А вот и нет! – вмешался другой. – Там скрыт подземный рай королевы Сибиллы.

– Там вход в подземелье ада, – вздрогнув, перекрестился капеллан[34].

– Я слышал, вход в прекрасный грот Сибиллы преграждает Пещера ветров, – задумчиво сказал один из рыцарей. – Жуть берет, если послушать об этих пещерах…

– Мой преданный рыцарь, мой Ожье, – печально и тихо сказала красавица Ирос, – отправился туда и вернулся седой, на себя не похожий, утративший радость жизни. Он что-то говорил о Погибельном гроте… Потом он уехал, и я его больше никогда не видела.

Молчание воцарилось за столом.

– Разве не слышали вы? – с глубоким вздохом сказал хозяин замка барон Анхольт, и голос его утратил праздничное веселье. – В давние времена почтенные старцы говорили, что неверно зовется это место горой Сибиллы. Хозяйка подземных пещер – сама богиня красоты королева Венера[35]!

– Неужели это правда?! – воскликнул Тангейзер.

Он задел струны лютни, и они зазвучали тревожно и не в лад.

Старый шут в разноцветной одежде тряхнул своим колпаком с бубенцами.

– Нет уж, спасибо, дружок, клянусь хвостом моей кобылы! За целый сундук золота я не полезу в проклятые пещеры. Я лучше подкачусь под бочок моей милашки, хоть ей недавно стукнуло ровно сто лет.

И шут снова тряхнул своим колпаком.

Тангейзер медленно поднялся. И как с ним иногда бывало, взгляд его стал странно задумчив.

– Друзья мои, простите, если я нарушу ваш дружеский радостный праздник. Но ветер странствий позвал меня. Теперь я знаю, куда направлюсь. Туда, где ждут меня, соединившись, неведомое и тайное. Теперь я знаю…

– Опомнитесь, рыцарь! Вы погибнете в этих пещерах. – Красавица Ирос повернула к нему побледневшее лицо. Глаза ее были полны слез. – Это безумие! Останьтесь здесь, с нами… Здесь вас так…

Она умолкла, но глаза ее договорили бесценное слово.

Тангейзер только улыбнулся красавице. По знаку старого барона слуги внесли шитый золотом плащ. Раймонд, не скрывая тревоги и печали, сам накинул его на плечи Тангейзера и застегнул на груди драгоценной пряжкой.

– Я не оставлю тебя. Я еду вместе с тобой, – негромко сказал Экхарт Верный.

– Подумай, – сказал Тангейзер. – Веселые приключения порой имеют печальный конец.

Но Экхарт Верный только покачал головой и ничего не ответил. Он встал, накинул поданный ему слугами бархатный плащ и застегнул его на груди.

В саду, перед мраморной лестницей, нетерпеливо били копытами два великолепных коня.

С грустью провожал своего крестного брата молодой барон Раймонд. Сердце подсказывало ему, что они не скоро снова увидятся. Да и увидятся ли?

Все дамы вышли на балкон. Взметнулись вышитые шелком платки. Тангейзер поднял руку, прощаясь с ними.

Дорога была ровной и гладкой. Цветущие деревья переплелись ветвями, перекинув через нее бело-розовые арки.

Но вот мощеная дорога кончилась. Узкая тропинка, петляя, повела вверх, к скалистым уступам. Словно какие-то тайные силы сговорились не пускать дальше путников. То преградит дорогу скатившаяся сверху груда тяжелых камней. То, едва проедешь дальше, протянется глубокий сумрачный овраг.

Густые облака кольцами накрывали всадников, и они невольно сдерживали шаг коней.

Наконец показалась вершина горы, мрачная и угрюмая, заросшая лишайником и черным мхом.

Экхарт Верный молча следовал за Тангейзером, а тот опустил голову, невольно задумавшись. Внезапная тоска сковала его сердце.

«Стоит ли ехать дальше? – невольно подумал он. – Этот

унылый вид не обещает ни радости, ни веселого приключения…»

Неожиданно они выехали на круглую поляну, покрытую шелковой изумрудной травой. Послышались веселые, беспечные голоса:

– Смотрите, рыцари!

– Они едут к нам!

– Какая радость!

– Встретим их веселой пляской!

Пушистое облако развеялось, и перед рыцарями появилась целая толпа пленительных юных красавиц.

Девушки с веселым смехом окружили усталых рыцарей. Их босые ножки едва касались травы, плечи и руки были украшены драгоценностями. На одной платье было из тонкого голубого шелка, все затканное цветами, на другой – бледно-розовое, как утренняя заря, на третьей – переливчатое, цвета морской волны, украшенное, как пеной, тающими кружевами.

– Вглядись, Тангейзер! – взволнованно прошептал обычно молчаливый Экхарт Верный. – У них у всех одинаковые лица! Господи помилуй! Никогда не видал такого. Черные глаза, черные кудри. А лица? Не отличишь. Словно одно лицо, повторенное в зеркалах снова и снова. Не к добру это!

Девушки приблизились, сужая кольцо. Конь Тангейзера, белый Альтар, дико заржав, вскинулся на дыбы. Даже в кровавом бою, окруженный сарацинами, он всегда подчинялся хозяину. Конь Экхарта Верного в ужасе шарахнулся в сторону, чуть не сбросив всадника.

– Поворачивай коня назад, Экхарт Верный! Вернемся, пока не поздно! – впервые в жизни дрогнувшим голосом воскликнул Тангейзер.

В этот миг прелестные девушки разом исчезли, словно были они созданы из легкой дымки и ветра. Послышалась чудесная, завораживающая музыка.

Только тут рыцари заметили, что там, где кончается лазурная поляна, виднеется вход в глубину горы, отделанный драгоценным мрамором.

В темной глубине входа показалась красавица в прозрачных одеждах. Нет слов, чтобы описать ее дивную прелесть!

На ней не было ни одной драгоценности, потому что блеск ее глаз затмил бы блеск всех алмазов и изумрудов. Тяжелые золотые кудри падали на обнаженные плечи, которые сияли, словно сам морской царь сотворил их из лучших своих жемчужин. Сквозь прозрачные одежды просвечивало тело неизъяснимой красоты.

Тангейзер как зачарованный направил коня через поляну.

– Стой! – в отчаянии крикнул Экхарт Верный. – Это дьявольское наваждение. Стой! Ни с места!

– Ах, ни с места! – послышался повелительный насмешливый голос красавицы. – Это ты, раб, будешь стоять здесь, и стоять вечно!

И в тот же миг Экхарт Верный вместе со своим конем застыл неподвижно, превратившись в каменную статую.

Но Тангейзер даже не оглянулся. Завороженный, словно погруженный в колдовское забытье, он не сводил глаз с ослепительно прекрасной женщины.

Она поманила его рукой. Тангейзер сошел с коня и покорно пошел за ней.

Он перешагнул мраморный порог и вошел в подземный грот. Ступая легко и воздушно, красавица шла перед ним, то и дело оглядываясь с манящей улыбкой.

В первом гроте мраморные стены сверкали, потолок застилал густой туман, и потому грот казался бесконечно высоким. Из-за резных колонн выбежала стая волков. Они стремительно скрылись в мглистой глубине грота. Резкими криками их гнал проворный человек в легкой тунике. За ним, не отставая, бежали собака и черный козел.

– Приветствую тебя, прекрасная королева! – крикнул погонщик и мгновенно исчез.

Еще более странные существа появились из темноты – наполовину лошади, однако грудь и голова у них были человеческие. Но все они были воздушно-прозрачны и, крикнув:

– Приветствуем тебя, Венера, богиня красоты! – исчезли, растаяв в воздухе.

– Это мои слуги, не гляди на них. Они недостойны твоего взгляда, – обворожительно улыбнулась Венера, уводя его дальше.

Тангейзер и Венера миновали Пещеру ветров, полную неведомых голосов, завываний и стонов. Холодные порывы ветра взметнули плащ Тангейзера и чуть не сорвали его с плеч.

«Об этой пещере говорил рыцарь, друг Раймонда», – вспомнил Тангейзер.

Наконец они вошли в Погибельный грот. Он был так ужасен, что если бы не сладостный голос идущей впереди Венеры, рыцарь не выдержал бы и повернул назад.

Словно все призраки и ужасы собрались в этом зале. Они были растворены в воздухе и окружали Тангейзера со всех сторон. Дрожь и трепет охватили рыцаря, хотя он ничего не видел и не мог понять, что же нагоняет такой ужас. Что-то чудовищное витало вокруг него, вливалось в его грудь.

«Так вот о чем говорил отважный рыцарь Ожье! – подумал

Тангейзер. – Седой, сломленный, он повернул обратно…»

Но, преодолевая смертный ужас, содрогаясь, Тангейзер поспешно шел вперед.

Наконец он увидел металлическую дверь. Она все время то открывалась, то закрывалась. Тангейзер понял: надо успеть пройти, когда она открыта. Он поторопился, успел перешагнуть порог и оказался в прекрасном высоком чертоге.

Тихая чудесная музыка лилась со всех сторон, словно ее источали стены. Согласно с дивными звуками, журча, били фонтаны.

Посреди зала стояло широкое ложе на пушистых тигровых лапах. Задернутый полог был сплетен из утренних облаков, подсвеченных золотом восходящего солнца. Кругом росли деревья, их ветви сгибались под тяжестью невиданных плодов.

Стоило Тангейзеру появиться в дверях, как тигровые лапы ожили, зашагали, и ложе плавно двинулось навстречу ему.

Полог раздвинулся, и Тангейзер увидел ослепительно прекрасную королеву Венеру. Она лежала на свежих лепестках жасмина, усыпа́вших все ложе, и призывно протягивала к нему руки.

Тангейзер сбросил плащ и обнял ее гибкое, словно тающее в руках тело. Венера наклонилась к нему и поцеловала. Ее губы были холодны как лед и горячи, словно по ним были рассыпаны раскаленные угли.

И в тот же миг забыл Тангейзер всю свою прошлую жизнь. Отчий замок, лежавший в развалинах, своего друга Раймонда, Экхарта Верного, волны морей и битвы с сарацинами в святом городе Иерусалиме. Он видел только сияющие глаза Венеры,

застилающие весь мир.

По знаку Венеры появились призрачные девушки-служанки. Они внесли блюда со всевозможными яствами и фруктами.

– Отпей хоть глоток из этого кубка! – вкрадчиво уговаривала Венера. – Это – амброзия, напиток вечной юности. Мой отец, славный Юпитер[36], пьет амброзию и никогда не состарится.

Тангейзер сделал несколько глотков из золотого кубка. Рыцаря охватило чувство неизъяснимого счастья. Ему показалось, что у него выросли крылья и он может летать.

– Спой мне, мой милый певец! – нежно попросила Венера. – Спой!

Невидимые руки подали Тангейзеру лютню. Он начал петь одну песню за другой, восхваляющие красоту королевы Венеры. Сколько это длилось, он сам не мог сказать.

Иногда, усталый, он засыпал на ложе, покрытом никогда не вянущими лепестками цветов. Во сне его обступали образы прошлой жизни. Он видел опечаленные лица своих друзей, слышал звон мечей, журчание ручьев, сбегающих весной с родных гор. И тогда он с криком просыпался и в отчаянии оглядывал роскошный чертог.

– Королева! – с мольбой говорил он. – Отпусти меня назад, в мир обычных людей, таких же, как я. Природа не создала ничего прекрасней, чем ты, но я умру здесь от тоски. Воспоминания зовут меня вернуться.

– Ты хочешь покинуть меня, мой певец, мой Тангейзер! – с укором говорила Венера.

Ее тяжелые кудри падали ему на грудь. Она целовала его, и гасли, исчезали лица любимых друзей, стирались очертания гор, умолкали бегущие со скал ручьи.

Иногда раздавался беспечный смех, и на край лепесткового ложа садился крылатый Амур[37], златокудрый сын Венеры. Мальчик натягивал лук, и золоченые стрелы летели куда-то сквозь стены и исчезали. Шаловливый мальчик смеялся и снова натягивал лук.

Однажды, лежа в полусне и еще не открыв глаза, Тангейзер услышал, как Венера сказала своему сыну:

– Шалун и проказник, мой милый Амур, я должна отлучиться. Я поднимусь в мир простых смертных и убью все сны Тангейзера. Его сны полны воспоминаний и зовут его назад. Надо, чтобы он навсегда забыл людей с их радостями и невзгодами. Когда я сотру воспоминания рыцаря, они исчезнут из его памяти. Побудь здесь, пока я не вернусь. Следи за Тангейзером. Никуда не отлучайся. Понял, мой мальчик?

Амур кивнул своей златокудрой головкой. Венера вдруг

начала исчезать, таять, как облачко на рассвете, согретое солнечными лучами.

Оставшись один, Амур несколько раз натянул свой лук, выстрелил, осмотрел свой колчан и вдруг капризно вскрикнул:

– У меня кончились стрелы! – Он всхлипнул, как маленький мальчик, лишенный любимой игрушки. – Клянусь, я здесь умру со скуки! Слетаю-ка я раздобуду новые стрелы – и тут же назад.

Он взглянул на Тангейзера, но тот не шевельнулся. Когда рыцарь открыл глаза, Амура в волшебном гроте уже не было.

Умолкли поющие стены. Остановились звезды и планеты, совершающие свой привычный круг под высоким потолком.

Послышался шелест одежд. В зал, осторожно оглядываясь, вошла тоненькая девушка в серебристо-сером платье. Она не могла сравниться красотой с королевой Венерой. Но Тангейзер никогда не видел таких прекрасных, кротких и печальных глаз.

Девушка положила узкую прохладную ладонь ему на лоб.

– Очнись, Тангейзер, очнись! – проговорила она. – Мы – одни! Очнись, пока не вернулась королева.

Тангейзер с изумлением смотрел на девушку, еще не понимая, кто перед ним.

– Ты живая? – спросил он дрогнувшим голосом. – Кто ты?

– Я – Элиза. Я жила в маленьком городке, там, на холме, – проговорила девушка. Голос ее был певуч и нежен. – Теперь я такая же пленница королевы Венеры, как и ты.

– Да, мы пленники, это ты верно сказала! – воскликнул Тангейзер. – Не знаю, сколько дней я пробыл в этом прекрасном гроте. Но я всей душой стремлюсь вернуться в мир простых людей, таких, как я, близких моему сердцу.

– Я – тоже. Бежать отсюда! Скорее, пока не вернулась наша прекрасная повелительница! – торопливо проговорила Элиза. – Как давно я здесь, мне тоже неведомо. Время остановилось. Но тоска по живому миру губит меня. Мне страшно. Я забыла все молитвы, имена святых. Если я хочу перекреститься, рука наливается каменной тяжестью, и я не могу ее поднять. Бежим отсюда, бежим!

Девушка прислушалась к чему-то и вдруг горестно воскликнула:

– Поздно, поздно! Стены грота запели. Значит, королева близко!

В тот же миг посреди зала появилась Венера во всем блеске своей красоты.

Элиза в ужасе прижалась к Тангейзеру.

– А-а, мои людишки, мои милые гости! – ласково проговорила Венера. Но скрытый гнев, как отдаленный гром,

слышался в ее голосе. – Жалкие твари! Вот что вы задумали! Как будто из моего царства так просто убежать!

Тангейзер схватился за меч.

– Опомнись, рыцарь! Ты забыл: я бессмертна! – рассмеялась Венера. Ее смех превратился в цветы, и они рассыпались по всему полу. – Твой меч пройдет сквозь меня, как сквозь облачко, не причинив мне ни малейшего вреда. И это твоя благодарность за то, что ты пробыл у меня в гостях целых семь лет?

– Семь лет?! – в ужасе воскликнул Тангейзер. – Быть не может!

– Да, это так. Сейчас я поцелую тебя, и ты навсегда забудешь тот ничтожный мир, куда ты сейчас стремишься. Сны больше не будут мучать тебя, потому что я стерла твои воспоминания о людях.

Венера сделала шаг к Тангейзеру, губы ее налились жидким огнем. Но Тангейзер отступил, закрывая собой Элизу.

Венера презрительно оглядела девушку.

– А ты, моя крошка, видно, совсем потеряла голову? Похоже, что ты забыла, где жила до того, как попала в мой прекрасный грот. Ты была служанкой на грязном постоялом дворе. Изможденная, еле живая, вся пропахшая гусиным жиром, ты разносила глиняные миски с похлебкой. Пьяные мужланы хватали тебя липкими руками, стараясь затащить в темный уголок, да еще бранились, что ты тощая как щепка. Я обещала тебе сладкую жизнь без забот и страха. И главное, главное, я подарила тебе вечную молодость и сдержала свое слово. Знаешь ли ты, что прожила здесь, у меня в гроте, триста лет?

– Триста лет?! – в отчаянии вскрикнула Элиза.

Она смертельно побледнела.

– Ну что, маленькая дурочка с кроткими глазами, останешься у меня? – уже уверенно усмехнулась Венера. – Здесь время покорно спит на пороге моего грота. А там… Люди умирают, как трава под косой.

– О боже! – Голос Элизы зазвенел. – Пусть так… Я согласна на все, лишь бы снова услышать звон церковных колоколов!

Лицо королевы Венеры вспыхнуло, но что-то ужасное и жестокое было теперь в ее красоте.

– Бежим! – в нетерпении воскликнул Тангейзер, хватая Элизу за руку. – Сейчас она не властна над нами.

Они бросились к железной двери.

– Жалкие людишки! Вы пришли сюда добровольно, и потому я не могу удержать вас. Но вы еще пожалеете! – гневно крикнула вслед Венера.

Однако Тангейзер уже не слышал ее. Какое счастье: железная

дверь открыта! Держась за руки, рыцарь и девушка успели проскользнуть, пока дверь не захлопнулась.

Они вбежали в пустой Погибельный зал. Нестерпимый ужас охватил Тангейзера. Элиза вскрикнула и, не выдержав, без чувств упала на холодный пол. Тангейзер подхватил ее на руки и бросился к открытой двери грота.

Ветер засвистел и завыл. Прижимая к груди легкую, хрупкую Элизу, борясь с порывами ветра, которые грозили сбить его с ног, Тангейзер миновал и этот грот.

Стая волков преградила им путь. Но это были только призраки, и Тангейзер без труда проходил через их воздушные тела, слыша за собой тоскливый вой и щелканье зубов.

Наконец в высоком проеме Тангейзер увидел цветущую поляну. Еще никогда с такой радостью он не смотрел на шелковистую траву и рассыпанные по ней мелкие цветы.

Стоило рыцарю перешагнуть мраморный порог, как каменный Экхарт Верный ожил и бросился ему навстречу.

– Я снова жив! – вне себя от радости крикнул он. – Потрогай меня, я снова живой и теплый!

Его конь тряхнул гривой и в три прыжка догнал хозяина.

Тангейзер бережно положил Элизу на мягкую траву и обнял Экхарта Верного.

Элиза открыла глаза и в первый раз улыбнулась. Она, не отрываясь, глядела в бездонное голубое небо, а ее рука с нежностью гладила свежую траву.

Откуда-то издалека донеслись звучные удары церковного колокола.

Элиза перекрестилась. Казалось, свет потоками льется с ее лица.

– О Боже, благодарю Тебя за эти мгновения! Я – готова… – проговорила она голосом, казалось идущим из самого сердца. –

Тангейзер, воды… Принеси мне земной воды.

– Но у меня нет ни кувшина, ни кубка, – в растерянности оглянулся Тангейзер.

Ему показалось, что лицо Элизы бледнеет с каждой секундой.

– Принеси мне воды в ладонях, рыцарь Тангейзер. Мне хватит нескольких капель. Помнится мне, вон за той скалой бьет хрустальный ключ… – Элиза улыбнулась светло и печально, будто прощаясь с ним.

Тангейзер торопливо обогнул скалу. Он не сразу нашел ключ, бьющий тонкой струей у корней могучего дуба.

Рыцарь набрал полную пригоршню воды и, чувствуя, как она сочится сквозь пальцы, поспешил на зеленую поляну.

Там он с изумлением огляделся. Элизы не было. Посреди поляны стоял Экхарт Верный, и Тангейзера поразило его потрясенное лицо.

– Триста лет… Она не хотела, чтобы ты это видел… Это было слишком страшно…

– Постой, где она? Где Элиза? – в недоумении, уже предчувствуя недоброе, произнес Тангейзер.

– Она умерла счастливой… Пока она могла, она читала молитвы, одну за другой. Волосы ее поседели. Лицо покрылось морщинами, платье истлело… Нет, я больше не могу говорить…

Слезы текли по щекам Экхарта Верного.

Тангейзер наклонился и увидел рассыпанную по траве горсть серого пепла. Трава зазеленела живым изумрудом, земля втягивала пепел вглубь. Он исчезал. Остатки воды из ладоней Тангейзера пролились на траву.

Вдали празднично и светло звонили колокола.

– Господь милосердный простил Элизу. – Тангейзер набожно перекрестился. – Ведь Элиза была измученной, запуганной девчонкой, когда ее соблазнила Венера. А я… Эти пиры и сладость ее объятий… Я великий грешник! Мой Экхарт Верный, я поеду в Рим, к папе Урбану Четвертому[38]. Когда-то он благословил мой меч на борьбу с сарацинами. Только он может отпустить мои прегрешения, иначе тяжесть их раздавит меня.

– Я поеду с тобой, – не колеблясь, сказал Экхарт Верный.

Из густой березовой рощи, услыхав голос хозяина, выбежал конь Тангейзера, белый Альтар.

– Ты постарел, мой преданный друг! – Тангейзер обнял за шею любимого коня. – Еще бы – семь лет! Но ты еще полон сил.

Они спустились с горы.

Тангейзер с грустью проехал мимо своего родового замка. От замка осталась бесформенная груда камней. В разрушенном холодном очаге пристроилась зайчиха с выводком пушистых

зайчат. Пруд, где раньше плавали белые лебеди, превратился в болото. На гнилых кочках сидели пятнистые жабы.

Вдали показался замок Ингерн.

«Жив ли старый добрый барон Анхольт? Мой крестный брат Раймонд, наверное, уже обзавелся семьей. С какой сердечной радостью я бы обнял его. Но я так отягощен грехами, покрыт ими, как черной корой! Только папа Урбан наделен высшей властью очистить меня от скверны. И тогда я вернусь в родные края с легким сердцем и чистой душой…» – думал Тангейзер.

Путь по Баварии прошел благополучно, словно кто-то помогал рыцарям в дороге.

У Экхарта Верного нашлось несколько золотых монет. Они ночевали в придорожных постоялых дворах, а иногда в теплые ночи спали прямо на земле, подстилая под себя плащи.

Альпы встретили рыцарей суровым холодом. Но Тангейзер, который не раз пробирался по обледенелым перевалам, уверенно находил дорогу.

С Адриатического моря повеяло влажным теплом.

Тангейзер и Экхарт Верный проезжали маленькие города. Жители дружески приветствовали рыцарей в изношенных плащах, на которых еще можно было различить изображение креста.

Женщины выносили им свежее виноградное вино в кувшинах и хлеб. Они улыбались усталым рыцарям в пропыленной одежде.

Тангейзера охватило нетерпение и доброе предчувствие, что еще немного – и он освободится от каменной тяжести, сковавшей его Душу.

С волнением и сердечным трепетом рыцарь наконец въехал через городские ворота в царственный Рим. Он ехал широкими улицами мимо дворцов римских вельмож. С балконов спускались гирлянды цветов. На площадях били фонтаны, украшенные статуями.

Какие длинные улицы! Грудь Тангейзера вздымалась от еле сдерживаемых рыданий, он задыхался[39].

Рыцарь не помнил, как поднялся по широкой мраморной лестнице и вошел во дворец папы Урбана. Тангейзер проходил один богато убранный зал за другим, не замечая ни великолепных сводов, блистающих золотом и лазурью, ни мраморных колонн.

Стражники пропускали его. Им было приказано пропускать крестоносцев – защитников истинной веры и святого города.

Наконец рыцарь вошел в высокий зал, стены которого были расписаны фресками великих художников, изображавшими Христа и Его учеников. Но все как бы тонуло в тумане перед взором Тангейзера.

Несколько шагов – и рыцарь упал на колени перед троном, на котором сидел папа Урбан. На нем была красная мантия, на грудь с двух сторон опускалась широкая бархатная лента, украшенная драгоценными камнями и вышитыми на ней святыми.

Папа Урбан наклонился к Тангейзеру, слегка опираясь на свой посох. Его старое лицо в глубоких морщинах было спокойно.

– Мне кажется, я уже видел тебя когда-то. – Его голос звучал приветливо. – По твоему лицу и манерам похоже, что ты знатного рода. Что ты хочешь сказать мне, сын мой?

– Ваше святейшество, когда-то вы благословили мой меч. Немало сарацинов пало от его ударов. Но я – великий грешник! Я раскаиваюсь всем сердцем и жажду прощения, как путник, умирающий от жажды в пустыне.

– Мне свыше дано право отпускать грехи. Не бойся, говори, сын мой!

Низко-низко опустил голову Тангейзер и с трудом проговорил:

– Семь лет я провел в гроте у Венеры, наслаждаясь всеми земными радостями…

– Бесовскими радостями! – Голос папы Урбана загремел. – В гроте Венеры! Семь лет! И ты надеешься на прощение, несчастный?!

Тангейзер поднял голову, взглянул на лицо папы и не узнал его. Лицо папы Урбана дышало гневом и яростью. Брови были угрожающе сдвинуты, глаза пылали негодованием.

Папа резко поднялся и с силой ударил своим посохом о мраморную ступень, ведущую к его трону.

– Будь ты проклят, нечестивец! Да скорее мой посох расцветет и даст зеленые побеги, чем я отпущу твои грехи! Прочь отсюда, богомерзкий пес! Лучше бы ты замолчал навеки, чем осмелился просить у меня прощения!

Слуги папы бросились к Тангейзеру. Но рыцарь, напрягая все силы, встал сам, опираясь о меч, и низко поклонился папе. В глазах Тангейзера светились великая скорбь и отчаяние. Но сердце папы Урбана не дрогнуло. Он мрачно посмотрел на рыцаря и не остановил его.

Тангейзер, шатаясь, вышел из зала и спустился на площадь. Экхарт Верный бросился к нему, но вдруг остановился, не смея приблизиться.

Лицо Тангейзера казалось безжизненным, он был бледен как мертвец. Губы плотно сжаты.

Экхарт Верный подвел к нему коня и спросил.

– Куда мы поедем теперь, друг мой?

Но Тангейзер ничего не ответил, не разжал губ. Экхарт

Верный понял, что его друг принял обет молчания.

Тангейзер положил руку на крест, вышитый у него на груди. Сомнений не было: рыцарь решил вернуться в Иерусалим.

Путь был нелегким. Буря настигла их, едва корабль вышел в открытое море. Был воскресный день, рыцари молились, уже не надеясь на спасение.

Вдруг ветер стих. Его последние порывы разогнали низкие, темные тучи, теплые лучи солнца позолотили утихшие волны.

– Господь Бог смилостивился над нами! – воскликнул один из рыцарей. – Значит, ему угоден наш путь к святым местам.

В это время в далеком Риме папа Урбан IV сидел на своем троне. Внезапно он вздрогнул. Ему почудилось, что посох в его руке шевельнулся, как живой. Он посмотрел на него и увидел, что из посоха тянулись вверх свежие и нежные живые побеги. Посох на глазах покрывался цветами!

Потрясенный, папа смотрел и не верил своим глазам. Он вспомнил, какие слова в гневе сказал Тангейзеру, как безжалостно прогнал его. И папу Урбана охватило раскаяние.

«Я согрешил, – с горечью подумал он. – Теперь я вижу: Господь Бог милосердней и справедливей, чем я».

Папа немедленно послал гонцов в Баварию, в Германию, по всем городам Италии со строгим наказом во что бы то ни стало отыскать рыцаря Тангейзера и сообщить ему о том, что посох расцвел.

Но только год спустя пилигримы, пришедшие в святой город, смогли поведать о Божественном знамении, случившемся в Риме.

– Чудо! Великое чудо! Посох папы выпустил ростки, – рассказывали они.

Лицо Тангейзера просветлело, глаза его вспыхнули былым блеском. Но он не сказал ни слова.

Недаром его прозвали «рыцарь Молчание». Одно это имя наводило смертельный ужас на сарацин.

На своем белом Альтаре, не ведая страха, рыцарь Молчание врубался в ряды врагов, сверкал его меч, и полчища сарацин, охваченных смертельным страхом, разбегались, предчувствуя гибель. И всегда рядом с ним, не отставая, сражался его друг, Экхарт Верный.

Прошло время. Имя Тангейзера было забыто. Но все знали: рыцарь Молчание не ведает поражений.

И сарацины уже больше не смели подступать к стенам Иерусалима, пока рыцарь Молчание во главе войска охраняет святой Гроб Господний.

Рыцарь мечты

Мягкие весенние сумерки окутали высокие башни замка Блайи.

С озера потянулись длинные ленты тумана. В саду, среди темной зелени, слабо светились белые розы и лилии.

Хозяин замка, принц Джауфре Рюдель, стоял у окна. Снизу, из сада, поднимался густой аромат ночных цветов. Дрожащие звезды казались серебряным песком, рассыпанным по небосклону.

– Жаль зажигать свечи, – промолвил принц Джауфре, вглядываясь в сумеречную глубину сада. – Исчезнет вся эта красота… И все же пора. Эй, зажгите свечи, внесите факелы!

Слуги засуетились. Яркий свет озарил богато убранный зал, сверкнул на мраморе колонн, на драгоценной утвари. Гости, сидящие за столом, еще молчали, зачарованные тишиной наступающей ночи.

Здесь собрались знаменитые трубадуры – певцы и поэты. Одни были одеты в атлас и бархат, у многих на груди сверкали золотые цепи с древним гербом их рода. Другие больше походили на нищих бродяг: суровые обветренные лица, видавшие непогоду плащи. Но слава каждого из них, как птица, не зная границ,

перелетала из страны в страну.

– Клянусь, весна всего прекрасней в нашем Провансе! – воскликнул рыцарь Бертран Аламенон и звонко стукнул кубком по столу. – В замке Блайи она упоительно-хороша! Здесь сплелись воедино весна и поэзия, а значит, и любовь – владычица песен.

Послышались одобрительные возгласы. Паж поспешил наполнить кубок вином.

– Мои дорогие гости! – промолвил принц Джауфре. – Я собрал нынче на пиршество тех, кто всего ближе моему сердцу. Но тише, тише! Запел самый малый и самый великий трубадур – соловей. Как лелеет он каждый звук, как сплетает их в кружево!

Все примолкли. Только журчал ручей среди роз, а невидимый в темноте соловей рассыпа́л переливчатые трели.

Джауфре Рюдель заговорил снова:

– Знайте, друзья мои, завтра я отправляюсь в Крестовый поход. Со мной едут доблестный Маркабрюн и мой друг и соратник, рыцарь Бертран Аламенон. Наш пир прощальный. На одежды уже нашиты нагрудные кресты. Но здесь, за накрытыми столами, пусть звучат песни и беседы о весне и любви. Пускай звенят кубки, пенится вино.

– Для начала дозволь спросить тебя, принц, – сказал Маркабрюн, – избрал ли ты владычицу сердца – Прекрасную Даму, чтобы посвятить ей свои победы и заслужить благосклонную улыбку? Ты долго медлил…

– Я всегда хотел, чтобы в моей избраннице красота и высокие чувства слились воедино. В ранней юности меня постигли горькие разочарования. Я готов, говорил я себе, полюбить красавицу любой страны, белую, как лилия, или черноокую смуглянку. Лишь бы она была моей воплощенной мечтой. Долго искал я и наконец нашел ее – Прекрасную Даму, радость и любовь моего сердца.

– Кто же она? – хором вскричали гости.

– Прекрасная Мелисанда, принцесса дальнего Триполи.

– Так ты побывал в Триполи, за морем?

– Нет, я никогда не видел чудесной девы, никогда. Она – моя принцесса Мечта, моя принцесса Грёза. Все обольщения мира меркнут перед ней. Мечта не изменит, не поблекнет, но вечно будет моей путеводной звездой. Я даже не ищу встречи с принцессой Мелисандой. Но образ ее всегда передо мной.

– Нет, такая прихоть поэта не по мне! – усмехнулся Маркабрюн. – Я должен усладить свой взор красотой, тогда, быть может, полюблю. Но не с чужих слов.

– А я так славлю любовь-молнию, с первого взгляда! – воскликнул Бертран.

– Верно, верно, дяденька, – поддакнул шут, брякнув бубенцами. – Взглянешь еще разок – ан кривобока!

Все засмеялись. Вечерело. Джауфре Рюдель запел тихо-тихо, словно про себя:

Там за морем, в стране Востока,
Как солнце, светит красота.
Далекую не видит око,
Но лишь о ней поют уста.

Я изнемог в тоске жестокой,
Принцесса – дальняя мечта,
И розы леденят жестоко,
И день постыл, и ночь пуста.

– Не продолжаю… Эта песня слишком грустна для дружеского пира.

Тут встал один бродячий трубадур в изношенной рясе пилигрима[40].

– Дозвольте вам поведать, я посетил святые места[41] и много бродил по приморскому побережью во владениях крестоносцев. И в Антиохии побывал, и в Эдессе. Не миновал и Триполи. Видел не раз принцессу Мелисанду. Она царит там совсем юная, но разумная не по лета́м. Сердечна, добра, привечает странников. Щедрость принцессы беспримерна… Пел я для нее о дальней любви принца Джауфре Рюделя, о его заветной мечте, она же, внимая песням, перебирала струны лютни. И повелела записать стихи принца золочеными буквами.

– Неужели?! – просиял от радости Джауфре Рюдель.

– О, принцесса так чутко воспринимает песню и музыку! И речь ее, словно музыка, ласкает слух.

– Но какова она собой? – нетерпеливо воскликнул один из трубадуров.

– Поведай о ее красоте, как умеешь, – потребовали гости.

– Золотые кудри облаком вьются вокруг ее дивного лица, лазоревые очи сияют, как весеннее небо, а уста – пурпурные розы. Я не встречал девы прекрасней.

– Она – венец красоты, – возгласил другой странствующий певец.

– Погорели все ваши избранницы, дорогие гости! – захихикал шут. – Да мне-то что? Моя милашка так и останется милашкой. – И он опять зазвенел колокольчиками.

Красавица Клотильда посмотрела на принца и насмешливо улыбнулась.

– Чудесная сказка, не спорю. Но ведь это только сказка, мой принц! Не слаще ли тайное пожатие маленькой ручки и клятвы в вечной верности, скрепленные поцелуем на рассвете?

– О моя прелесть! – воскликнул Бертран Аламенон и рассмеялся. – Не эти ли самые слова ты говорила мне два года назад, когда я отправлялся в первый Крестовый поход?

Клотильда вспыхнула и обиженно отвернулась.

– Я подарил тебе тогда кольцо с бесценным алмазом. – Бертран, улыбаясь, взял Клотильду за руку. – Но что это? Я вижу еще одно кольцо – с великолепным изумрудом. Откуда оно?

– Вы не очень-то любезны, рыцарь! – нахмурилась Клотильда, вырывая руку.

– Разве ты не знал, дядюшка, что колечки размножаются, как кролики, на нежных ручках красавиц? – захихикал шут, бренча колокольчиками.

Он запел, кривляясь и нарочно путая мотив:

Любовь прелестницы подчас,
Слова любви, ее улыбка,
Мерцание чудесных глаз
Порой обманывают нас
И ускользают, словно рыбка…

– Замолчи, шут, довольно! – прервал его Бертран Аламенон.

Долго еще пели и спорили трубадуры о любви. Каждый требовал первенства для своей Прекрасной Дамы.

Наконец все в замке стихло, но ненадолго. Занялась заря, и громко запели трубы. На дороге строились ряды крестоносцев. Развевались знамена с гербами, сверкали доспехи. Во главе каждого отряда – знатные рыцари. Впереди всех – принц Джауфре Рюдель, за ним его верный друг, Бертран Аламенон.

– В путь, друзья мои, соратники! – воззвал к воинам Джауфре Рюдель, привстав на стременах. – Настало время нам, воинам

Прованса, показать нашу доблесть во имя благой цели. Первый крестовый поход принес много побед и славы, да будет столь же счастлив наш ратный труд. Вперед, и только вперед!

И шествие торжественно тронулось.

В толпе провожающих зарыдали женщины. Даже егоза шут размазывал слезы по щекам, громко всхлипывая. Но все заглушил хор добрых пожеланий.

В последний раз оглянулся принц Джауфре на зубчатые стены родного замка. И в тот же миг, как легкое дуновение, пронеслась перед ним его мечта, его дальняя любовь.

Воины скрылись из виду. И медленно, словно нехотя, затворились ворота.

Долог был путь. Истомленные, запыленные крестоносцы ехали рядами. Армия далеко растянулась по дороге. Вскоре дорога превратилась в еле заметную тропинку. Дальше еще трудней: путь преградили обломки упавшей скалы.

Спешились воины, взяли под уздцы усталых коней, осторожно повели их вверх между разбросанными камнями, все выше и выше. Кажется, гора упирается в небо.

Но вот – о радость! – впереди поляна, покрытая шелковистой травой, и ее пересекает прозрачный ручей. Лучше не найти места для привала!

Заслуженный отдых в пути. Лошади щиплют свежую траву.

Скоро затрещали костры, заманчиво запахло поджаренным на огне кабаньим мясом.

– Но все же идти нам вверх, – сказал Джауфре Рюдель. – Где-то должен быть перевал через эту гору. Поищу его.

Принц Джауфре свистнул своего коня и, миновав каменистые обломки, спустился к бурливой реке, зажатой между голыми скалами.

На другом берегу реки возвышалась неприступная гора, вся увитая сырыми туманами.

Сам не зная почему, словно впав в забытье, неотрывно смотрел принц Джауфре на скалистую гору.

Вдруг начали таять летучие туманы, и на вершине горы открылся чудесный замок, весь из розового мрамора. Двенадцать сияющих башен поднимались ввысь. Веяли в воздухе шелковые стяги, и на каждом выткана золотая чаша.

Послышался цокот копыт, скрип колес. Переваливаясь на неровной дороге, ехала телега, полная глиняной посуды. Постукивали друг о друга грубо слепленные кувшины. На козлах сидел возчик в низко надвинутой на лицо шапке.

– Скажи мне, добрый человек, – с волнением спросил принц Джауфре, – чей это замок?

– Замок? Какой замок? – грубо ответил возчик и стегнул кнутом свою замученную клячу.

В это время облака опустились в густой лес, покрывший доверху высокую гору. И сверкающий замок открылся во всем своем блеске и великолепии.

– Ну вот этот замок, на том берегу реки, на горе! – нетерпеливо воскликнул принц Джауфре. – Ты что, слепой?

– Я-то не слепой, – проворчал возчик. – А вот ты, рыцарь, сдается мне, видишь то, чего и вовсе нет. Нет там никакого замка. Похоже, ты рехнулся, сошел с ума, хоть и вырядился, как знатный барон…

Но Джауфре Рюдель уже не слушал его. Он не заметил, как телега скрылась в облаке пыли. Потрясенный, забыв обо всем на свете, он не сводил глаз с сияющего замка.

С тихим звоном вдруг изогнулся хрустальный мост над бурными волнами реки.

«Неужели это замок Монсальват? – Волнение стеснило грудь принца. – Неужели я, грешный человек, удостоился чести увидеть его, а может быть, даже мне будет дарована милость войти под его своды! Ведь здесь, говорят, хранится святая чаша Грааль с кровью Господа нашего Иисуса Христа. Самые славные, благородные рыцари охраняют замок Монсальват…»

Принц даже не заметил, как конь проскакал через хрустальный мост.

Ворота распахнулись сами собой. Джауфре Рюдель въехал на широкий двор. Рыцари в голубых мантиях, опушенных

горностаем, взяли коня под уздцы и открыли перед ним высокие узорные двери.

«Похоже, здесь нет слуг, здесь все равны», – подумал принц.

Никогда, ни в одном королевском дворце не видел Джауфре таких высоких покоев, украшенных живыми, движущимися звездами. Наконец его ввели в зал, сверкающий золотом и лазуритом.

На троне, украшенном драгоценными камнями, сидел человек в богатых одеждах, с короной на голове.

Где найти слова, чтобы описать его лицо? Было что-то покоряющее и величественное во всем его облике. Свет потоками лился из его глаз, и казалось, он весь светится.

– Это Парсифаль, король Монсальвата! Хранитель святой чаши Грааль! – послышались голоса.

Но принц Джауфре уже догадался, кто перед ним, и с трепетом преклонил колено перед Парсифалем.

Послышалась дивная, неземная музыка. Четыре рыцаря, медленно ступая, торжественно внесли чашу под белым покрывалом.

Парсифаль приблизился к святой чаше и благоговейно снял с нее покрывало. Ярче солнца засияла лучезарная чаша.

Принц Джауфре подошел к чаше, молитвенно сложил руки и поцеловал ее. Волны небесного света окружили его. В этот миг в его душе не осталось ни одной темной тени.

– Ты чист сердцем, отважен и высок духом, – услышал принц голос короля Парсифаля как бы издалека. – Поэтому тебе была дарована милость лицезреть святую чашу Грааль. Я вижу твою судьбу до последнего часа. Но не дозволено смертному знать свое будущее. Прощай, благородный рыцарь! Вернись к своим воинам. Идите на юго-восток, скоро вы минуете перевал и через несколько дней наконец достигнете моря.

Принц Джауфре не помнил, как он вышел из замка. Сияющая чаша словно ослепила его. Будто сквозь шум волн слышал он, как звенят копыта его коня по хрустальному мосту.

Он оглянулся… И что же? Где прекрасный замок Монсальват? Длинные ленты тумана выплыли из-за леса и, словно густые покрывала, сплошь укрыли вершину горы. Исчез, скрылся чудесный замок.

«Вперед, только вперед!» – вспомнил принц, что написано на его щите. Он вздохнул и, уже не оглядываясь, поскакал к зеленой поляне, где ждали с нетерпением его воины.

Через три дня крестоносцы спустились крутой дорогой к морю. О, как обрадовал их свежий морской ветер!

У принца Джауфре был свой корабль. Опытный кормчий

собрал бывалых моряков и сильных гребцов. Посреди корабля поставили шатер для принца.

Джауфре Рюдель с юным оруженосцем, рыцарь Бертран и еще двадцать воинов вступили на корабль и осенили себя крестным знамением. Теперь осталось ждать сигнала.

– А что там плавает, возле берега? – спросил один из воинов. – Всех цветов радуги, просто залюбуешься. Я схватил было одну диковину, а она меня как обожжет! Ух ты!

Все моряки покатились со смеху.

– Это медуза, – наставительно сказал кормчий. – У нас в море не все хватай, что увидишь. Эй, эй, слышите, трубят: «Поднять якорь!» За дело! Да поживей, раззявы!

Загремели якорные цепи, ветер надул паруса.

Плавание в Палестину удалось на славу. За все время путешествия только одна буря налетела, но ненадолго. Принц Джауфре стоял на носу корабля и смотрел вдаль.

– Где же святые места? – спросил он кормчего.

– Вот гляди, принц! – Кормчий описал рукой широкую дугу.

– Все приморье покорилось крестоносцам, зато вглубь, подальше – сарацины, противники христианской веры. Так что держи ухо востро! А вот, изволь повернуть голову, милостивый принц, в той стороне большие христианские города: Антиохия, Триполи…

– Триполи! – вздрогнул принц.

– Да, я там по дешевке накупил пряностей: перец, корицу… И еще мускус[42] для аромата.

– Постой, кормчий, что-то блеснуло там впереди! Молния или…

Кормчий прищурился.

– Крест храма на горе. Приближаемся к святым местам. Гавань близко. Эй, право руля!

У причала – шум и сумятица. Торговцы зазывают покупателей, дерутся хмельные гуляки, стража грозными окликами наводит порядок.

Короткий отдых в монастырской гостинице, и принц Джауфре вместе со своими воинами поспешил в Иерусалим поклониться Гробу Господню. Солнце палило так нещадно, что пришлось низко-низко опустить широкие капюшоны.

– А еще недавно, весной, – со вздохом сказал провожатый, – здесь цвели белые лилии. Не равнина – сад благовонный. Теперь-то солнце все выжгло.

По дороге, изнемогая, обливаясь потом, брели пилигримы.

– Достославные рыцари, не покидайте нас! – жалобно взмолились они. – Говорят, там, за пригорком, притаились

бедуины.

– Бедуины-кочевники – страсть божия! – охнул провожатый. – Схватят и продадут в рабство. Сжальтесь над беднягами, рыцари!

– Что же нам, шагом плестись по такой жаре? – сердито проворчал один из всадников.

Принц Джауфре сдвинул брови.

– Воины мои! – крикнул он. – Защитите паломников, а мы с рыцарем Бертраном поскачем вперед и отгоним бедуинов.

И принц Джауфре с Бертраном пустили коней вскачь, наклонив копья остриями вперед. Бедуины словно вынырнули откуда-то и вдруг отпрянули и рассеялись как туман…

И наконец наступило великое мгновение. Воины Прованса зажгли свечи у Гроба Господня. Здесь, в пещере, в каменном гробу, лежало когда-то обвитое пеленами тело распятого Иисуса Христа.

– И на третий день Он воскрес, – нараспев повествовал монах. – Остались только пелены, лежащие во гробе… Ныне крестоносцы освободили святые места. Да сойдет Божье благословение на вас, вновь прибывших защитников Гроба Господня! Да горит благостный огонь в сердце у каждого, кто держит свечу. И пусть никогда не погаснет, озаряя все пути его жизни. Аминь!

Воины пламенно молились, позабыв все земное. Церковный хор показался им ангельским хором.

А всего через три дня получили высочайший приказ: всем новоприбывшим выйти на передний рубеж обороны и грудью встретить врага. Отряд Джауфре Рюделя должен был загородить выход из горных теснин.

Вечерело. Тихо переговаривались между собой рыцари.

– Говорят, сарацины послали против нас цвет своего войска.

– Пусть только сунутся в нашу долину! Усеем землю их круглыми щитами, вот тебе и пышный цвет.

Короток отдых в ночь перед боем. Расседланы кони. Положив головы на седла, чутко дремлют воины.

– О чем ты задумался, друг мой, глядя вдаль? – спросил Бертран у Джауфре Рюделя.

– Не о битве, нет! Всему свой час. Я думаю о моей далекой любви. Увижу ли когда-нибудь прекрасную Мелисанду? Ты знаешь, как я жажду этой встречи. И в то же время страшусь ее. Пусть мечта остается мечтой, недостижимой и вечно прекрасной. Но прислушайся! Ты слышишь этот шум? Мой оруженосец бежит ко мне со шлемом и копьем.

– Враги! Прорвались через обходные тропы! – задыхаясь, крикнул юный Робер.

Сарацины густой тучей двинулись на крестоносцев.

– Вперед, только вперед! – прокричал принц Джауфре и врезался в толпу сарацин.

Он выделялся среди всех своих воинов гордой осанкой, силой и быстротой. Меч его сверкал как молния. Ни один щит не мог выдержать его могучего удара.

Видит принц: окружила толпа сарацин его друга Бертрана Аламенона. Слышны их звериные крики. С трудом отбивается Бертран, прижавшись спиной к скале.

Яростно бросился принц на выручку другу. Свистит в воздухе его меч. Словно просеку в лесу, прорубает он себе путь сквозь ряды сарацин. Вот он уже около Бертрана. Вдвоем их не так-то легко одолеть. Отступают сарацины, унося убитых и раненых.

Принц Джауфре один на один сошелся с прославленным воином султана. Могуч сарацин и опытен в бою. Удар, еще удар… Утомлен долгой битвой принц Джауфре. О горе! Ранен принц, и, обессиленный, упал он лицом на гриву своего коня. Темно-красной стала белоснежная грива коня от хлынувшей крови. Но Бертран и другие рыцари подоспели на помощь.

Принца унесли. А Бертран продолжал поединок в таком гневе и отчаянии, что меч его, казалось, мог бы рассечь каменную скалу. Сарацин тяжело рухнул на землю.

В ближайшем монастыре ученый монах Бонифаций осмотрел и бережно перевязал рану принца, приготовил целебный напиток.

– Что скажешь, святой отец? – с тревогой спросил Бертран.

– Скажу, рана глубока, но надеюсь, не смертельна, сын мой! Подумай… Здесь вокруг наших стен шумит воинский лагерь. Не ровен час, прорвутся враги… Принцу паче[43] всего нужен покой. Отнести бы его на носилках к морю. Там дышится легче.

– У принца свой собственный корабль стоит на причале. Но

ты не покинешь его, отец Бонифаций?

– Оставить страдальца без помощи? Никогда!

И вот приготовили носилки, над ними – навес от палящего солнца. Оруженосец Робер, глотая слезы, машет опахалом над головой своего бессильно распростертого господина. Бертран и двадцать провансальских воинов следуют за принцем Джауфре.

Как печален обратный путь к кораблю! Стараются скрыть свою скорбь моряки и воины при виде бледного, израненного принца. А он приветствовал их только еле заметным взмахом руки.

На корабле спешно постелили мягкое ложе. Бертран сообщил принцу:

– Отец Бонифаций, мудрый целитель, советует нам отвезти тебя домой, принц, в замок Блайи, для полного исцеления. Прованс, родной Прованс, быстро поднимет тебя с ложа болезни.

– Я согласен отплыть на корабле, друг мой, но не к родным берегам. В Триполи, только в Триполи… Видишь, я с каждым часом слабею. Подержи мою руку – она горит, как в огне.

– Неужели принц заболел лихорадкой?! – испуганно воскликнул Бертран.

– Это рана. Клинок был отравлен. – Монах поник головой.

– Теперь ты понял? – прошептал Джауфре. – Жизнь во мне гаснет. Мне суждено умереть. Но теперь, когда смерть близка, я хотел бы хоть на миг увидеть мою далекую любовь, мою мечту – принцессу Мелисанду. Не откажи мне в последнем утешении.

И корабль поплыл в Триполи.

На море – полное безветрие. Обливаясь потом, из последних сил налегают на весла гребцы. Неподвижно повис белый парус.

Наступила тихая ночь. Звезды на небе такие крупные, что кажется, они, как птицы, готовы опуститься на мачту.

Вдруг после полуночи, освещенный бледной луной, мелькнул темный парус. Послышались хриплые гортанные голоса:

– Эй, молодцы! Торговый корабль! На абордаж, готовьте крючья!

– Морские разбойники! – воскликнул кормчий. – Думают, что у нас на корабле золото и дорогие товары.

– Мы достойно их встретим! – схватились за мечи провансальцы.

– Постойте! Бой на корабле будет тягостен для больного принца. Скорее, братцы моряки, несите горящие стрелы! У меня они всегда в запасе. Воины, берите луки, натягивайте тетиву, а мы, моряки, будем поджигать стрелы. К каждой привязана просмоленная пакля. Быстро, быстро цельтесь в разбойничий корабль! А вы, гребцы, глядите в оба! Может случиться, пучок

пакли со стрелы отлетит и на наш борт, подпалит парус.

– Я первый! – рванулся вперед юный Робер. – Я меткий стрелок. Вот смотрите: моя стрела мчится словно молния!

Одна за другой летят горящие стрелы, рассыпая вокруг огненные искры. На разбойничьем корабле смятение. Гасят, затаптывают огонь. Забыли о крючьях и абордаже. Но где-то проворонили: вот один язычок пламени, вот другой…

– Занялось! – закричал неугомонный Робер. – Давайте изрубим разбойников на куски!

– Плывем дальше, – решил кормчий. – Подул попутный ветер… А разбойников оставим на память морю, огню и акулам.

Все воспрянули духом. Ветер свежим дыханием наполнил парус. А Робер уже складывает песню про полет «горящих стрел».

Вскоре кормчий порадовал принца доброй вестью:

– Похоже, утром мы прибудем в Триполи.

А Бертран тихо перебирает струны и поет песню принца Джауфре. Над волнами летит напев:

Там за морем, в стране Востока,
Как солнце, светит красота…

Внезапно позади кормы, во мраке безлунной ночи, прозвучал голос:

Далекую не видит око,
Но лишь о ней поют уста…

– Кто ты, невидимый? – позвал Бертран. – На каком корабле следуешь за нами? Поёшь на нашем языке, но слышу – ты чужеземец. Почему плывешь за нами в глубокой темноте?

– Я тоже поэт и певец, – послышалось в ответ. – Знай же, я – араб из Андалусии, страны в испанских землях. Но не раз бывал я в Провансе и знаю наизусть все песни Джауфре Рюделя.

Я изнемог в тоске жестокой,
Принцесса – дальняя мечта…

– Андалусия, – отозвался Бертран, – родина прекрасных поэтов… Оттуда, говорят, долетела к нам звучная рифма, и стихи сплелись в мелодию, как музыка. Да будет тебе ведомо, мы везем на нашем корабле великого поэта Джауфре Рюделя. Он страдает от мучительной раны и хочет повидать в Триполи свою далекую

любовь, принцессу Мелисанду. Но ты скажи, не угрожает ли нам, христианам, твой корабль?

– Будет проклят тот, кто помешает любящему увидеть свою любимую! Разве может поэт угрожать другому поэту, да еще сраженному недугом? Пусть далекая мечта будет благосклонна к своему певцу. Пусть звездные очи любимой исцелят принца Джауфре. Я же плыву как мирный посол в Багдад. Но морской ветер донес до меня чудесное пение трубадура, и я приблизился к вам, чтобы послушать. Плывите со спокойным сердцем. Я не враг вам, а защитник.

Голос стал отдаляться и затих во мраке.

– О, как быстро перелетают из края в край песни принца! Они полюбились французам, немцам… и даже арабам за высокой цепью гор.

Утешенный этой мыслью, Бертран припал головой к ногам принца и прошептал:

– Ты не умрешь, принц Джауфре, нет, нет! Ты долго будешь жить в своих дивных песнях.

А кормчий распекал дозорного:

– Ты чужой корабль к нашему борту подпустил! Где твое морское чутье, острый глаз? Овец тебе пасти, и то волка проглядишь!

С рассветом показалось побережье, хорошо знакомое кормчему.

– Триполи! – зычно возгласил он. – Близится конец нашего плавания.

Принц вздрогнул и очнулся от тяжкого забытья.

– Триполи? Уже сияет утренняя заря. Поспеши к принцессе, Бертран, умоли ее посетить меня. Если я увижу свою далекую любовь, о чем еще сожалеть мне?

– Я паду к ее ногам с самыми горячими мольбами, принц. Все твои прекраснейшие слова любви буду повторять ей снова и снова.

Бертран надел праздничные одежды, накинул на плечи плащ. Огнем горит позолоченный шлем с радужными перьями.

Бросили якорь, опущен парус. Бертран одним прыжком перебрался на берег. Воины подвели к нему чистокровного жеребца. Бертран пустил его вскачь. Скорее, скорее!..

Дворец принцессы, великолепный, изукрашенный лазуритом, блистает на склоне горы. Подъемный мост опущен, ворота распахнуты.

– Эй, привратник, вот тебе кошель с серебром. Сообщи владычице своей, принцессе Мелисанде, прибыл гонец от принца Джауфре Рюделя. Смиренно я молю ее, не медля, допустить меня

пред свои очи. Дорога́ каждая минута. Принц Джауфре Рюдель ранен.

– Тише, тише, высокочтимый рыцарь, – приложил палец к губам привратник и испуганно оглянулся. – Как бы кто не услышал тебя.

– Так что же?

– Разве не видел ты в гавани большой византийский корабль? Сам император Константин прислал к принцессе Мелисанде свадебного посла. Какая женщина в мире устояла бы? Стольный град Константинополь – ларец чудес, кладезь сокровищ. Император въезжает в него через Золотые врата…

– Постой! – остановил Бертран словоохотливого привратника. – Что ответила принцесса?

– Кто бы мог подумать! Отказала наотрез. И правда, слух идет, что византийский император жесток и коварен… Посол – прах его возьми – не принял отказа. Вломился во дворец моей госпожи. Ведет себя как полноправный хозяин. Живет там без позволения в покоях ее отца, царствие ему небесное. Не пускает никого, кто кажется ему соперником. А слуги не решаются силой прогнать посла. Драгоценная принцесса Мелисанда теперь что птица в клетке. Прости меня Господь, но уж лучше я скажу, будто ты прислан какой-нибудь королевой с письмецом и подарком для моей владычицы. Послушайся, рыцарь, доброго совета. – Привратник еще раз оглянулся и сунул кошель за пазуху. – Только обман откроет тебе двери к принцессе.

– Так унизить честь принца Джауфре! Какой позор! Нет уж, я пойду прямой дорогой, не посрамлю рыцарского меча!

И, оттолкнув привратника, Бертран въехал во двор. Бросил поводья дворцовым слугам и бегом поднялся по ступеням в просторный зал для приема гостей.

Старенький сенешаль, управитель дворца, торопливо вышел к нему навстречу.

– Прошу тебя, доложи принцессе Мелисанде, что принц Джауфре Рюдель…

Вдруг за спиной Бертрана прозвучал надменный окрик:

– Замолкни, наглый гость! Ты не пройдешь к принцессе!

Бертран оглянулся. Перед ним стоял, подбоченясь, византиец в одежде, затканной золотом и опушенной белым горностаем.

– Разве ты хозяин замка? Я приму повеление только от самой принцессы.

– А я говорю тебе, ступай отсюда, пока голова цела! Сдается мне, она непрочно держится на плечах.

Из дверей выбежала прислужница.

– Госпожа моя соизволила пригласить гостя пройти в ее

покои.

Византиец топнул ногой и загородил дорогу.

– Все вы, трубадуры, принцы и бродячие певцы, медного гроша не стоите. Пошел прочь, щенок!

– Я – щенок? Так вот же тебе!

И Бертран закатил византийцу звонкую пощечину.

Услышав шум и крики, в парадный зал вбежали люди из свиты принцессы. Они с трудом скрывали свое торжество, а византийцы кипели от ярости. Стража посла кинулась было на Бертрана.

– Назад! – крикнул византиец. – Ни с места! Этот негодяй нанес мне тягчайшее оскорбление. Я смою его кровью наглеца. Подать мне шлем, кольчугу и меч! Я разрублю тебя надвое, дерзкий мальчишка!

Византиец, скинув мантию, стал поспешно вооружаться. Бертран ждал, опершись на меч.

Все присутствующие отступили. Одни столпились возле двери, ведущей в покои принцессы, и перешептывались с волнением и надеждой. Другие ехидно посмеивались у дверей напротив.

– Надо будет голову его вздеть на кол, – говорили византийцы.

Но вот противники сошлись лицом к лицу посреди зала. Бертран был моложе и, пожалуй, сильнее. Зато враг его владел многими опасными и коварными приемами боя на мечах. Благородный рыцарь никогда не применяет их.

Бойцы обменялись первыми ударами… Внезапно византиец ловкой хитростью отвлек на миг внимание Бертрана и нанес удар по шлему. Но Бертран успел уклониться, меч не рассек шлема, а скользнул по нему.

Все же Бертран был оглушен и пошатнулся. А его противник самодовольно усмехнулся под одобрительные возгласы своей свиты. Это был опасный промах византийца. Бертран заметил, что противник на минуту замешкался, меч рыцаря сверкнул как молния. Византиец рухнул на мраморные плиты пола. Он был убит.

Воины и служители Мелисанды подхватили под руки Бертрана. Он пошатывался и тяжело дышал. Его увлекли в покои принцессы, и все женщины бросились к нему.

Распахнулись высокие двери, вошла принцесса Мелисанда.

– Он забрызган кровью, госпожа.

– Усадите его в кресло. Позовите моего врача, снимите шлем, – приказала принцесса.

Она с участием склонилась к Бертрану. Своим белым шарфом

отерла капли крови с его лица.

Между тем пришел врач.

– Не тревожьтесь, госпожа моя, – успокоил он принцессу. – Рана легкая, живенько перевяжу. Принесите целительный напиток.

Бертран провел рукой по глазам, словно отгоняя туман, поднял взор на принцессу Мелисанду – и ему открылась всепобеждающая совершенная красота, словно дивное видение. О, если б вечно глядеть на нее! Что лучшего может подарить мир!

Жарким пламенем вспыхнуло в сердце Бертрана незваное, непрошеное и неодолимое чувство. Исчезло все, что было до того, и не все ли равно, что будет после?

С трудом Бертран вспомнил, для чего он здесь. Надо позвать принцессу на корабль, путь, слава богу, свободен.

Рыцарь упал к ногам принцессы и восторженно, словно из глубины собственного сердца, стал говорить словами Джауфре Рюделя. Он забыл, что византиец прервал его на полуслове, не дал ему назвать себя. Забыл, что принцесса не знает, кто он, зачем прибыл во дворец. Он только повторял и повторял слова принца Джауфре: – О принцесса Мелисанда, радость и страдание

моей жизни! Моя далекая любовь, мечта моя! В песнях я славил твою красоту, в битвах возглашал твое имя. Тебе одной отдал я свое сердце поэта, тебе посвятил я свой меч и доблесть воина. Я видел тебя лишь порой во власти могучего вдохновения. И ни одна дева не могла затмить твой дивный образ! Ты витала над волнами моря, когда я плыл сюда, надеясь лишь на один миг увидеть тебя, принцесса Мечта! Подари мне хоть один-единственный взор твоих очей…

Бертран замолк, а затем продолжал, уже не замечая, что он забылся, покоренный дивной красотой принцессы, и полились собственные речи:

– Ты передо мной, и огонь безумной неугасимой любви пылает во мне…

Ему казалось, что он и принцесса словно обведены волшебным кругом. Он много раз пел о любви с первого взгляда, но только теперь узнал ее силу, увидев принцессу Мелисанду. Он понял, как сильна может быть эта любовь.

Мелисанда пристально глядела на Бертрана.

– Я много раз слушала песни Джауфре Рюделя о его далекой любви. И в душе моей, в моих мечтаниях возник образ певца. Но как странно! Я слышу слова Джауфре Рюделя, я ищу его в тебе, но сердцем почему-то не узнаю. Песни Джауфре – словно первые лучи рассвета, нежные предвестники солнца. А ты словно пламя, принесенное безумным вихрем. Скажи мне, ты – Джауфре Рюдель?

Бертран вздрогнул и низко склонился перед принцессой.

– Сердце твое угадало. Я не Джауфре Рюдель, а друг его, Бертран Аламенон. Византиец прервал меня, когда я хотел сказать, что принц послал меня как гонца с покорной просьбой.

Мелисанда отшатнулась, побледнела, но сказала с гордым спокойствием:

– Ты спас меня, рыцарь, из тяжелого плена. Я благодарна тебе!

Бертран припал жаркими устами к руке Мелисанды.

– Но где же принц Джауфре? – раздался ее голос, полный благородного величия.

Бертран поднял голову, провел рукой по лбу, с трудом приходя в себя.

– Он на корабле, увы, тяжко раненный. Кончина его недалека. Джауфре Рюдель молит тебя посетить его. Подари ему эту радость, принцесса. Вот что я послан был сказать. Но сам не знаю, что случилось со мной. Я был как в бреду.

Принцесса ничего не ответила и повернулась к своим служанкам:

– Седлать моего коня, скорее, скорее! Пусть дамы и пажи следуют за мной.

Вдруг за окном кто-то крикнул:

– Смотрите-ка! На корабле – черный парус.

– Черный парус?! – в отчаянии воскликнул Бертран. – Значит, принц умер. Джауфре Рюдель умер, пока я, упоенный твоей красотой, говорил о страстной любви. Я, сам того не желая, присвоил себе слова принца. Но, значит, я промедлил, я предал Джауфре Рюделя. Мой лучший друг Джауфре вверил мне свою далекую любовь, а я, о боже, а я… Мне остается только упасть грудью на острие меча. Но как это случилось? Ты, чародейка, колдунья, заворожила меня, одурманила! Пусть будет проклят тот миг, когда я увидел тебя!

Бертран упал ничком, он бился головой о пол и неистово рыдал.

Принцесса Мелисанда стала белее снега.

– Узнай, что случилось? Отчего поднят черный парус? – приказала она пажу.

Паж убежал. Мелисанда стояла неподвижно, как статуя. Сострадание и гнев боролись в ней.

Паж быстро вернулся:

– Черный парус поднят на византийском корабле, госпожа. Туда унесли тело убитого посла, чтобы отвезти в Византию.

Бертран вскочил на ноги, отер глаза.

– Так, значит, Джауфре Рюдель жив! О, хвала Небесам! Еще ничего не потеряно. Прости меня, принцесса, прости, я обезумел от горя…

– Прощаю, рыцарь.

Но принцесса не бросила на него ни единого взгляда.

– Ты едешь к принцу? Явись его очам хоть на мгновение. Если не найдешь слов, я помогу тебе.

– Нет, рыцарь, я скажу сама, что подскажет мне сердце. А вы, служанки мои, подайте мне диадему, усыпанную алмазами, мантию, наденьте на меня побыстрее украшения. Возьмите с собой корзины цветов, чтобы рассыпать на корабле.

– Но, принцесса, поняла ли ты, что едешь к умирающему?

– Я еду к тому, чья любовь крепка, как скала, и не мечется между славословием и проклятиями. Я еду к тому, кто издалека любил и воспевал меня и кто сам понемногу стал моей далекой мечтой. – Голос Мелисанды зазвенел. – Я еду к своему любимому. Образ Джауфре Рюделя я создала в своем сердце, слушая его песни.

На корабле царило уныние. Вдруг поднялся шум. На причал перебросили сходни. Бертран подошел к принцессе Мелисанде.

– Запрещаю тебе, рыцарь, следовать за мной на корабль! – строго приказала Мелисанда.

Прислужницы осыпали корабль цветами. Принцесса Мелисанда вступила на него.

– Еще не хватало, чтобы принцесса была отвратна собой, – пробормотал старый кормчий. – Вот она! О, слава те господи, не зря, значит, мы мучились!

Раздались возгласы восторга.

Подняли полы шатра, и отец Бонифаций подвел принцессу Мелисанду к Джауфре Рюделю.

– Он очень слаб, – шепнул монах. – Остались считаные часы.

– Но принц видит и слышит?

– Да, он в сознании, хотя иногда забывается.

Принцесса Мелисанда склонилась к Джауфре Рюделю.

– Твоя далекая любовь здесь, с тобой, принц Джауфре. Ничто нас больше не разлучит. Любовь твоя не безответна, я люблю тебя вечной несокрушимой любовью!

Джауфре Рюдель поднял ресницы.

– Моя мечта… – прошептал он. – И еще прекрасней… Какое блаженство!

А она целовала его в лоб, очи и уста, и, припав к нему, шептала нежные слова, и находила всё новые и новые, словно все поэты мира помогали ей.

– Любишь ли ты меня?

– Как солнце любит день, а звезды – темную ночь!

– Возьмешь ли меня в супруги?

– О, верх счастья! Но я умираю, принцесса Мечта.

– Ты не умрешь: я вдохну в тебя силу жизни. Ты слышал, отец Бонифаций? Обвенчай нас немедля, ради Господа Бога!

Монах стоял в смущении. Но, подумав, торжественно возгласил:

– На колени!

Монах начал венчальный обряд. По загрубелым лицам моряков и воинов текли слезы умиления. Наконец он благословил супругов.

Принцесса Мелисанда припала головой к подушке принца. Сладчайшими словами она утоляла его боль. Напевала ему песни, словно убаюкивала его.

Принц в последний раз взглянул на Мелисанду. Сколько неизъяснимой нежности, сколько успокоения было в его взоре! Но вот его рука, сжимавшая руку принцессы, разжалась. Джауфре Рюдель умер.

Мелисанда наклонилась к нему, поцеловала и что-то тихо прошептала, будто давая клятву.

Она сняла с себя диадему, все украшения и раздала их воинам и морякам. Кому не хватило, тот получил кошель с золотом и серебром.

– Святой отец, – сказала принцесса Мелисанда монаху, – сегодня останки супруга моего отпоют в храме. Потом принца похоронят в нашем семейном склепе. Я же постригусь в монахини.

– Ты твердо решила, дочь моя? – спросил отец Бонифаций. – Еще столь молодая годами…

– Мое решение неколебимо. Нашу любовь я отдаю Небесам.

– Надеюсь и верю, что Небо примет ее.

На причале ждал Бертран.

– Джауфре Рюдель спокойно почил, сегодня его отпевают, – молвила принцесса Мелисанда.

Бертран со стоном закрыл лицо руками.

– Я вечно буду скорбеть о тебе, великий поэт, драгоценный друг мой! Но не проливай столь горькие слезы, принцесса! Вся жизнь перед тобой.

– Ты это говоришь мне, вдове Джауфре Рюделя? – с горьким упреком сказала Мелисанда. – Моя судьба решена – далекий горный монастырь. Только там я обрету утешение.

Бертран словно окаменел. Столько величия было в ее взоре, что рыцарю захотелось встать перед ней на колени.

– Об одном прошу тебя, трубадур, береги его песни, – произнесла принцесса. – Да не будут они забыты и пусть вечно перелетают из страны в страну.

Мелисанда опустила покрывало и пошла вперед. Толпа

сомкнулась за ней.

В одном старинном французском замке висит прекрасная картина. На ней двое влюбленных рука об руку идут по аллее сада лунной ночью. Это принц Джауфре Рюдель и принцесса Мелисанда. Он что-то говорит ей со счастливой улыбкой, а она склонила голову к нему на плечо.

В тех местах ходит молва, что ночью в саду не раз видели люди, как влюбленные гуляют среди цветов и разговаривают. Каждое слово полно нежности, ведь им не удалось наговориться при жизни. А при первом проблеске зари они возвращаются в пустынный зал. Все тихо. И только двое влюбленных смотрят со старинной картины.

Эта легенда радует всех, кто слышит ее.

Свеча от Гроба Господня

Свободный пересказ по мотивам легенд Сельмы Лагерлёф

О чем шепчут волны реки Арно? Шепчут, лепечут… Недаром зовут ее старые люди «Говорящая река». Может быть, рассказывает она об Апеннинских горах, о своем детстве, когда тонкой тихой речкой стекала она по зеленой долине? Кто знает! Только прославилась она своим буйным, беспокойным нравом.

Протекает река Арно через Флоренцию, город, известный своими прекрасными дворцами и соборами. Да вот беда: вдруг выйдет река из берегов, снесет узорные мосты, затопит улицы и окрестные дома.

Немало искусных мастеров прославили Флоренцию. Художники и ювелиры, ткачи и прядильщики, оружейники – да всех и не перечесть!

Жил во Флоренции некто Джакопо дель Уберти, человек искусный и умелый. Недаром говорили, что он лучший ткач в городе. Его покрывала из тонкого льна больше напоминали чудесные картины – так удивительно были на них изображены

цветы и невиданные птицы, причудливые скалы и крылатые звери.

Богатые люди издалека приезжали, чтобы купить узорные ткани знаменитого мастера.

Была у Джакопо любимая дочь Франческа. Слава о ее красоте разлетелась по всей Италии.

– Вот идет Франческа, дочь ткача Джакопо, – говорили соседки, когда Франческа с молитвенником в руках шла к обедне. – Красивей ее не сыщешь во всей Флоренции. Да что Флоренция – во всей Италии! Ресницы у нее такие длинные и золотистые, что на них садятся бабочки, приняв их за диковинные цветы. А уж какая скромница!

Но всего прекрасней были глаза Франчески, кроткие и лучистые. Обладали они удивительным свойством. Если что-то огорчало Франческу и глаза ее наполнялись слезами, то они начинали сиять и блестеть, словно зеркала, и каждый мог увидеть в них свое отражение.

Много знатных юношей часами простаивали под окнами дома ткача Джакопо в надежде хоть на миг увидеть Франческу. Даже сыновья надменных дожей[44] из далеких Венеции и Генуи засылали к Джакопо сватов.

Но Франческа выбрала себе в мужья флорентийца Раньеро ди Раньери – оружейных дел мастера.

И вот что сказал ей старый мудрый Джакопо:

– Моя милая дочь Франческа, я знаю Раньеро ди Раньери. Да, по правде говоря, кто его не знает! Справедливости ради надо признать, что Раньеро поистине смел и отважен, щедр и бескорыстен. Но его смелость легко переходит в жестокость, щедрость – в расточительность. Он хвастлив и надменен, бывает груб и несдержан. Нет, никогда я не дам согласия на этот брак, потому что он принесет тебе лишь горе и страдания!

– Отец, ты хочешь повелевать моим сердцем, но это невозможно, – ответила Франческа кротко, но твердо, как только она одна умела. – Я полюбила Раньеро таким, какой он есть. Он так дорог мне, что если ты не согласишься, я удалюсь в далекий монастырь, потому что никогда не полюблю никого другого.

Слезы набежали на глаза Франчески, и Джакопо увидел в них свое отражение – упрямое суровое лицо и мрачный взгляд.

«Моя девочка, добрая, нежная девочка! – подумал Джакопо. – Не могу же я лишить тебя земного счастья. Кто знает, может быть, рядом с тобой Раньеро изменится, оставит свое буйство, и сердце его смягчится…»

И он дал согласие на их брак.

Все вельможи Флоренции собрались в храм на свадьбу

Франчески и Раньеро. И все сошлись на том, что никогда еще не видели невесты красивей и благородней.

– Ее лицо как будто светится, – тихо переговаривались собравшиеся в храме. – Можно подумать, свеча горит под ее свадебным покрывалом.

А Франческа была счастлива, как никогда. Ей казалось, что она видит перед собой свою любовь.

«Моя любовь подобна сверкающей золотистой ткани, – думала Франческа. – Она так велика, что я могу окутать ею весь Божий мир!»

Франческа вошла в дом Раньеро, и на первых порах ничего не омрачало их жизни.

Но прошло совсем немного времени, и Раньеро показал свой необузданный нрав.

Однажды ему захотелось поупражняться в стрельбе. У Франчески была любимая птичка. Клетка с птичкой висела у входа в сад, над воротами. Раньеро отворил клетку и выпустил птичку на волю. А когда птичка взлетела, он одним метким выстрелом убил ее на лету.

Франческа не могла понять, как Раньеро мог так огорчить ее, ведь он знал, что это ее любимая птица.

Но дальше пошло еще хуже. Что ни день, то новая выходка, вздорная и жестокая.

У Франчески была подруга, которую она любила, как сестру. Лаура была дочерью бедного гончара и часто приходила в их дом в туфельках, измазанных глиной.

Они подружились еще в детстве, и Франческа любила ее за

тихий, скромный нрав и доброту. Лаура иногда приносила в подарок Франческе блюда и кувшины, сделанные ее отцом. Но охваченный гневом Раньеро вдребезги разбивал их, несмотря на жалобные просьбы Франчески.

Подруги часто сидели в комнатах Франчески, болтая о всякой всячине, вспоминая свое детство. А ревнивому Раньеро казалось, что они шепчутся и потихоньку говорят о нем, осуждают его характер и поступки. При каждом удобном случае он обижал Лауру.

Однажды он сказал, грубо смеясь:

– Никто не женится на девушке в глиняных башмаках. Посмотрел бы я на такого простака! Вот уж кому не позавидуешь.

Лаура не сказала ни слова. Она молча вышла из дома и больше никогда не приходила к Франческе.

А буйным проделкам Раньеро не было конца.

Франческа печалилась и гневалась. Ей казалось, что прекрасная золотистая ткань ее любви тускнеет и тает. Раньеро сам отрезает от нее кусок за куском. Прекрасные глаза Франчески наполнялись слезами, и тогда Раньеро видел в них свое отражение. Он видел свое зверское лицо, искаженное злобой, и это бесило его еще больше.

– Нечего сказать, хорошую жену я себе выбрал! – в ярости говорил он. – Что бы я ни сделал, ты за все осуждаешь меня! Доброго слова от тебя не дождешься. А твои глаза словно нарочно дразнят меня!

В мастерской Раньеро работал подмастерье по имени Таддео. Он был тщедушным и слабым, к тому же бедняга сильно хромал. Увидев Франческу, он с первого взгляда полюбил ее беззаветно и безнадежно. Раньеро заметил это и стал изводить его намеками и насмешками. Однажды Таддео не выдержал и, сжав кулаки, бросился на Раньеро. Но куда там! Раньеро только захохотал и одним ударом кулака отшвырнул к порогу хилого Таддео.

Таддео упал на каменный порог и сильно разбил голову. Франческа бросилась к нему и приподняла юношу за плечи руками, обагренными его кровью.

– Ты еще смеешь обнимать этого мальчишку! – ослепленный яростью, крикнул Раньеро. – Это жалкое ничтожество, калеку, который никогда не станет мужчиной!

Самолюбивый юноша не смог перенести такого унижения. Он начал чахнуть от тоски и вскоре умер.

Невозможно передать горе старого Оддо, отца Таддео. Рыдая над телом мертвого сына, он проклял Раньеро.

Франческа тосковала и не могла утешиться. В ее глазах Раньеро увидел свое лицо, перекошенное от ярости.

– Я вижу, ты меня считаешь хуже дикого зверя! – в бешенстве завопил Раньеро. – Я же не хотел смерти мальчишки!

А Франческа почувствовала, что от прозрачной золотой ткани ее любви остался всего лишь маленький кусочек, не больше ладони.

«Я боюсь, что наступит день, когда я так же сильно возненавижу своего мужа, как еще и теперь его люблю…» – сказала себе Франческа.

И, даже не взглянув на Раньеро, она ушла из его дома и вернулась к своему отцу.

Раньеро сделал вид, что это его не очень-то опечалило.

– Я не стану требовать назад женщину, если она не хочет быть моей, – сказал он своим друзьям с деланной беспечностью.

А про себя подумал: «Франческа так любит меня! Вот наступит вечер, не успеют высыпать звезды, как она вернется».

Но Франческа не вернулась ни в тот день, ни на следующий.

Тогда Раньеро решил прославить себя подвигами, чтобы гремящая слава и молва о них заставили Франческу вновь переступить порог его дома.

И правда, вскоре вся Флоренция заговорила о великой отваге и бесстрашии Раньеро. Он изловил двух разбойников. Они прятались в лесах и грабили купцов, когда те везли свои товары во Флоренцию.

Потом Раньеро по следам отыскал огромного медведя, наводившего ужас на всю округу. Медведь драл скот, нападал на одиноких путников. «Медведь-дьявол» – прозвали его поселяне, потому что он был черный как ночь, а глаза его горели багровым огнем. Раньеро один справился с ним. Но медведь порвал его одежду и прокусил руку. Собрав силы, Раньеро взвалил тушу огромного зверя на плечи, принес в город и бросил ее посреди площади.

Вечером того же дня Раньеро ди Раньери не отправился, как обычно, бражничать с друзьями, а один остался у себя в доме, отпустив всех слуг. Он распахнул двери и с нетерпением ждал: вот-вот послышатся легкие шаги Франчески по каменным плитам двора и раздастся ее ласковый, теплый голос, окликающий его по имени.

Но Франческа не пришла. Она прислала мужу лучшего врача во Флоренции, чтобы он перевязал его раны.

Раньеро в ярости выгнал врача из дома. Напившись допьяна, он ходил по пустым комнатам, в гневе выкрикивая:

– Мне не нужны подачки от жены, которая нарушила обеты, данные ею при венчании! Не верю в ее любовь, не верю в ее доброту! Ее глаза лгут, как и она сама…

Раньеро по-прежнему был груб и надменен. Попав случайно в толпу жалких бедняков, просивших милостыню, он с презрением расталкивал их и брезгливо отряхивал свою одежду из атласа и бархата. Рука, протянутая к нему за подаянием, приводила его в ярость.

Раньеро невмоготу стало жить во Флоренции. Ему казалось, что каждый встречный глядит на него с тайной насмешкой и в глубине души издевается над ним, зная, что его жена ушла из дома.

Раньеро нанялся в солдаты, но скоро был выбран военачальником и заслужил немалую славу своими подвигами. Сам император посвятил его в рыцари, что считалось великой честью.

Уезжая из Флоренции, Раньеро дал обет перед статуей святой Мадонны в соборе Санта-Мария дель Фьоре присылать в дар Пресвятой Деве все самое дорогое и прекрасное, что он завоюет в бою. И правда, у подножия этой статуи постоянно можно было видеть редчайшие драгоценности, всевозможную золотую и серебряную утварь, добытые Раньеро.

В окрестностях Флоренции была глубокая темная пещера. Никто из поселян даже близко не осмеливался подойти к ней.

Говорили, что в глубине ее хранится бесценная жемчужина, сияющая как звезда, без единого изъяна, размером с грецкий орех. Ходили слухи, что стережет ее не то дракон, не то великан. И только Раньеро, обнажив меч, отважился войти в опасную пещеру.

Раньеро добыл заветную жемчужину. Он никогда не рассказывал, что приключилось с ним в пещере. Но густая прядь волос, падавшая ему на лоб, стала белой как снег.

Он положил прекрасную жемчужину у подножия статуи Мадонны, и блеск ее затмевал свет свечей.

И все-таки он не получил ни одной весточки от Франчески. Он знал, что она по-прежнему уединенно живет в доме своего отца, и это сводило его с ума.

Тоска гнала его все дальше и дальше от родного дома.

И вот Раньеро решил вместе с другими рыцарями отправиться в Крестовый поход в Иерусалим[45] для освобождения Гроба Господня.

Когда все крестоносцы собрались на площади перед собором, герцог Готфрид[46] торжественно провозгласил:

– Вы – воинство Христово, и посему на груди вашей или на плече да воссияет алый крест, во имя Господа Всеблагого! Носите этот крест как залог клятвы на верность Ему!

Раньеро стоял в первых рядах и с надеждой вглядывался в

толпу, ожидая увидеть там Франческу. Но ее не было.

И вот крестоносцы отправились в путь. В раскаленных от солнца доспехах, в тяжелых плащах, изнемогая от жары и жажды, крестоносцы пересекли мертвые пустыни, отражая набеги сарацин.

Наконец наступил долгожданный день.

Небо подернулось тонким слоем бледных облаков, и этот матовый свет, словно остановившийся воздух, хоть немного смягчал жгучие лучи солнца.

Истомленные кони с трудом поднялись на вершину горного хребта. Что ждет крестоносцев впереди?

И вдруг всадники невольно придержали коней. То, что открылось их взорам, заставило воинов остановиться.

Перед путниками предстала долина, полная густых теней и покрытая, словно необъятным ковром, зеленеющими лугами. Из темной глубины долины, из самой ее середины, поднималась могучая гора с плоской вершиной. Словно драгоценная корона, ее венчал город, окруженный каменной стеной, сверкающий полумесяцами на башнях и пестрыми кровлями домов.

– Это Иерусалим! Святой город Иерусалим! – Проводник протянул дрожащую от волнения руку.

Всадники спустились по извилистым тропинкам в долину. Потом рядами начали медленно подниматься по крутому склону горы Сион.

Постепенно дороги стали шире. Теперь по обе стороны росли цветущие оливы, покрытые нежными бледными цветами. Казалось, здесь навеки поселились тишина и покой.

И вдруг разом все изменилось. Деревья и скалы будто ощетинились острыми копьями, в воздухе засвистели стрелы.

– Сдвиньте щиты – и вперед! – крикнул герцог Готфрид.

И тотчас рядом с ним вырос рыцарь Раньеро.

Сарацины, вооруженные саблями, распахнули ворота и ринулись вниз по склону. Многие из них держали в руках веревки, стараясь накинуть на крестоносцев петли, связать их по рукам и ногам, а кого и задушить.

Первым вступил в бой Раньеро. Его прославленный меч Альдонис разил направо и налево. Кровь сбегала по доспехам воина. Могучими руками он хватал тела убитых врагов и перекидывал их через крепостные стены прямо в город. Это вызвало небывалый ужас среди сарацин.

Султан Селим со своим войском отступил из города через Северные ворота.

Раньеро первым, рядом с герцогом Готфридом, поднялся в освобожденный Иерусалим.

Монахи из храма Гроба Господня, все, кто мог еще держаться на ногах, толпой поспешили им навстречу. Измученные, истощенные, со слезами на глазах, они обнимали своих освободителей.

Крестоносцы отвалили тяжелые камни, которыми сарацины накрыли колодцы. Они делились с жителями города всем, что было в их дорожных котомках. А скоро вверх по дороге поднялся обоз с запасами хлеба и кувшинами виноградного вина.

Когда крестоносцы убедились, что в городе не осталось ни одного сарацина, они расставили свои шатры. Воины сняли с себя плащи, сшитые из прочной ткани и скрепленные металлическими кольцами. Сняли кольчуги, кое-где рассеченные саблями сарацин, прислонили к столбам мечи и щиты, разулись и надели грубые монашеские власяницы. Каждый взял в руку незажженную свечу, и так, босиком, шепча молитвы, они направились в святой храм Гроба Господня.

– Пусть самый отважный первым зажжет свою свечу от священного пламени, горящего перед Гробом Спасителя! – сказал герцог Готфрид. – Сейчас я назову имя этого доблестного рыцаря. Слушайте все! Это Раньеро ди Раньери!

Не было предела тщеславной радости Раньеро. Много прославленных рыцарей окружало герцога, но он один из всех удостоился столь высокой награды.

Вечером в его шатре началась попойка и буйное веселье. Шатер был весь завален захваченными у сарацин сокровищами, так что шагу нельзя было ступить. Грудами лежали бесценное оружие, украшения, ковры, драгоценные ткани.

Но Раньеро сидел опершись локтем о стол и не сводил глаз с горящей свечи. Только на нее он смотрел, она словно заворожила его.

Слуги суетились вокруг Раньеро, и он осушал кубок за кубком. Рыцарь даже не взглянул на гибких, как змейки, сирийских танцовщиц в прозрачных одеждах, не слушал пение.

В разгар веселья в шатер Раньеро заглянул шут в крикливо-пестрой одежде. Худой и проворный, казалось, он может пролезть в любую щелку. Один его глаз был насмешливо прищурен, а улыбка – полна ехидства. Все знали, как остер на язык этот шут. Он мог подшутить даже над самим герцогом Готфридом.

– Досточтимые рыцари! – Шут поклонился до земли, раскинув в стороны руки. – До звольте ничтожному шуту позабавить вас нехитрой выдумкой, а то и правдивым рассказом.

– Изволь, – снисходительно разрешил Раньеро. – Если только твой рассказ будет не слишком длинным и мы не уснем со скуки.

– Это уж я вам обещаю! – усмехнулся шут и, звякнув

бубенцами, пристроился на перевернутом бочонке, поближе к выходу из шатра.

– Так вот что я хочу вам поведать. Как думаете вы, увенчанные победой рыцари, чем был занят сегодня апостол Петр[47]? Да, да, апостол Петр, там, у себя наверху, возле ворот, ведущих в рай. Да будет вам известно, он был задумчив и невесел. Ангелы в тревоге слетелись к нему, чтобы узнать, отчего апостол Петр так печален и почему нахмурены его брови.

Рыцари отставили недопитые кубки и все, как один, повернулись к шуту, который сидел на бочонке и крутил на пальце свой колпак с бубенцами.

Шут, словно не замечая всеобщего внимания, беззаботно продолжал:

– Апостол Петр махнул рукой – и облака над Иерусалимом

развеялись как дым.

Один из ангелов решил хоть немного утешить огорченного апостола.

«Смотри, – указал ангел куда-то вниз. – Вон видишь тот шатер? Присмотрись получше. Возле одного из рыцарей стоит горящая свеча. Он зажег эту свечу у святого Гроба Господня и теперь не отводит взгляд от пламени. Только взгляни, как он счастлив и горд».

– Ну-ну, шут! – предостерегающе сказал Раньеро. – Не тебе говорить об этом.

– Я не хотел обидеть тебя, дружок. – Шут с невинным видом посмотрел на Раньеро. – Но слушайте дальше, благородные победители Иерусалима! Вы думаете, этот рыцарь счастлив оттого, что Гроб Господень освобожден от неверных? О, если бы так! Нет, он тщеславно радуется своей славе, ведь он признан самым храбрым после герцога Готфрида! Вот отчего он так радостен и горд.

Все гости дружно расхохотались. Раньеро, хотя в нем клокотал гнев, тоже делано рассмеялся.

Шут скатился с бочонка и остановился возле выхода из шатра.

– Посмотрите, благородные рыцари, как бесстрашный Раньеро оберегает пламя своей свечи. Он заслоняет свечу от ветерка и отгоняет ночных бабочек, чтобы пламя не погасло. Попомните мое слово! Когда-нибудь ему откроются двери рая. Да, да, рыцарю Раньеро ди Раньери! Потому что вы еще увидите, как он будет приходить на помощь вдовам и несчастным, ухаживать за больными и утешать сокрушенных сердцем так же ревностно, как он охраняет сейчас святое пламя!

Тут уж все рыцари просто покатились со смеху, ведь все они отлично знали Раньеро, неистового и беспощадного.

Этого Раньеро уже не мог стерпеть. С бешеным рычанием он вскочил с места и бросился на шута. При этом он нечаянно толкнул стол, и свеча упала. В мгновение ока Раньеро подхватил свечу и не дал ей погаснуть. Но пока он снова укреплял ее в подсвечнике, шут, кривляясь и хихикая, выскользнул из шатра. Мгновение – и он скрылся в бархатном мраке южной ночи.

Между тем гости не могли вдоволь насмеяться.

– Ох, Раньеро, утешитель скорбящих! – сказал один из рыцарей, задыхаясь от смеха и вытирая невольные слезы. – Ты уж прости, но на этот раз тебе никак не удастся послать Мадонне во Флоренцию самое дорогое, что ты добыл в бою.

– Это почему? – резко спросил Раньеро.

– А потому, – ответил рыцарь, отхлебнув вино из кубка, – что

самое драгоценное из твоей добычи – пламя этой свечи. Может, еще скажешь, что ты его пошлешь во Флоренцию, а, Раньеро? Ну что ты молчишь, словно онемел?

Снова расхохотались рыцари, а один из них даже свалился со скамьи на груду ковров.

Раньеро побагровел, потом побледнел, но все-таки сдержался. Он подозвал к себе старого оруженосца, убеленного сединами, верного и преданного.

– Собирайся в долгий путь, мой друг Джованни! – сказал Раньеро. – Завтра ты отправишься во Флоренцию с этим священным пламенем.

– Ты, верно, шутишь, господин? – возразил старый оруженосец. – Как это возможно? Свеча погаснет раньше, чем я покину лагерь.

Тут рыцари принялись поддразнивать и подначивать Раньеро.

– Вот ты и нарушил обет, данный Святой Деве!

– Не все бывает, как ты хочешь, Раньеро!

– Ты смахиваешь на малого дитятю и думаешь, что тебе все дозволено!

Тогда Раньеро потерял всякое терпение и воскликнул:

– Клянусь, я сам отвезу это пламя во Флоренцию!

– Господин, – виновато сказал старый оруженосец, – ты – другое дело. Ты можешь взять с собой большую свиту. А меня ты хотел послать одного.

– Я тоже поеду один! – воскликнул Раньеро. И, оглядев примолкнувших изумленных рыцарей, с насмешкой спросил: – Что? Отпала охота смеяться? Вы глядите на меня, как на привидение. А ведь отвезти горящую свечу во Флоренцию – это просто игра для храброго человека.

И вот наконец наступило утро. Все рыцари вышли из шатра, чтобы проводить Раньеро.

Доспехи Раньеро сверкали – так их начистил Джованни. Алый бархатный плащ накинул оруженоцец на плечи господина. Раньеро взял с собой боевой меч в золоченых ножнах, а к седлу привязал две большие связки восковых свечей.

Он медленно проехал между двумя рядами сонных шатров. Туман поднимался из глубокой долины, и пламя свечи горело каким-то странным красноватым светом.

Вот остались позади стены Иерусалима. Дорога пошла вниз. В долине гулял порывистый ветер.

Напрасно пытался Раньеро защитить пламя свечи рукой и краем плаща. Трепетный язычок огня клонился вбок, грозя погаснуть.

Делать нечего. Раньеро пришлось сесть на коня задом

наперед, чтобы своим телом защитить свечу от ветра. Теперь свеча горела ярко и ровно, но Раньеро понял, что его путешествие будет куда труднее, чем он сперва думал.

В полдень, когда солнце немилосердно пекло, на Раньеро напала шайка разбойников. Их было человек двенадцать, плохо вооруженных, верхом на заморенных клячах. Раньеро, конечно, мог бы без труда, обнажив свой прославленный меч Альдонис, расправиться с шайкой этих жалких грабителей. Но во время схватки свеча могла погаснуть. А после громких клятв и разудалой похвальбы как вернулся бы Раньеро в лагерь крестоносцев?

– Возьмите, что пожелаете, – сказал Раньеро разбойникам. – Но горе вам, если вы погасите мою свечу!

Для разбойников это был сущий подарок. Они побаивались опасной схватки с могучим рыцарем.

Начался жадный дележ добычи. Предводитель грабителей надел на себя сверкающие доспехи Раньеро. Одноглазый коротышка схватил алый плащ, но тут же запутался в нем, споткнулся и упал.

Раньеро, спешившись, терпеливо стоял, держа в руке зажженную свечу.

Разбойники дрались из-за денег, делили оружие, даже стащили с ног Раньеро сапоги с золотыми шпорами.

Предводитель шайки, вскочив на великолепного скакуна Раньеро, кинул к его ногам свой драный, изношенный плащ.

– Можешь взять в придачу мою старую кобылу! – с насмешкой крикнул он Раньеро. – Она как раз подойдет для такого важного и знатного рыцаря, как ты!

«Не будь этой свечи, ты бы заговорил у меня по-другому!» – подумал Раньеро.

Но делать нечего. Он накинул на плечи дырявый, пропахший потом плащ и сел на дряхлую клячу. Несчастная тварь еле переставляла ноги, словно они были деревянные.

Под вечер Раньеро начали попадаться навстречу паломники, спешившие в Иерусалим. Но чаще встречались ему небогатые купцы или подозрительного вида бродяги. Толпами спешили они в завоеванный город, в надежде что-нибудь выгодно продать, выменять или попросту украсть.

Увидев оборванца, сидевшего на лошади задом наперед, да еще с зажженной свечой в руке, они окружили его с хохотом и воплями:

– Убогий дурак!

– Сумасшедший! Сумасшедший!

Раньеро не выдержал и, забыв обо всем на свете, соскочил с

коня. Могучими ударами кулаков он вмиг расшвырял и обратил в бегство всех бродяг.

Но вдруг он опомнился и отчаянно вскрикнул:

– Свеча!

С ужасом увидел Раньеро, что свеча скатилась с дороги и погасла.

– Правы были эти люди, что обозвали меня сумасшедшим! – горестно простонал Раньеро.

Но тут он почувствовал запах дыма: от свечи загорелась чахлая колючая трава, выросшая на обочине. Раньеро бросился на землю и дрожащими руками зажег свечу от тлеющего пламени.

«На этот раз удача не оставила меня, – подумал он. – Но что ждет впереди?»

Раньеро почувствовал отчаяние и усталость. Он, никогда не знавший страха, вдруг испугался, глядя на беззащитное, трепетное пламя. Теперь он ехал через раскаленную пустыню. Солнце жгло кожу сквозь дыры плаща, песок скрипел на зубах.

Ему попался навстречу молодой пастух, гнавший перед собой четырех заморенных козлят. Еще недавно у пастуха было большое стадо, но разбойники отняли у него всех коз и оставили только тощих козлят.

Увидев одинокого путника, едущего верхом, пастух с проклятьями набросился на него. Пастух решил, что этот нищий странник – один из грабителей, и стал беспощадно избивать Раньеро своим длинным пастушьим посохом. Раньеро покорно и безропотно сносил тяжелые удары, поворачиваясь к пастуху спиной и плечами. Но вдруг пастух остановился в изумлении с поднятым для удара посохом. Он увидел, что Раньеро и не думает защищаться, а только прикрывает вздрагивающей рукой огонек свечи.

– Ты не простой человек! – прошептал пастух.

Взглянув на запекшиеся губы Раньеро, он догадался, что путник изнемогает от жажды.

Пастух взял его лошадь за повод и подвел к незаметному, потаенному ключу, бьющему из расщелины скалы.

Руки Раньеро были заняты, и потому он опустился на колени, наклонился и начал жадно пить воду, как пьют дикие звери. Рядом с ним, фыркая, пила старая лошадь.

– Похоже, мы подходим друг другу, я и эта кляча…

Когда Раньеро встал и выпрямился, держа свечу перед собой, пастух сложил ладони и низко поклонился ему.

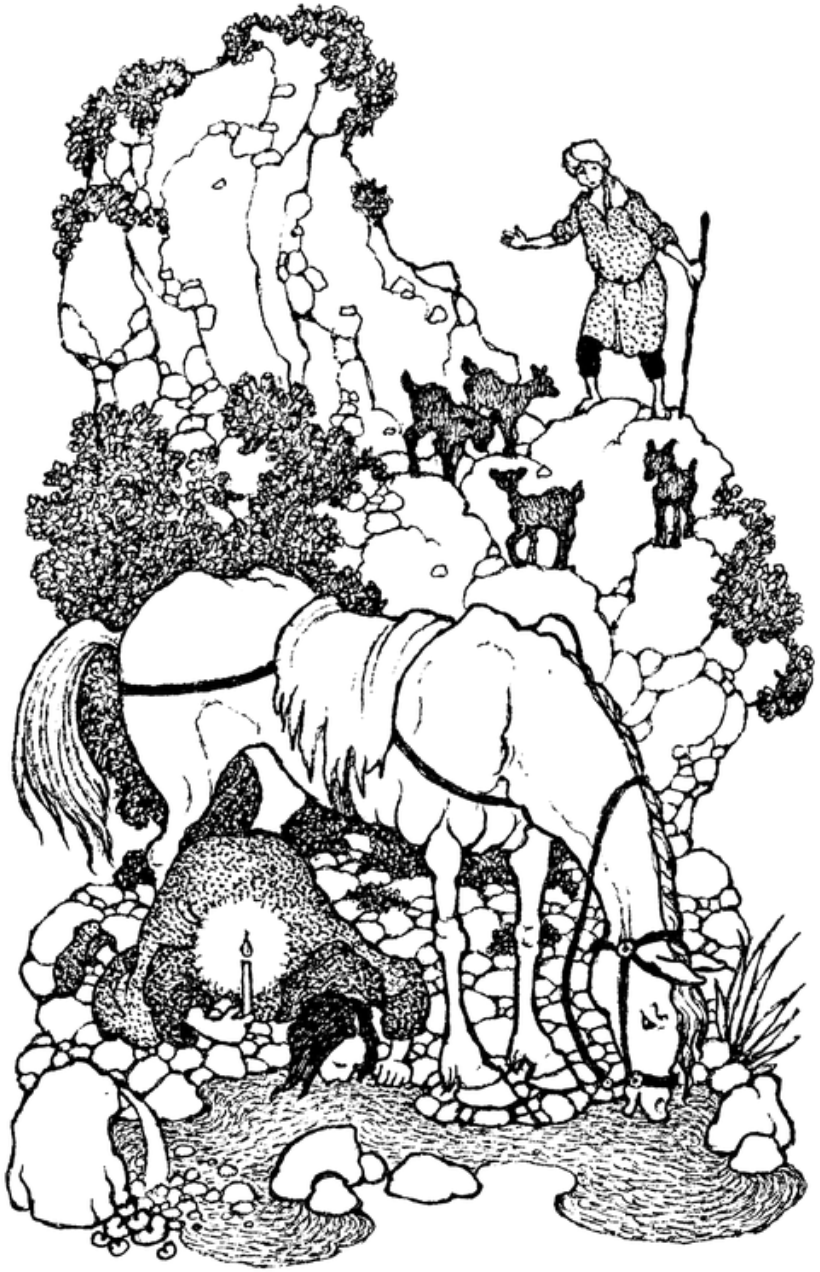
«Верно, он принял меня за странствующего святого», – с горькой улыбкой подумал Раньеро.

Наконец он прибыл в город Рамлу. Все постоялые дворы и

таверны в городе были переполнены. Под навесами и даже просто в тени деревьев спали паломники.

– Ступай сюда, несчастный! – окликнул Раньеро хозяин большого постоялого двора. – Я накормлю тебя, а заодно и твою клячу. А то вы, того гляди, оба свалитесь от голода.

– Но у меня нет денег, чтоб заплатить тебе, добрый человек, – с запинкой, смущенно сказал Раньеро.



– Не думай об этом! – махнул рукой хозяин. – Приютить убогого человека учит нас Господь Бог!

«Похоже, разбойники сделали доброе дело, отняв у меня богатые доспехи и моего арабского скакуна, – с удивлением подумал Раньеро. – Меня принимают за убогого и нищего

сумасшедшего. Может, поэтому все так добры ко мне?»

Пристроившись возле своей лошади на охапке сухой соломы, Раньеро решил бодрствовать до утра. Но не прошло и получаса, как глаза у него сомкнулись и он забылся тяжелым сном.

Было уже светло, когда Раньеро проснулся. Свеча исчезла.

«Конечно, я выронил ее из рук, и она погасла. А может, кто-то, проходя мимо, потушил ее… – подумал Раньеро. – Что ж, может, все и к лучшему. Вот и кончились мои безнадежные странствия. Господь Бог не счел меня достойным…»

Невыносимая тоска вдруг навалилась на Раньеро. Он чувствовал в себе какую-то пустоту, будто потерял то, чем дорожил больше жизни, или у него из груди вынули сердце.

Вдруг открылась дверь, и к нему подошел хозяин таверны с зажженной свечой в руке.

– Ты так крепко уснул вчера, что я взял у тебя свечу, чтоб ты ненароком не спалил дом. Вот она, держи, – сказал хозяин.

Притворяясь равнодушным, Раньеро ответил совершенно спокойно, хотя сердце у него бешено забилось.

– Ты хорошо сделал, что ее погасил.

– Нет, я не гасил ее, – сказал хозяин. – Я видел, как ты бережно хранишь этот огонек. Свеча горела у меня всю ночь.

Раньеро от души поблагодарил доброго человека и отправился дальше.

Он добрался до Яффы, а затем повернул к северу, держась берегов Сирии.

Нередко ему приходилось стоять на распутье дорог с протянутой рукой и просить подаяния.

Попадались жестокосердные люди. Они указывали пальцами на изможденного оборванца, держащего в руке горящую свечу. Рядом с ним, сонно качаясь, стояла дряхлая кляча, и, казалось, ее ребра вот-вот проткнут облезлую шкуру. Но большинство встречных жалели измученного нищего и делились с ним последним куском хлеба. Так Раньеро познал доброту простых людей.

«А ведь я раньше просто не замечал этих бедных неприметных людей, – с удивлением думал он. – Мне казалось, они, как комья грязи, прилипшие к моему дорогому плащу, только мешают в пути. А теперь я знаю: под убогой одеждой часто бьется золотое сердце…»

В конце концов Раньеро добрался до Константинополя. Но как еще недостижимо далека родная Флоренция!

«Если Пресвятая Дева пожелает, я все-таки выполню свой обет», – часто говорил он себе.

Раньеро проезжал по гористой местности Киликии, когда со

страхом заметил, что его запас свечей вот-вот кончится. А он-то надеялся, что их хватит до конца пути.

«Это последняя свеча, – в смятении подумал Раньеро. – Что я буду делать, когда она догорит и погаснет? Кругом пустынно и безлюдно. Значит, вот как бесславно кончатся все мои надежды…»

Вдруг он услышал тихое стройное пение. Оно, казалось, поднималось к самому небу.

Раньеро увидел толпу паломников. Они поднимались на гору, к маленькой часовне, и каждый держал в руке горящую свечу.

«Какое счастье! – подумал Раньеро. – Конечно, эти набожные люди поделятся со мной. И тогда мне хватит свечей до самой Флоренции».

Раньеро бегом спустился с горы навстречу паломникам.

– Прости нас, бедный странник, – сказал старик в белых, ниспадающих до земли одеждах. – Мы бы с радостью помогли тебе, но, увы, это невозможно. Видишь вон ту часовню из белого камня на вершине горы? Рядом с ней – могила святого угодника, покровителя нашего города. Мы идем поклониться его блаженному праху. Каждый из нас в память о нем должен оставить в часовне зажженную свечу. Таков обычай, и никто не вправе нарушить его!

– Дайте мне хоть маленький огарок! – взмолился Раньеро.

Но седобородый старик только с сожалением покачал головой.

К Раньеро подошла сгорбленная старуха с красными слезящимися глазами.

– Вон там вдалеке идет женщина, не смея приблизиться к нам. У нее целая связка восковых свечей. Она предлагает их каждому встречному. Но никто не берет их у нее, потому что эта женщина больна проказой. Тот, кто возьмет у прокаженной свечу, получит вместе с ней и ее болезнь…

Раньеро взглянул, куда показывала старуха, и увидел высокую стройную женщину, с ног до головы закутанную в темный плащ. Лицо и руки у нее были обмотаны тряпками в кровавых и гнойных пятнах. Из-под плаща виднелась большая связка восковых свечей.

Раньеро содрогнулся. Заболеть проказой, сгнить заживо?! Ничего страшнее он не мог себе представить.

И вдруг пламя догорающей свечи лизнуло ему руку. И тотчас пламя священного обета ответно вспыхнуло в его сердце.

«Если Господь посылает мне такое испытание, – подумал Раньеро, – значит, я заслужил его. Да исполнится Его святая воля!»

Паломники уже поднялись на гору, и затихло вдалеке их пение. Раньеро скорыми шагами подошел к прокаженной и взял связку тонких свечей. Он с благоговением поцеловал их. Фитилек еле-еле тлел у него на ладони, но он успел зажечь тонкую свечу.

– Благодарю тебя, несчастная, – сказал он дрогнувшим голосом. – Что бы со мной ни случилось, я буду всегда молиться за тебя. Да облегчит Господь Бог твои страдания…

– Я уже давно хожу по этим дорогам и предлагаю всем путникам взять у меня эти свечи, – тихим голосом сказала женщина. – Мне приснился пророческий сон: если кто-нибудь из встречных возьмет эти свечи, страшная болезнь оставит меня. Но все с ужасом и гневом отшатывались. И только ты один… Откуда у тебя столько душевной силы и смелости?

– Господь Бог помогает убогим и страждущим, – ответил Раньеро. – Я это узнал во время моих странствий…

Женщина ничего не ответила. Она с облегчением вздохнула, словно сбросила с себя непосильную ношу, и, не оглядываясь, пошла прочь.

«Какая у нее легкая и плавная походка! – подумал Раньеро, глядя ей вслед. – Так ходила моя Франческа, моя любимая Франческа. Словно не касаясь земли…»

К ночи Раньеро въехал в незнакомый город, окруженный горами. Дул холодный, пронизывающий ветер, и месяц, повисший над спящим собором на площади, искрился, словно окованный льдом. Когда он проезжал по городским улицам, то не увидел ни одного освещенного окна. Его встречали только тишина и накрепко запертые двери.

Но едва Раньеро выехал на глухую горную тропинку, он услышал легкие торопливые шаги позади себя. Кто-то почти бегом догонял его. Оглянувшись, он увидел женщину в бедных одеждах, скользящую как тень.

В холодном лунном свете сверкал каждый малый камешек на дороге, но лица женщины Раньеро не мог разглядеть, потому что она накинула на голову грубое залатанное покрывало.

– Добрый странник! – с мольбой сказала женщина. Раньеро показалось, что голос у нее совсем юный и красивый, но говорит она слишком торопливо и тихо. – Огонь в моем очаге погас. А мои дети озябли и просят хлеба. В этот поздний час мне негде раздобыть огня. Позволь зажечь лампаду от твоей свечи. Я растоплю печь и испеку детям лепешки.

– Нет, – сурово ответил Раньеро, – напрасно ты будешь просить меня. Этим огнем я зажгу свечу только перед алтарем Пресвятой Девы! – И он резко оттолкнул руку женщины. – Пропусти меня и не докучай мне больше напрасными

просьбами, – с нетерпением добавил Раньеро.

Но женщина ухватила коня за повод и преградила ему путь. Месяц залил ее серебряным светом.

– Дай мне огня, пилигрим! Ведь жизнь моих детей – это тоже Божественное пламя. И я должна его беречь, как ты бережешь свою свечу!

«Что-то необыкновенное есть в этой женщине, – подумал Раньеро. – Худенькая, слабая, но как она тверда и непреклонна…»

Он наклонился с седла, протянул свечу, и женщина зажгла от нее свою лампаду.

Раньеро оглянулся. Женщина быстро шла по пустынной дороге. Огонек ее лампады мерцал и покачивался, словно подвешенный в ночном мраке.

Скоро Раньеро въехал в ущелье. Справа и слева от него поднимались крутые скалы, из расщелин тянулся ночной туман.

Неожиданно по каменным откосам пробежали всполохи огня, послышался цокот копыт по кремнистой дороге. Из-за поворота показались рыцари с факелами.

«Ничего дурного со мной случиться не может, – подумал Раньеро, – ведь до Флоренции осталась всего лишь одна ночь пути».

Пьяные, шумные рыцари ехали, громко переговариваясь и смеясь.

Испуганная блеском факелов, подслеповатая клячонка Раньеро шарахнулась в сторону, мотая головой. Тяжелые холеные кони рыцарей заржали, одна из лошадей вскинулась на дыбы.

– Ах ты жалкая тварь, оборванец! – в ярости крикнул плечистый рыцарь, с трудом удержавшись в седле. Он громко и пьяно икнул. – Ты посмел меня толкнуть, грязный нищий! Ничего, я научу тебя должному почтению. А ну, на колени, бродяга, иначе не сносить тебе головы!

«Когда-то я был таким же, как они, жестоким и безжалостным», – подумал Раньеро.

Он безропотно спешился и встал на колени посреди дороги.

Но и этого показалось мало пьяному гуляке. Он сидел раскорячившись, уперев одну руку в бедро.

Раньеро на миг поднял голову и в свете факела разглядел его лицо. Багровое, с выпученными по-рачьи глазами, оно было омерзительно. Но Раньеро узнал его: это был его самый близкий друг, Джино ди Монари.

«Да, в былые времена мы немало бражничали вместе и вот так же шлялись по дорогам, оскорбляя всякого встречного», – вспомнил Раньеро.

– Теперь извинись перед моей лошадью! – под одобрительный

смех рыцарей приказал Джино ди Монари. – Ты ее напугал своими вонючими лохмотьями. Ну-ка, поцелуй стремя моего коня и скажи: «Благородный скакун, прости меня, я не стою твоего хвоста!» Что медлишь? Я жду!

«А ведь меня посвящал в рыцари сам император, – сказал себе Раньеро. – Но я стерплю все унижения, лишь бы они не погасили мою свечу!»

– Благородный скакун, прости меня, я не стою твоего хвоста, – тихо проговорил он и поцеловал блеснувшее в свете факелов золоченое стремя.

Но смиренная кротость нищего только пуще распалила пьяного рыцаря, и, когда тот встал с колен, Джино ди Монари с маху ударил его кулаком по лицу.

И тут случилось то, чего Раньеро опасался больше всего.

Тощий, высохший, как стручок, Раньеро отлетел на несколько шагов. Свеча выпала у него из руки, и он упал прямо на нее. Раньеро тотчас же вскочил, но пламя свечи погасло.

Видно, рыцарям прискучило издеваться над безответным бродягой, они повернули коней и с хохотом поскакали назад. Исчезли всполохи огня на скалах, стихли наглые грубые голоса.

Раньеро остался один на дороге с погасшей свечой в руках.

«Боже! Я заслужил это своей нечестивой жизнью…» – в отчаянии подумал он.

И в тот же миг вспомнил о женщине в темном покрывале и о лампаде, которую она зажгла. Но как найти ее?

Раньеро бросился со всех ног по пустынной дороге назад, к городу. Он выбежал на площадь. Ни огонька во мраке. А тут еще месяц спрятался за тучей, окружив ее колючими искрами.

Все кончено, все напрасно… Раньеро огляделся. Спал собор, уходя острыми шпилями ввысь. Спали полные темноты колокола. Вдруг в конце площади мелькнул слабый огонек. Золотистое пламя осветило тонкую руку.

«Я, наверное, сошел с ума! Мне это только мерещится…» – подумал Раньеро.

Задыхаясь, из последних сил он пересек площадь.

– Эй! – крикнул он в пустоту, боясь, что плывущий по воздуху огонек исчезнет.

Но тут он увидел женщину, закутанную в залатанное старое покрывало. Она остановилась, поджидая его.

Раньеро трясущимися руками зажег свечу от ее лампады.

– Где ты зажег свою свечу? – тихо спросила женщина. Она положила пальцы на губы, словно хотела изменить свой голос.

– У святого Гроба Господня, – еще задыхаясь, ответил Раньеро.

– Тогда знаешь, как назвать это пламя? – Голос женщины неожиданно зазвенел. – Его имя – кротость и любовь к людям!

Раньеро безнадежно рассмеялся.

– Что-то прежде кротость и любовь к людям не слишком занимали меня…

Он хотел поблагодарить женщину, но она незаметно исчезла в тени собора.

Раньеро искал взглядом огонек лампады. Эта женщина чем-то напомнила ему Франческу дель Уберти.

«Наверное, для Франчески наша любовь была тем же, чем стал для меня этот маленький священный огонек, – неожиданно подумал Раньеро. – Боже мой, эта свеча словно осветила всю мою жизнь, и я заново вижу ее! Теперь я понимаю, почему Франческа ушла из моего дома. Она хотела сохранить свет нашей любви и все время опасалась, что я своей жестокостью погашу его…»

Раньеро проехал каменистой дорогой между крутыми скалами. Свеча еле освещала ему путь. Но едва он выехал на равнину, его ослепил рвущийся к небу столб огня. Горела бедная хижина, крытая соломой.

– Помогите, бога ради, помогите! – услышал он надрывающийся женский голос.

Перед горящей хижиной металась старая женщина в наскоро накинутой одежде. Старуха казалась черной и обугленной – так ослепительно горела деревянная лачуга.

– Мой Паоло! Мой бедный муж… Он сгорит! – женщина в отчаянии ломала руки. – А соседи спят и не слышат…

Она бросилась к Раньеро, но тут же со стоном разочарования отшатнулась от него.

– Ты слаб и бессилен! – простонала она. – Неужели никто не придет мне на помощь?

«Раньше я одной рукой поднял бы старика», – подумал Раньеро.

Он соскочил с лошади, воткнул свою горящую свечу в рыхлую землю и бросился в пылающий дом, не заметив, что при этом вспыхнул и загорелся край его старого плаща.

Раньеро перепрыгнул через ступени и вбежал в распахнутую дверь. Сначала он увидел только языки пламени, взбегающие по стенам. Дым жег глаза. Потом он увидел старика, лежащего на деревянной кровати. Огонь уже охватил сухие доски и тюфяк, набитый соломой.

Напрягая все силы, Раньеро поднял старика и прижал его к груди, как ребенка. Он так ослаб, что ему давался с трудом каждый шаг. Но едва он ступил за порог, чьи-то молодые сильные руки подхватили старика.

Вокруг горящей хижины собралась толпа поселян. Из ведер и кувшинов люди заливали горящие стены.

– Бог вознаградит тебя, добрый странник! – Старая женщина, рыдая, обнимала своего мужа. – Я погасила твою свечу, ведь она зажгла твой плащ.

Раньеро с ужасом увидел погасшую свечу, лежащую на истоптанной земле, среди сгнивших овощей.

«Как же велики мои грехи! – в отчаянии подумал Раньеро. Силы оставляли его, он пошатнулся. – Огонь моей свечи погас, когда я уже вижу вдалеке стены Флоренции!»

– Несчастный! – вскрикнула женщина. – Твоя борода горит! Она зажглась от твоей одежды. Вот беда! Туши ее скорее!..

Но Раньеро как будто не слышал ее слов. Дрожащими руками он поспешно поднял свечу и зажег ее от своей горящей бороды, обжигающей ему лицо.

За время странствий Раньеро сам не заметил, как у него отросла борода, черная, с проседью.

Кто-то из поселян брызнул ему в лицо водой, кто-то облил Раньеро водой из кувшина, погасив его тлеющую одежду. Но он стоял неподвижно, не мигая глядя на свою свечу. Ему казалось, что пламя никогда не горело так ярко и ровно.

Люди расступились перед ним. Он сел на свою клячу и, не слушая слов благодарности, поехал по дороге. Вдалеке, освещенные розовыми утренними лучами, сияли купола соборов Флоренции.

Ранним утром, еще не веря своему счастью, Раньеро въехал в родной город.

Нищий, спавший возле городских ворот, приподнялся на локте и с изумлением уставился на Раньеро. Потом вскочил на ноги и завопил во всю глотку:

– Нет, вы только посмотрите на него! Каков мерзавец! Проклятый вор! Это мое место. Уж который год я собираю тут милостыню. Ишь вырядился! Даже бороду себе подпалил. Думаешь, прохожие сдохнут от жалости, глядя на тебя и твою дохлую клячу? Ждешь, что денежки так и потекут к тебе, мошенник! Прочь отсюда!

Нищий схватил камень и швырнул его вдогонку Раньеро. Камень угодил ему в спину, и Раньеро еле удержался в седле.

Крик нищего подхватили уличные мальчишки. Наконец-то они нашли себе веселую забаву.

– Сумасшедший, сумасшедший! – кричали они.

Как стая обезьянок, принялись они скакать вокруг клячи Раньеро. Один из них подпрыгнул повыше и попробовал погасить свечу. Эта затея пришлась мальчишкам по вкусу. Они

карабкались на плечи друг другу, раздували щеки и изо всех сил дули на свечу.

В это время изо всех дверей начали понемногу выходить люди, направляясь в храм к мессе[48]. Многие тоже нашли эту потеху очень забавной. Женщины принялись махать платками, мужчины кидали свои шапки, стараясь попасть прямо в горящий фитилек.

Раньеро привстал на стременах и поднял руку со свечой как можно выше. Мужчины спорили, кто из них ловчее и кому выпадет удача погасить свечу сумасшедшего дурачка. Раздавались крики:

– Грязный бродяга!

– Он занесет сюда чуму или проказу!

– Гнать его из города!

Рука Раньеро тряслась, пламя качалось, и было ясно: еще немного – и свеча погаснет.

На балкон богатого дома выбежала стройная молодая женщина. Она наклонилась, перегнулась через перила, выхватила из руки Раньеро горящую свечу и скрылась с ней в доме.

Раньеро вскрикнул горестно и дико. Ему показалось, что у него вырвали из груди сердце. Он пошатнулся в седле и без чувств упал на мостовую.

Прохожим уже прискучило дразнить убогого сумасшедшего, и каждый пошел своим путем.

Когда толпа разошлась, из дома вышла Франческа дель Уберти с горящей свечой в руке. Раньеро лежал как мертвый.

– Лаура, Лаура! – позвала Франческа. – Скорее принеси кубок с вином. Может, оно приведет его в чувство.

Из дома торопливо вышла Лаура. На ней было шелковое платье и туфли из дорогой мягкой кожи, такие же, как на Франческе.

Лицо Раньеро казалось вырубленным из серого камня, глаза закрыты.

Франческа приподняла его, и Лаура попробовала напоить несчастного вином. Но ничто не дрогнуло в неподвижном лице Раньеро. Вино пролилось по его стиснутым губам.

В отчаянии Франческа поднесла свечу ближе к Раньеро. Капля горячего воска упала на его бледный лоб. И тут произошло чудо! Ресницы Раньеро затрепетали, и он открыл глаза. Взглядом, полным надежды и сомнения, словно не веря, он неотрывно смотрел на огонь свечи.

Франческа пробовала окликнуть его, но Раньеро будто не слышал. Он, как ребенок, потянулся к свече и со стоном схватил ее. Раньеро даже не посмотрел, кто подал ему свечу, он не

отводил взгляда от дрожащего пламени.

Когда Раньеро с трудом вскарабкался на лошадь, Франческа спросила его:

– Куда ты едешь?

– В собор, – коротко ответил Раньеро, по-прежнему не сводя глаз с трепетного огонька.

Тогда Франческа взяла лошадь за повод и повела ее.

Собор был переполнен народом. Была Страстная суббота[49] накануне святого праздника Пасхи[50]. В знак печали все свечи стояли в храме незажженными.

Франческа вошла в храм и села на скамью среди молящихся женщин.

Только служба закончилась, двери ризницы[51] медленно растворились, и оттуда торжественно вышли настоятели, монахи и священники. Последним шел старый епископ, опираясь на посох. А рядом с ним все увидели Раньеро в том же рваном пропыленном плаще и с зажженной свечой в руке.

И вот епископ заговорил. В храме стояла такая тишина, что каждый мог услышать его негромкий старческий голос.

– Добрые христиане, да возрадуется каждый из вас! Рыцарь Раньеро ди Раньери прибыл из Иерусалима во Флоренцию с огнем от Гроба Господня. Немало тяжких испытаний претерпел рыцарь на своем пути. И вот впервые во Флоренции горит священный огонь. И пусть прославится имя Раньеро ди Раньери, совершившего этот подвиг!

Народ с изумлением слушал слова епископа.

«О боже! – Франческа не сводила глаз с Раньеро. – Я верила и надеялась, и вот это свершилось…»

В это время с одной из скамей поднялся седой старик. Голова его тряслась, и два сына поддерживали его, когда он подошел к епископу. Это был старый Оддо, отец Таддео, юного подмастерья, работавшего когда-то у Раньеро и погибшего по его вине. Старик заговорил громко и грозно:

– Я не верю ни одному слову рыцаря Раньеро. Всем известно: этот человек – истинный безбожник, безжалостный и тщеславный. Кто знает, может, он зажег эту свечу в ближайшем трактире и теперь нагло обманывает нас. Я требую свидетелей, пусть они подтвердят, что этот огонь и вправду зажжен в Иерусалиме!

Раньеро еле слышно ответил:

– Боже милостивый! Откуда мне взять свидетелей? Я странствовал один. Пусть явятся сюда горы и пустыни, чтобы свидетельствовать обо мне!

– Раньеро – честный рыцарь, – сказал епископ. – Мы на слово верим ему!

– Раньеро всегда был шутник, и порой его шутки стоили людям жизни, – сурово сказал старый Оддо. – Я не верю ни одному его слову!

– Не верим! Не верим! Пусть докажет свою правоту! –

подхватили люди, сгрудившиеся вокруг Оддо. Их мрачные взгляды таили угрозу, а кулаки были крепко сжаты. – Мы не верим рыцарю Раньеро!

Тогда из толпы стремительно вышла Франческа дель Уберти.

– Зачем вам свидетели? – сказала она. – Я могу поклясться, что Раньеро говорит правду!

– То-то ты ушла из его дома и жила под кровом своего отца, – презрительно кинул ей Оддо. – Говорят, месяц назад ты тайно ушла из дома отца и, как падшая женщина, бродила невесть где. Никто не знает, где ты пропадала. Твой почтенный отец молчит, когда его спрашивают о тебе. Что сто́ит клятва такой женщины, как ты?

Франческа высоко подняла голову, глядя на старого Оддо. Лицо ее стало белее свежевыпавшего снега. Но она не отвела взгляда и смотрела прямо на Оддо своими чистыми ясными глазами.

Но друзья старого Оддо еще теснее обступили Раньеро. По их суровым, решительным лицам было видно, что еще немного – и они погасят его свечу.

Здесь же в храме находились и друзья Раньеро. Они стояли в молчании, и ни один не выступил в его защиту.

«Нет, Раньеро не под силу совершить столь необыкновенный подвиг, – подумал его друг, Джино ди Монари. – Ему не занимать отваги, но такое и ему не по плечу».

И никто из них не вспомнил убогого, униженного нищего, над которым они вдоволь поиздевались, встретив его на пустой горной дороге.

Раньеро стоял один посреди храма. Он понял: ему не от кого ждать поддержки. Слова Оддо были смертельным ударом. Раз сомнение родилось, оно будет расти и множиться, как снежная лавина, летящая с горной вершины.

Друзья старого Оддо молча и медленно приближались, окружая его тесным опасным кольцом.

«Все кончено», – безнадежно подумал Раньеро.

Вдруг маленькая серая птичка впорхнула в храм через открытое настежь окно, под самым куполом храма. Птичка начала метаться по храму от алтаря к дверям, задевая за стены и колонны. Она опустилась совсем низко. Пролетая над Раньеро, она задела крылом его свечу. Пламя погасло.

– И все же это лучше… – Слезы полились из глаз Раньеро. – Пусть мою свечу погасила птичка, а не люди, которые меня так ненавидят.

Но тут весь храм огласился громкими криками:

– Птичка горит! Свеча зажгла ее крылья!

– Птичка горит!

Маленькая птичка летала по храму, словно живое порхающее пламя. Она сделала круг под высокими сводами собора и вдруг опустилась прямо на алтарь Мадонны. От ее пылающих крылышек загорелась высокая свеча, стоящая на алтаре перед Божьей Матерью.

А горящая птичка вновь полетела по храму. Люди тянулись к ней, но она с жалобным писком ускользала от их протянутых рук. Неожиданно она ударилась о грудь старого Оддо и замерла, прильнув к нему, словно ища у него защиты. Оддо, хлопая по крыльям руками, погасил горящие перья.

– Птичка мертва! – с грустью сказал он.

Но в этот момент птичка легко вспорхнула с его ладони. Певучая трель огласила весь храм. Птичка кругами поднималась все выше и выше, пока не исчезла в туманно-золотистом свете под куполом храма.

А пламя свечи на алтаре Мадонны укрепилось и теперь сияло ярко и высоко.

Тогда епископ поднял свой посох и возгласил:

– Это Божья воля! Малая птица стала свидетелем рыцаря Раньеро!

И все стоявшие в храме повторили за ним:

– Это Божья воля!

Франческа и Раньеро встали на колени перед алтарем. Они долго молились. Мимо них один за другим тихо проходили люди и зажигали свои свечи от священного огня.

Наконец Франческа и Раньеро вернулись в свой дом. С ними пришел Джакопо дель Уберти.

– Моя милая девочка, – сказал Джакопо, целуя Франческу, – я знал, куда ты пошла. Но молчал, потому что верил: твое сердце подскажет тебе истинный путь. И ты не ошиблась…

Вечером Франческа и Раньеро остались одни.

– Посмотри, любимый! – изумилась Франческа. – Помнишь эту птичью клетку у входа в сад, над воротами? Она столько времени была пустой и открытой. А теперь вглядись получше: в ней снова поселилась птичка.

– Быть не может! – воскликнул Раньеро. – Это та самая птичка, залетевшая в храм. Я вижу ее обожженное крылышко. Вот кто нашел себе приют в этой клетке!..

Франческа с нежностью протянула руки к Раньеро, но тот испуганно остановил ее.

– Остерегись, любимая! Не прикасайся ко мне. Может быть, я болен проказой. Я взял связку свечей у прокаженной.

– И ты не догадался, что это была я? – Улыбка Франчески

была полна любви и сострадания. – Я хотела испытать твое мужество. Узнать, что тебе дороже: жизнь или небесное пламя.

– Я думал только о свече, – прошептал Раньеро.

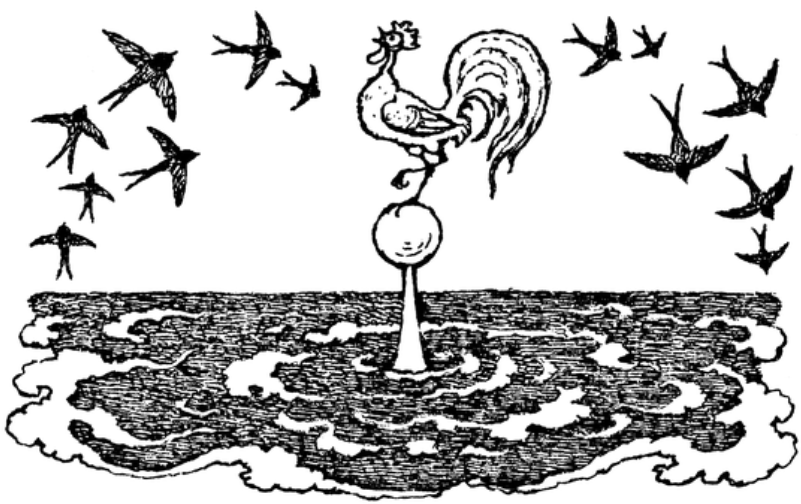
– А помнишь женщину, которой ты позволил зажечь лампаду? – тихо молвила Франческа, припав к его груди. – Это тоже была я. Я хотела испытать твою любовь к людям.

– О боже! – воскликнул Раньеро. – Я был как во сне. Помню только, какая-то женщина нагнулась с балкона и выхватила у меня свечу. Теперь я понимаю: это опять была ты, моя радость, чистая душой Франческа!

Франческа заплакала от счастья. Ее прекрасные глаза наполнились слезами, и Раньеро увидел в них, как в зеркале, свое отражение. Он увидел свое лицо – изможденное и бледное, со следами ожогов, но светлое, как лик мученика.

А перед взором Франчески раскинулась, сверкая, золотистая ткань ее любви. Ей не было ни конца ни края, и ею можно было окутать весь мир.

Тихая теплая ночь опустилась на Флоренцию. Звезды осы́пали крупным серебром глубокое небо. Но, приглушая их блеск, по всем улицам города плыли в темноте мерцающие огоньки свечей. Люди зажгли их в храме от священного огня, который принес рыцарь Раньеро от Гроба Господня.



Комментарии

Винета – затонувший город

Легенда о затонувшем городе Винете известна в Германии, Дании, Голландии и Скандинавских странах. Она основана на событиях, произошедших много веков назад. В период раннего Средневековья Винета была крупным торговым городом славян. Предположительно она располагалась на территории современной Германии, на острове в низовьях реки Одер. Город был разрушен датчанами в 1159 г.

Германский хронист Адам Бременский называл Винету крупнейшим городом на севере Европы. А вот как описывает ее средневековый хронист Гельмольд из Босау: «Река Одра протекает в север среди вендских народов. При устье, где в Варяжское море вливается, был некогда преславный город Виннета, в котором многонародное пристанище грекам и варварам, около жившим. Все европейские города превосходил величеством. В нем жили славяне, смешанные с другими народами, с варварами и с греками. <…> Купечествовал товарами разного рода с разными народами пребогатый город и все имел, что бывает редко и приятно. Разорен от некоторого короля датского. Видны еще только древних развалин остатки».

Прозаики и поэты не раз обращались к теме Винеты. Немецкий поэт Вильгельм Мюллер посвятил ему стихотворение «Затонувший город». Другой немецкий поэт – Генрих Гейне в своем произведении «Путевые картины» описывает этот город таким, каким он якобы самолично увидел его с палубы корабля.

Тема Винеты притягивала к себе и более современных писателей. Например, в повести шведской писательницы Сельмы Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» главный герой, мальчик Нильс, оказывается в Винете, которая поднимается из морских волн только на один час.

Флор и Бланшефлор

История о Флоре и Бланшефлор родилась во Франции. Там в XII в. автор, имя которого не дошло до нас, написал роман «Флуар и Бланшефлор», повествующий о приключениях и взаимной верности двух влюбленных. Эта история была очень любима в Средние века и известна во многих редакциях и

переводах. В одной из версий романа есть даже попытка связать легенду с реальностью: дочерью Флуара и Бланшефлор по воле автора становится Берта Большеногая, мать императора Карла Великого.

Действие легенды происходит в то время, когда часть Испании находилась под властью арабов, которых испанцы называли маврами. Христианская и мусульманская культуры сосуществовали и взаимно влияли друг на друга, несмотря на ожесточенное сопротивление испанцев захватчикам. Примером такого влияния может служить появление группы мосарабов – испанцев-христиан, говорящих на арабском языке.

Мавры привнесли множество новшеств в культуру средневековой Европы. Благодаря им, развивались медицина, техника, математика, астрономия и другие науки. Сильно было влияние арабов и в области искусства. Европейскую поэзию они познакомили с рифмой, изменив тем самым существовавшие ранее принципы стихосложения, а в изобразительном искусстве Испании появился особый стиль резьбы по камню, отличающийся детальностью и утонченностью.

Тема взаимоотношений христиан и мусульман в средневековой Испании привлекала многих писателей. Один из них, французский поэт Шарль Леко́нт де Лиль (1818–1894), посвятил ей свое стихотворение «Дочь эмира» (1862). Оно было переведено на русский язык Иннокентием Анненским.

Умолк в тумане золотистом
Кудрявый сад, и птичьим свистом
Он до зари не зазвучит.
Певуний утомили хоры,
И солнца луч, лаская взоры,
Струею тонкой им журчит.

Уж на лимонные леса
Теплом дохнули небеса.
Невнятный шепот пробегает
Меж белых роз, и на газон
Сквозная тень и мирный сон
С ветвей поникших упадает.

За кисеею сень чертога
Царевну охраняла строго,
Но от завистливых очей
Эмир таить не видел ну́жды
Те звезды ясные очей,

Которым слезы мира чужды.

Айшу-дочь эмир ласкал,
Но в сад душистый выпускал
Лишь в час, когда закат кровавый
Холмов вершины золотит,
А над Кордовой среброглавой
Уж тень вечерняя лежит.

И вот от мирты до жасмина
Однажды ходит дочь Эддина.
Она то розовую ножку
В густых запутает цветах,
То туфлю скинет на дорожку,
И смех сверкает на устах.

Но в чащу розовых кустов
Спустилась ночь… Как шум листов,
Зовет Айшу голос нежный.
Дрожа, назад она глядит:
Пред ней, в одежде белоснежной
И бледный, юноша стоит.

Он статен был, как Гавриил,
Когда пророка возводил
К седьмому небу. Как сиянье,
Клубились светлые власы,
И чисто было обаянье
Его божественной красы.

В восторге дева замирает.
«О гость, чело твое играет,
И глаз лучиста глубина.
Скажи свои мне имена.
Халиф ли ты? И где царишь?
Иль в сонме ангелов паришь?»

И ей с улыбкой – гость высокий:
«Я – царский сын, иду с востока,
Где на соломе свет узрел…
Но миром я теперь владею,
И, если хочешь быть моею,
Я царство дам тебе в удел».

«О, быть с тобою – сон любимый!
Но как без крыльев улетим мы?
Отец сады свои хранит:
Он их стеной обгородил,
Железом стену усадил,
И стража верная не спит».

«Дитя, любовь сильнее стали:
Куда орлы не воз летал и,
Трудом любовь проложит след,
И для нее преграды нет.
Что не любовь – то суета,
То сном рожденная мечта».

И вот во мраке пропадают
Дворцы, и тени сада тают.
Вокруг поля. Они вдвоем.
Но долог путь, тяжел подъем…
И камни в кожу ей впились,
И кровью ноги облились.

«О, видит бог, тебя люблю я,
И боль, и жажду – все стерплю я…
Но далеко ль идти нам, милый?
Боюсь – меня покинут силы».
И вырос дом – черней земли.
Жених ей говорит: «Пришли.

Дитя, перед тобой Ловец
Открытых истине сердец.
И ты – моя! Зачем тревога?
Смотри – для брачного чертога
Рубины крови я сберег
И слёз алмазы для серег;

Твои глаза и сердце снова
Меня увидят, и всегда
Среди сиянья неземного
Мы будем вместе… Там…» – «О да», —
Ему сказала дочь эмира —
И в келье умерла для мира.

Святой Иаков – главный католический святой Испании. Его

мощи хранятся в соборе города Сантья́го-де-Компосте́ла.

По легенде, после мученической кончины апостола его тело положили в лодку и пустили по волнам Средиземного моря. Чудесным образом эта лодка приплыла в Испанию и была выброшена на берег в устье реки Улья, на том месте, где позже был построен город Сантьяго-де-Компостела. Позже, в 813 г., монах-отшельник Пелайо, обитавший в этой местности, увидел звезду и последовал за ней. Так он обнаружил ковчег с телом апостола, которое оставалось нетленным. В тот же период была создана легенда о том, что апостол Иаков проповедовал на Пиренейском полуострове, что исторически совершенно неправдоподобно.

В 896–899 гг. король Альфонс III издал указ, по которому над мощами была построена небольшая церковь. Само место получило название Компостела (*лат.* Campus Stellae – «Место, обозначенное звездой»).

Святой Иаков стал покровителем Испании и освободительной войны, Реконкисты, так как чудесным образом являлся во время битв с маврами. А также он стал покровителем паломников, поскольку, по преданию, совершил далекое путешествие из Святой земли в Испанию для обращения язычников в христианство. К XI в. паломничество в Сантьяго-де-Компостела приобрело статус второго по значимости после путешествия в Святую землю.

В конце XX в. традиция паломничества в Сантьяго-де-Компостела возродилась. Сейчас оно проходит таким образом. Сначала паломник получает специальный документ, паспорт пилигрима, который действует еще со времен Средневековья. Затем он должен пройти пешком сто или проехать на велосипеде двести километров. По прибытии в Сантьяго-де-Компостела паломник предъявляет в соборе свой паспорт пилигрима с отметками, сделанными в пути, после чего получает написанный по-латыни «Сертификат Компостелы» (свидетельство о прохождении «пути Иакова»).

В современной Испании день поминовения апостола Иакова (25 июля), как и в Средние века, празднуется особо. Когда он приходится на воскресенье, объявляется «год святого Иакова», и церковные празднества в этом году особенно торжественны.

Юлий Цезарь расширил границы римского государства до берегов северной Атлантики и подчинил римскому влиянию территорию Транспаданской Галлии (современная Франция), а также начал вторжение на Британские острова. Обладая блестящими способностями военного стратега и тактика, он

одержал победу в сражениях гражданской войны и стал единовластным повелителем Рима. Вместе с Гнеем Помпеем он начал реформирование римского общества и государства. Современники Цезаря поговаривали о его стремлении к неограниченной власти. Однако, вместо того чтобы принять царский титул, он стал пожизненным диктатором. Убийство Гая Юлия Цезаря повлекло за собой гражданские войны и как следствие закат Римской республики и зарождение империи.

Позже многие монархи хотели включить легендарного Цезаря в свою родословную или доказать преемственность своей власти от великого правителя древности. Так произошло немецкое слово «кайзер», а также русское – «царь».

Географические и исторические неточности имели место в средневековой художественной литературе. Авторы произведений далеко не всегда соблюдали историческую достоверность. В данной легенде действие переносится из средневековой Испании в древний город Вавилон. Подобный ход служит для того, чтобы показать читателю, как давно происходили события и как далеко отправился Флор за своей возлюбленной. В то же время автор использует привычные ему бытовые и общественные понятия при описании дальних стран. Так, у жены эмира появляются придворные дамы, Флор на Востоке расплачивается французской монетой денье, а в конце легенды отец коронует его, подобно западноевропейскому монарху.

Лорелея

Многие легенды объясняют возникновение названий различных городов, рек и горных вершин. Такова и легенда о Лорелее. Она рассказывает, откуда появилось название скалы, расположенной на восточном берегу Рейна, в самом узком месте русла реки на территории Германии. Название этой скалы происходит от немецких слов «лурельн» (на местном диалекте – «шептание») и «ляй» («скала»). Таким образом, слово «Лорелей» когда-то переводилось как «шепчущая скала». Эффект шептания производился водопадом, который долгое время существовал в этой местности. Кроме того, сильное течение и скалистый берег этого отрезка Рейна были причиной для частых кораблекрушений.

Немецкий поэт Клеменс Брентано (1778–1842), заинтригованный звучным именем скалы и ее живописным расположением, сочинил балладу «На Рейне в Бахарахе» (1801),

рассказывающую о деве Рейна Лорелей, заманивающей рыбаков на верную гибель. Этот созданный Брентано миф позже использовали в своих произведениях многие немецкие поэты. Но среди стихов о Лорелее наиболее известным стало стихотворение Генриха Гейне «Лорелей» (1824), которое перевел на русский язык Александр Блок.

Не знаю, что значит такое,
Что скорбью я смущен;
Давно не дает покоя
Мне сказка старых времен.

Прохладой сумерки веют,
И Рейна тих простор.
В вечерних лучах алеют
Вершины дальних гор.

Над страшной высотою
Девушка дивной красы
Одеждой горит золотою,
Играет зла́том косы.

Златы́м убирает гребнем
И песню поет она:
В ее чудесном пенье
Тревога затаена.

Пловца на лодочке малой
Дикой тоской полонит;
Забывая подводные скалы,
Он только наверх глядит.

Пловец и лодочка, знаю,
Погибнут среди зыбе́й;
И всякий так погибает
От песен Лорелей.

Композиторы из Германии и Венгрии, Фридрих Зильхер и Ференц Лист, положили стихи Гейне на музыку. А немецкий композитор Феликс Мендельсон работал над оперой на тот же сюжет.

Память о Лорелее увековечили не только в литературе и музыке, но и в изобразительном искусстве. На утесе, где, согласно легендам, любила сидеть дева Рейна, установлена

скульптура русалки из серого камня.

Тангейзер

Легенда о средневековом миннезингере Тангéйзере связана с преданиями о горе Герзельберг, или Венериной горе, близ немецкого города Вартбург, знаменитого тем, что в Средние века там проходили известные всей Европе состязания поэтов. В одном из таких состязаний, согласно древнему преданию, принимал участие и Тангейзер.

Наиболее известный пересказ легенды о Тангейзере – одноименная опера немецкого композитора Рихарда Вагнера. Эта опера длится около четырех часов.

Русские поэты также обращались к теме приключений Тангейзера. Максимилиан Волошин посвятил этому миннезингеру одно из своих стихотворений.

ТАНГЕЙЗЕР

Смертный, избранный богиней,
Чтобы свергнуть гнет оков,
Проклинает мир прекрасный
Светлых эллинских богов.
Гордый лик богини гневной.
Бури яростный полет.
Полный мрак. Раскаты грома…
И исчез Венерин грот.
И певец один на воле,
И простор лугов окрест,
И у ног его долина,
Перед ним высокий крест.
Меркнут розовые горы,
Веет миром от лугов,
Веет миром от старинных
Острокрыших городков.
На холмах в лучах заката
Купы мирные дерев,
И растет спокойный, стройный,
Примиряющий напев.
И чуть слышен вздох орга́на
В глубине резных церквей,
Точно отблеск золотистый

Умирающих лучей.

Тангейзер – реальное лицо, немецкий миннезингер середины XIII в. Некоторые исследователи пытались доказать его связь с одним из существовавших в Германии и Австрии дворянских родов фон Тангаузен. Но их труды успехом не увенчались. Стихотворения Тангейзера насыщены аллегорическими образами и своеобразными гиперболами. Так, осмеивая притязания своей возлюбленной на его служение, он уверяет: «Она хочет исполнить мою волю – я только должен принести ей со дна моря песку, на котором отдыхает солнце; она хочет меня утешить – ей нужна от меня только та звезда, которая стоит вблизи от заката».

Крестоно́сцы – воины, отправившиеся в Крестовый поход. Название происходит от слова «крест», который был изображен на их знаменах, одеждах и оружии как символ христианской веры и миссии.

Изначально *цвет* пришиваемых на одежду крестоносцев *крестов-нашивок* был алым. Флаг Крестового похода («крест крестоносцев») представлял собой прямой крест на белом или любом ином фоне, который был отличительным знаком участника Крестовых походов. Один из вариантов этого креста (иерусалимский крест) представлял собой пять золотых крестов на серебряном фоне. В качестве герба он был взят норманнским завоевателем Годфридом Бульонским, который принял титул Защитника Гроба Господня и стал первым правителем Иерусалима после его освобождения от мусульман в конце Первого крестового похода в 1099 г.

Данный вид креста часто используется на покрывалах на алтаре: большой крест символизирует Христа, четыре маленьких – авторов четырех Евангелий, распространяющих христианство на четыре стороны света. Пять крестов вместе также могут символизировать раны Христа. Позже, во время Восьмого крестового похода, или «Войны крестов» (1270), крестоносцы уже использовали кресты самой разной формы. Они служили им отличительными знаками. Кроме того, каждое государство стало изображать свой крест собственным цветом: у Англии был белый крест, у Франции – красный, у Фландрии – зеленый, синий или голубой – у Италии, и «джульс» (геральдический красный) – у Испании; крестоносцы из Шотландии несли крест святого Андрея; тамплиеры взяли красный восьмиконечный крест на белом фоне, а рыцари ордена святого Иоанна изображали на своих знаменах восьмиконечный белый крест на черном фоне (теперь известный

как мальтийский крест).

Император Фридрих Воинственный. – Имеется в виду Фридрих II Штауфен (1212–1250), король Сицилии (с 1197 г.), Германии (с 1212 г.), император Священной Римской империи (с 1220 г.); внук Фридриха I Барбароссы.

Фридрих II – одна из колоритных фигур в истории. Этот воинственный правитель создал в Сицилийском королевстве подобие восточного государства. Он был одним из самых образованных людей XIII в., знал греческий, арабский и латинский языки, писал стихи и научные трактаты, основал в Неаполе университет (1224). Руководитель Шестого крестового похода (1228–1229), Фридрих II проявил себя не только как полководец, но и как дипломат. Высадившись с небольшим войском в Святой земле, император без единого сражения договорился с египетским султаном о передаче Иерусалима, Вифлеема и Назарета под власть христиан. (Кровавое сражение, описанное в легенде, один из приемов средневековой литературы, помогающий созданию образа короля-героя.) Фридрих сам возложил себе на голову корону в храме Гроба Господня, подтвердив титул короля Иерусалимского (1229). Он называл себя наместником Всевышнего, повелителем мира и новым Константином, а после коронации в Иерусалиме – еще и преемником царя Давида.

В 1245 г. Фридрих II был низложен с императорского престола Вселенским собором. А в конце жизни был отлучен папой римским от церкви и объявлен Антихристом. После его смерти родилась легенда, будто он не умер, а скрылся, чтобы явиться перед концом света, реформировать церковь и установить царство всеобщего мира. В Италии и Германии во второй половине XIII в. появлялись самозванцы, выдававшие себя за Фридриха II.

Рыцарь мечты

Легенда о любви французского трубадура Джауфре Рюделя (ок. 1100 – после 1148) родилась в XIII в. Она возникла на основе его стихов, в которых говорится о безнадежной любви к далекой прекрасной женщине – о «любви издалека». Рюдель написал шесть стихотворений и не был особенно известен среди своих современников: упоминание о нем и его романтической любви встречается только в двух старопровансальских текстах.

В жизнеописании трубадура рассказывается, что Рюдель,

сеньор Блаи, полюбил графиню Годьерну Триполитанскую за красоту, добродетель и благородство, о которых он узнал от паломников, и сложил в ее честь много прекрасных стихов. Чтобы увидеть возлюбленную, Джауфре Рюдель, став участником Крестового похода, покинул родной Прованс и отправился на Восток. Во время морского путешествия он заболел и скончался в Триполи на руках графини. Она приказала похоронить его с почестями в соборе триполитанского ордена тамплиеров, а сама в тот же день постриглась в монахини.

Однако легенда о Джауфре Рюделе стала очень популярна в европейской литературе XIX–XX вв. На ее основе французский поэт и драматург Эдмон Ростан создал поэтическую драму «Принцесса-грёза», а современный финский композитор Кайя Саариахо написала оперу «Любовь издалека». Кроме того, она создала произведение для сопрано и электроники на стихи Д. Рюделя, названное «Издалека».

Свеча от Гроба Господня

Легенду о рыцаре, который привез из Иерусалима свечу, зажженную у Гроба Господня, рассказала знаменитая шведская писательница Сельма Лагерлёф. Эта легенда времен Первого крестового похода послужила основой флорентийскому пасхальному ритуалу возжигания святого огня.

Согласно средневековой легенде, участвовавший в освобождении Гроба Господня отряд флорентийцев возглавлял Паццино де Раньери из рода Пацци. За мужество и подвиги, совершенные в боях, рыцарь получил три камня из Гроба Господня. Паццино должен был доставить их к пасхальной мессе во Флоренцию. На повозке вместе с осколками камней везли еще и святой огонь, возжённый с их помощью.

С тех пор в память об этом событии во Флоренции ежегодно совершается торжественная церемония. Она начинается в церкви Святых Апостолов, где священник при помощи трех камней, привезенных де Раньери, высекает искру, чтобы зажечь пасхальную свечу. Святой огонь с торжественным шествием переносят в собор Санта-Мария дель Фьоре. В то время, когда в святой мессе звучит песнопение «Глория», зажигается ракета, сделанная в виде голубя. Она летит через собор и через часть площади, чтобы поджечь повозку, наполненную петардами.

Флорентийцы верят, что от того, зажжется огонь или нет, зависит, насколько удачным будет год. Подтверждением поверью служит исторический факт. В 1966 г. ракете не удалось поджечь

повозку – ив том же году город постигло наводнение.

Первый крестовый поход был организован с благославения римского папы Урбана II по просьбе византийского императора Алексея I. Его целью было помочь восточным христианам защититься от мусульман-сельджуков. Во время похода появилась вторая, не менее важная, цель – освобождение священного города Иерусалима и Святой земли от мусульман. Изначально римский папа призывал вступиться за братьев-христиан только французских рыцарей, но впоследствии идея Крестового похода захватила все христианские государства Западной Европы. В июле 1099 г. был завоеван Иерусалим. По окончании Первого крестового похода было основано Иерусалимское королевство и другие христианские государства, которые объединились под названием Латинского Востока.

Герцог Готфрид после освобождения Иерусалима от власти мусульман был провозглашен правителем Иерусалимского королевства (1099). Готфрид отказался короноваться золотым венцом в городе, где Христос был коронован терновым. Вместо королевского титула он принял титул барона и Защитника Гроба Господня (*лат.* Advocatus Sancti Sepulchri).

Вокруг личности Готфрида в XII–XIII вв. сложился цикл эпических поэм. В некоторых из них его происхождение возводилось к легендарному Элиасу, Рыцарю Лебедя. О подвигах самого герцога рассказывают поэмы: «Отрочество Готфрида», «Взятие Акры» и «Смерть Готфрида».

notes

Примечания

1

Т р у в е́ р – средневековый французский поэт-певец конца XI – начала XIV в., слагавший как лирические, так и эпические произведения.

2

Т р у б а д у́ р – средневековые южнофранцузские (провансальские) странствующие певцы.

3

Комментарии к легендам см. на с. 221–238.

4

Л а з у р и́ т – камень синего цвета.

Грот-мачта – средняя (или вторая от носа), самая большая по размеру мачта на парусном судне.

6

Р а́ т у ш а – в большинстве европейских стран здание, где заседает городской совет.

7

Э м и́ р – в странах Востока так называли мусульманских князей.

8

П о р ф и́ р – камень красного цвета, используется в строительстве.

9

Е́внух – слуга, следящий за женами господина в гареме.

10

С е н е ш а́ л ь – главный сановник при короле Франции. Заведовал внутренним порядком при дворе, был судьей и военачальником.

11

Святой Ия́ков – один из двенадцати учеников (апостолов) Иисуса Христа. Подробнее см. коммент. на с. 226–228.

12

С т и́ л у с – палочка с заостренным концом, которой писали на покрытой воском дощечке.

13

М а н д р а г о́ р а – травянистое растение, корни которого напоминают человеческую фигуру, в связи с чем мандрагоре приписывали магическую силу и употребляли ее при гаданиях и занятиях магией.

14

К а р б у́ н к у л – драгоценный камень, красный гранат.

15

Гай Ю́лий Це́зарь (102 или 100 – 44 гг. до н. э.) – римский полководец и правитель. Подробнее см. коммент. на с. 228.

16

З а ж и́ т о ч н ы й – состоятельный, с большим достатком человек.

17

В а в и л о́ н – город в Месопотамии, существовавший в XIX–VI вв. до н. э. В данном случае – историческая неточность. Подробнее о таких неточностях см. коммент. на с. 228–229.

18

К о́ р м ч и й – рулевой, управляющий движением судна.

19

С к и́ л л а (Сци́лла) и Хари́бда – морские чудовища, обитавшие на скалах по обеим сторонам узкого пролива и нападавшие на проплывающие корабли (*гр. миф.*).

20

Д е н ь é – мелкая монета, грош.

21

К л а р é т – красное виноградное вино.

22

В а с с а́ л – в Средние века землевладелец, обязанный за землю, предоставленную королем, нести воинскую повинность.

23

М е н е с т р е́ л ь – придворный певец и музыкант (мог быть также поэтом и автором музыки) в средневековой Франции и Англии.

24

*Крест**о́**вый поход* – один из военных походов на Ближний Восток (1096–1270), организованный западноевропейскими феодалами и католической церковью с целью освобождения Гроба Господня и Святой земли (Палестина) от мусульман.

25

Б а с у р м а́ н – иноземец, человек иной веры (от искаж. *тюрк.* «бесермек»).

26

С а р а ц и́ н ы – в Средние века в Европе так называли арабов и вообще мусульманские народы, против которых предпринимались Крестовые походы.

27

Подробнее о крестоносцах и цветах их крестов см. коммент. на с. 232–234.

28

«Этого хочет Бог!» – ободряющий клич крестоносцев (*лат.*).

29

Фридрих Воинственный – император Священной Римской империи, руководитель Шестого крестового похода (1228–1229). Подробнее см. коммент. на с. 234–235.

30

А к р а́ – город на побережье Средиземного моря, служивший крестоносцам гаванью.

31

Т р и е́ с т – город-порт в Италии.

32

М и с т р а́ л ь – холодный северный ветер.

33

М и н н е з и́ н г е р – поэт-певец в средневековой Германии.

34

К а п е л л а́ н – здесь: католический священник при домашней церкви.

В е н е́ р а – богиня любви и красоты (*рим. миф.*).

36

Ю п и́ т е р – верховный бог, управлявший небесными явлениями, а также вершивший судьбы народов и государств (*рим. миф.*).

А м у́ р – бог любви, сын Венеры (*рим. миф.*).

38

Урба́н Четвертый (1195 или 1200–1264) – папа римский (1261–1264), патриарх Иерусалимский (1255–1261).

39

Слёзный дар в Средние века считался признаком человека святой жизни. Так, например, одним из доказательств святости Жанны д'Арк в глазах простого народа послужило то, что она плакала, видя чужие страдания.

40

П и л и г р и́ м – богомолец, странствующий по святым местам.

41

Святые места – название некоторых мест в Иерусалиме и его окрестностях, связанных с событиями земной жизни Иисуса Христа.

42

М у́ с к у с – пахучее и лечебное вещество, добываемое из желез некоторых животных.

П а́ ч е – больше (*устар.*).

44

Д о ж – глава республики в средневековой Венеции и Генуе.

45

Имеется в виду Первый крестовый поход (1096–1099). Подробнее см. коммент. на с. 237–238.

46

Герцог Го́тфрид (Готфрид IV Бульонский; ок. 1060–1100) – один из предводителей Первого крестового похода. Подробнее см. коммент на с. 238.

47

Апостол Петр – один из двенадцати учеников Иисуса Христа, которому были вручены ключи от входа в Небесное Царство (рай). В народных легендах он выступает стражем райских ворот.

48

М é с с а – богослужение в католической церкви.

49

Страстна́я суббота – последняя суббота перед Пасхой, посвященная воспоминанию о пребывании Иисуса Христа во гробе и сошествии Его в ад для избавления душ умерших от власти смерти.

50

П а́ с х а – главный христианский праздник в честь воскресения Иисуса Христа.

51

Р и́ з н и ц а – в христианских храмах помещение для хранения облачения священников, церковной утвари.